

В. ЧУКАРИН
ПУТЬ
К ВЕРШИНАМ

В. ЧУКАРИН

**ПУТЬ
К ВЕРШИНАМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Литературная запись
Евг. СИМОНОВА

ХЛОПЕЦ С МАРИУПОЛЬСКОЙ СЛОБОДКИ

Парусник появился так неожиданно, словно он сошел со страниц любимой книги, и нам, затаившим дыхание босоногим мальчишкам, казалось, что вот-вот раздастся хрипловатый голос старшего боцмана, разгоняющего всех по вантам и реям. Но не успели мы разглядеть диковинку, как корабль до самых макушек мачт оделся во все белое и медленно, чуть наклонившись в нашу сторону, двинулся в море.

— В-е-г-а! — медленно, нараспев читаем мы проплывающее перед нами имя корабля.

— Вот это да!

— Какой корабль!

— И кто только плавает на нем?

Кто из нас, мариупольских мальчишек, прокопченных под летним солнцем, словно снятая с жаровни рыбка-барабулька, не повидал на своем веку всяких-превсяких кораблей: и обшарпанные греческие транспорты, и аккуратные катера морских пограничников, и многие другие. А Павлик Сливка даже видел однажды подводную лодку, невесть откуда появившуюся в наших местах и выставившую свой перископ на траверсе Белосарайской косы.

Но такого светлого, стройного, без дымящихся труб и стучащих машин корабля не видал еще никто, и мы молча долгим взглядом провожали «Вегу», пока белые блики ее парусов не слились с облаками в открытом море,

— Дывись, Виктор! Такого корабля в жизни своей не бачив! — произносит мой закадычный друг Павлик, потирая коленку, настолько шершавую, что поверхность ее напоминает лоскут наждачной бумаги.

Молча киваю, не в силах сказать хотя бы слово, будто мне страшно разрушить неосторожным звуком очарование видения, что возникло перед нами и так быстро растаяло в зеленоватых просторах.

Пройдут годы, и кое-кто из нас, уже повзрослевших, возмужавших, увидев на экранах белокрылый «Дункан», узнает в нем знакомые черты: «Стой, никак наша «Вега»?» Да, это он — учебный парусник мореходного техникума — был одним из участников кинофильма о скитаниях детей капитана Гранта, его-то мы и видели у мариупольских причалов во время съемок.

«Буду моряком», — твержу я себе.

— Як ты думаешь, Павка, цо треба моряку? — пристаю к другу.

— То я ж знаю? По канату, верно, лазить, как обезьяна. В звездах разбираться опять же. Плавать. Нырять за жемчугом, — выкладывает Павел небогатые сведения, почерпнутые из приключенческих книжек. — А главное, — уверенно заключает он, — хорошо лазить по мачтам и перед качкой не трухать. Моряк и все здоровенные, як тот Поддубный.

Давно уже отзвучал над береговыми дюнами призыв горна и замер где-то в стороне моря. Промчались к обеду ребята из нашего пионерского лагеря, и только я все еще силюсь разглядеть парусник в бесконечности волн, переливающихся под солнцем. Пора, давно пора итти в лагерь! И без того на моей совести немало прегрешений. Не успеет бывало дежурный вожатый произнести: «А кто заставляет себя ждать к обеду?» или «Кого после отбоя не нашли на койке?» — как я привычно жду: «Чукарин!» — «Опять Чукарина!»

И почему это так нескладно у меня получается: вечно тянет меня куда-то не в ту сторону. Пошли на экскурсию в городской питомник. «Все ребята как ребята, — уныло жалуются потом старшая вожатая, — ходят, знакомятся с богатствами природы, повышают свои знания. Один Чукарин противопоставляет себя коллективу

и — что бы вы думали? — ломает ценнейший экспонат нашего городского питомника». А кто бы мог думать, что этот цветок, который я сорвал на спор, «экспонат», да еще «ценнейший». На моем счету и история с кладбищем. Когда колхозные девчата возвращались с базара, из-за могильного памятника «негоцианту Деспоту Мембешеву» появились вдруг призраки, один из которых, спасаясь потом от бойких девчат, потерял тапочек с меткой «В. Ч.» (опять я, а два других «привидения» успели дать деру).

Ну, делать нечего, пора к обеду.

Через неделю конец каникулам: пожалте, Виктор Иваныч, в школу!

Но мечты о морских приключениях не оставили нас. Оперативный народ эти мальчишки! Один уже намалявал, послунявив чернильный карандаш, здоровенный якорь на руке. Другой раздобыл у кого-то из старших выцветшую тельняшку. Мы с Павкой размышляем, что химия моряку нипочем не потребуется, а я и без того с самого начала с нею не в ладу, лучше уж приналягу на географию. На море придется иметь дело со звездами, с компасом (с морским шиком произношу теперь: «компас»), с разными там Гольфстримами да Куросивами. Но как же быть с мачтами и реями? Не возьмут же в матросы, если не умеешь лазить!

И утром по команде «по марсам и салингам, рифы поднять» вперегонки лезем по ветвям соседского тополя, и взобравшийся первым, представляя себя моряком на мачте, тянет похищенную у матери бельевую веревку.

Поздний вечер. Мать уже разобрала постели, и отец позевывает, готовясь ко сну. Чу! Что это? Заливистый свист под окном. Хватаю ведро, как нарочно, почти полное, и, не дав опомниться старшим, выскакиваю на двор: «Нужно припасти воды на утро». Меня поджидает Павка.

— Слухай, Витюха, надо поделатать себе турник, тогда мускулы будут у нас, як у тех акробатов из цирка.

Он тащит меня в укромный уголок двора.

— Чуешь, какой важный турник выйдет!

В углу прислонен здоровенный ржавый лом с утолщением посредине. Наутро, конечно, не до уроков: надо укрепить кое-как отчищенный лом между стеной дома и сарайчиком, где складываем уголь и картофель. Потом надо первому раскататься на металлическом стержне; пусть один конец его так и ездит в податливых земляных кирпичках, из которых выложен батькиными руками сарай.

Поплевав по мальчишескому обычаю на ладони, лезу на турник. Ничего, держится неплохо! Раскачиваюсь сильнее, теперь надо сделать тот рывок, который, как я видел не раз, высоко возносит тело гимнаста над стальной осью. Странное дело: не получилось! Болтаюсь, как бельё на веревке. Еще разок! Нет, как ни дрыгаю изо всех сил ногами, не могу взлететь. И мускулы, оказывается, не наливаются, как яблоки на дереве. Проходит неделя-другая, третья. Каждое утро старательно ощупываю руку у локтя. Все такая же, разве что прибавилось ссадин да мозолей на ладонях.

Мы разочарованы. Забываем наш турник, примиряемся с тем, что на нем не только выбивают матрацы, но даже сушат пеленки.

Хорошо осенним днем, засунув за пазуху ломоть хлеба, уйти к Белосарайской косе... Жарко палит солнце. Пестрым, многоцветным ковром — оранжевым, синеватым, алым — раскинулась приазовская степь. Не о ней ли читал нам вчера учитель на уроке литературы: «Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их...»

Вот какой была в далекие века наша степь, ныне перепаханная вдоль и поперек, обжитая, с белеющими там и сям хатами, в одной из которых у селян Ивана Евментьевича и Христины Клементьевны и родился 11 ноября 1921 года сын Виктор.

Десять лет спустя отец вместе со всей семьей переехал в город Мариуполь, нынешний Жданов. Из степняка я стал горожанином. Но не сразу привык

к городу со стоящими над ним, будто несменяемые часовые, заводскими трубами, с неумолкающим ни днем ни ночью, словно морской прибой, гулом цехов, с тесными после нашего степного приволья улочками и дворами.

Но как-то раз, когда наш учитель истории повел буйную ватажку хлопцев и девчат по улицам, площадям и, то и дело останавливая нас, спрашивал: «Так что же видят перед собой молодые люди?» — а молодые люди отвечали: «Ну, дом, самый обыкновенный дом, Василий Спиридонович», — в рассказе нашего проводника передо мною раскрылся город, словно живая книга, которая таит в себе много интересного.

— Вы, конечно, заметили, молодые люди, что город, в котором вы проживаете, расположен на возвышенности, с трех сторон омываемой водой. Лишь с четвертой стороны к горе, на которой мы стоим, примыкает степная равнина. Со всех других сторон — реки и море. Что давало такое местоположение? Удобства и для обороны и для торговых сношений со всеми краями и землями: на север — с русскими городами, на юг — с Крымом и портами Адриатики или Средиземного моря.

Учитель вынул из папки старинный, отпечатанный на плотной бумаге рисунок. Орел в гнезде кормит кусками вырванного из своего тела мяса жадно разинувших клювы птенцов.

— Что это?

Из всех нас только Вова Лубенец мог ответить на вопрос учителя:

— Не скажу зараз, а трошки знаю: та птица высечена на нашем доме, акурат над подъездом.

— Правильно, — поддержал Вову историк, — это и есть старинный герб города Мариуполя.

И славный старик повел нас в путешествие по уходящим во вчерашний день ступеням веков.

— ...Одиннадцатое июня тысяча семьсот восьмидесятого года — вот день рождения нашего города, — сказал Василий Спиридонович и прочитал нам несколько строк из «Описания городов и уездов Азовской губернии», составленного по приказу Потемкина

в 1789 году: — «Уездный город Мариуполь, построен в 1780 году... на самом том месте, где был древний город Ардамахи. Домов каменных — 53, мазанок — 20, купцов — 144, мещан — 213 и цеховых — 1 149. Гаваней нет и сделать нельзя, по причине мелководья; большие суда становятся на якорь не ближе 4 верст. Воздух здоровый».

— Но люди поселились здесь еще раньше, — продолжал свой рассказ наш учитель. — Ведь об этих берегах, по которым бродим сейчас мы, писал еще великий греческий историк Геродот.

«Меотийское озеро» — так называли мореплаватели Эллады наше Азовское море, по берегам которого кочевали дружины воинственных скифов. Шли века. И в X веке дружины славянского князя Святослава утвердились на этих землях, близ моря, которое звалось тогда «Сурожским», а арабские историки называли его «Русским» и «Славянским».

Мы шли к таким казавшимся ничем не примечательными местам, как базар или бойня, и узнавали, что шесть веков назад здесь стояла сильная казацкая крепость — Калмиусская паланка. Подумать только, что там, где торгуют сейчас таранью и пшеничкой, расхаживал усатый, как Тарас Бульба, казачий полковник, а с дозорных вежей поглядывали на горизонт чубатые хлопцы.

Взбежав наперегонки на холм, заросший ковылем, мы узнали от нашего учителя, что этот курган насыпан еще руками скифов, а там, где текут сейчас жаркие реки металла Азовского завода, откопали недавно могильник, захороненный добрых пять тысяч лет назад.

Вот в каком, оказывается, городе я поселился.

Мы росли в интересное время. Не только открывались новые для нас страницы биографии родного Мариуполя, который, словно живой человек, мужал, раздавался в плечах, набирался сил, как и каждый из нас. Мы видели и его будущее. Любили мы ходить к степной окраине у берега Кальмиуса. За камышовыми зарослями поднимались вдали темные громады домен. Было время, когда они поразили мое мальчишеское воображение: «Печи, в которых, словно кашу,

варят железо». Теперь-то я знал и для чего по степной целине бродили в зарослях бурьяна дядьки, разглядывая что-то в установленные на трех ногах трубки, и для чего вслед за ними пришли сюда степенные землекопы и грабари, а за ними валом повалили и другие рабочие. Они должны поставить здесь новые домны, не чета старым, которые остались от прежнего Мариуполя. Любой мальчишка видел, как разгружают у причалов баржи, полные рыжеватой камышбурунской руды из Керчи. Навстречу им Донбасс слал свой крепкий как камень, поблескивающий жирным глянецом уголек. Встретятся они вместе в утробе домны, и родится чугун.

...В седьмом классе я впервые участвую в настоящих спортивных соревнованиях.

Городской парк культуры и отдыха. Беговая дорожка, которую сплошь облепили участники, — их здесь немало, но еще больше тех, кто пришел просто поболеть за своих. Судья вызывает на старт первую очередь бегунов, выравнивает, и в наступившей тишине отчетливо слышен его сигнальный свисток и повелительное «назад» (кто-то из бегунов ушел до сигнала). Снова тишина. Снова свисток. И гомон голосов, подбадриваний, понуканий, не умолкающий до самого финиша.

Оглядываюсь... Рядом со мной парнишки лет по шестнадцати, а мне ведь только пошел пятнадцатый. Сигнал я уловил во-время и первым выбежал вперед. Топ-топ! Тук-тук! Отталкиваюсь от упругой дорожки и чувствую, как поднывающая во мне сила, и легкость, и порыв уносят вперед и вперед. Сотня метров... Другая... Третья... А впереди только неясно маячащие где-то вдаль павильоны и загибающаяся влево дорожка, на которой вдруг появляется спина в красной майке, за ней еще одна. Обходят. Проиграю. Мысли мелькают, сменяя одна другую, и, как бы отвечая им, еще резче начинаю рассекать руками воздух, сильнее отталкиваться от дорожки.

Прихожу третьим.

— Совсем неплохо, Чукарин, — говорит жогаый, — тысячу метров одним духом не пробежать —

нужна и выносливость. У тебя она есть, а вот техника, брат, не могучая.

Есть у меня время думать о какой-то технике! По мне, куда интереснее в футбол на пустыре погонять, чем какими-то приседаниями заниматься. Здоровый парень всегда будет здоровым, а слабаку нечего в спорт соваться...

Сегодня наша компания — Слава Карамушка, Миша Яцук и я — свободна от занятий: наступили летние каникулы, и мы дружно шагаем по улицам. Вдруг ухо улавливает мерно ухающие вдали, за много кварталов, удары. Отсюда сразу и не определишь, что это такое, но мы-то знаем: «Музыка идет!» Где-то по городу движется, приближаясь к нам, духовой оркестр. Мы прибавляем шаг навстречу звукам, которые несутся от проспекта Республики. Ну, конечно же... Весь проспект, от края до края, заполнили физкультурники, загорелые, смеющиеся.

Идут и идут колонны... Прошли все, как одна, в голубом ученицы школы номер один с легкими обручами через плечо. За ними — успевшие покрыться густым загаром гимнасты общества «Здоровье». А там молодые ребята из металлургического техникума, и пишевики, и медики. Нет, кажется, конца этому веселому потоку. Теперь и наш маршрут определяется сам собой: на стадион, вместе с физкультурниками. Сегодня вход свободный, и не нужно обходить не внушающих нам симпатии контролеров, искать более спокойные пути через забор.

Нашей страстью был, конечно, футбол. Он стоял над всеми видами спорта на такой высоте, что, по твердому мальчишескому убеждению, рядом с футболистами можно было бы поставить разве только летчиков или моряков. В этот день — праздника открытия летнего спортивного сезона 1937 года — предстояла встреча сборной города со славившейся на весь Донбасс командой краматорцев. Но незадолго до того, как с соблюдением всех правил спортивного ритуала был положен в центральный круг упругий мяч и, отдаваясь в сердце каждого болельщика, пропела судейская сирена, на стадион вышли гимнасты.

Поле заполнили спортсмены. Их были сотни, и они растекались по всему стадиону, словно искрящийся на солнце поток, хлынувший через раскрытые шлюзы. Мы не слышали ни свистков, ни команд. Но мы видели, как на поле возникали движущиеся квадраты и круги, поднимались над травяным ковром многоярусные пирамиды. Мы отбили ладони, когда перед нами выросла гигантская пятиконечная звезда с серпом и молотом. Как было завидно, что не мы, а знакомые нам девчата из первой школы легко порхают по полю с обручами, в которые вплетены красные звезды! А эти ребята в обтягивающих тело васильковых рейтузах и белоснежных майках, которые смело взмывали над турниками, словно белокрылая стая чаек, взлетающих над морем! Вот мелькнули знакомые лица — Толик Егоров и Вася Коробков, а потом и они и все собравшиеся как бы сливаются в одного большого тысячерукого и тысяченого человека, так складно и согласно льются движения всех тех, кого соединил перед нами спорт.

Вот какая ты, гимнастика! Как преображаешь ты людей, когда повторенное сотнями тел простое движение — поднять руки, повернуть ладони — начинает звучать как мелодия в оркестре, словно давно знакомый мотив, который воспринимается по-новому, когда к нему прикоснулась рука симфониста. Мы затихаем, захваченные тем, что предстало перед нами, и, конечно, каждому хочется теперь стать таким же, как эти спортсмены.

Решено: будем гимнастами! Забыт (конечно, ненадолго) даже всеильный футбол. И мы — трое друзей — беремся за дело. Сооружаем новый турник.

— Здорово заразился ты этой гимнастикой, — посмеивается старший брат.

Зато и турник получается знатный. Несколько дней подряд чистим принесенную со свалки, покрытую корой ржавчины трубу. С берегов Кальмиуса, где лесозавод, таскаем мешок за мешком опилки. И когда, словно тугая струна, запели натянутые растяжки и я ощутил, как вибрирует под руками укрепленная возле дома стальная ось, радости не было конца. Мы ста-

нем спортсменами, такими же, как те, кого видели на стадионе.

Мы были упрямыми хлопцами. Спрыгнув с турника, потные и взъерошенные, с намятыми о металл ладонями, старательно припоминаем движения, которые видели на стадионе. Кажется, вот так... Именно... И один из нас, надувшись от натуги, ухитряется, наконец, задрать сложенные вместе ноги над турником. Торжествующий крик разносится по двору: «Ребя, получается вылазка передом» («переворот в упор»)! Кто же первым осилит теперь другой вариант — «вылазку назад»: подъем силой вперед в упор сзади. Это почти неожиданно удается мне.

Дворик возле перекладкины становится теперь спортивным клубом нашей улицы. А я уже накрутился до того, что ладони покрылись водяными мозолями. Но ребята народ смекалистый! Мы знаем, как старшие — отцы или братья, грузчики из торгового порта либо сталевары с «Азовстали», — защищают глаза и руки кто от нестерпимого пламени печей, кто от тяжелых ящиков. Чем мы хуже? В сенцах любого дома можно сыскать пару-другую изношенных чоботов, чтобы выпороть из них мягкий хромовый язычок. Остается пришить по его краям тесемки и потуже затянуть их на тыльной стороне ладони. Толково получилось: теперь нипочем не натрешь мозолей.

Близится осень. Свинцовыми, угрюмыми тонами отсвечивают волны, кажется только вчера игравшие, переливавшиеся радостными лазоревыми и изумрудными красками.

И у меня на душе осень. К началу учебного года оказался в новой школе, кажется четвертой по счету. По началу меня это не очень-то беспокоило, но теперь и я начинаю призадумываться: куда ни поступлю, повозятся со мной год-другой, а потом стараются отделаться — и в учении не горазд, к дисциплине, к порядку никак приохотить меня не удастся.

Только вот с гимнастикой дело у меня пошло. Давно ли, кажется, ощутил я под руками жесткое и вместе с тем податливое прикосновение металла, а вот уже что-то получается. Раскачавшись, подношу ноги

к перекладине — и сильный рывок распрямляющихся ног выносит меня так высоко, что я пребольно ударяюсь животом о металл. Но разве почувствуешь это, захваченный радостью достигнутого? Подъем разгибом — одно из тех упражнений, которые мы видели на стадионе. Удастся мне и другое: подняться, зацепившись коленкой за турник, и даже несколько раз перекрутиться вокруг снаряда. «Подъем завесом», — говорит, проходя мимо нас, кто-то из заводских спортсменов. Запомним!

Накрутишься — и засыпаешь как убитый, но и во сне мне все чудится металл турника под сжатыми «в замок» пальцами и сам я легко и свободно взлетающий над перекладиной. Бах! Это заснувший «гимнаст», повернувшись, слетает со своей койки на пол. Утром чувствую тянущую боль во всех суставах, такую, что трудно даже поднять ведро с водой. Не говорит ли это о том, что путь к лаврам гимнаста не будет таким уж легким?

«Сильный хлопец, да дурной», — то и дело слышал я от соседок. А Ярошенко, — парнишка года на три постарше меня, он уже подручным сталевара работает, — вышел как-то после смены посидеть на воздухе и обратился ко мне:

— Почему тебе, Виктор, в металлургию не податься? Сам понимать должен: без металла — что без воды! И турник ваш из металла поделан, и те вон корабли на море, и самолет на небе. А я тебе так скажу, что возле металла и человек крепче становится, печь или прокатный стан — они баловства не потерпят.

Годик-другой поработаешь, смотришь, словно тебя самого через валки пропустили, дали тот профиль твоему характеру, какой требуется рабочему человеку.

Послушал я Ярошенко, согласился, а там все пошло по-старому: вместо того чтобы с книжкой посидеть, убегаю в футбол гонять или просто по городу шататься. Только вот к физкультуре начало меня тянуть все больше, хотя в школе в те годы не стала еще она таким предметом, о котором так хорошо и мудро говорил, обращаясь к школьникам последних классов, Михаил Иванович Калинин. Он назвал им три наибо-

лее важных предмета, и одним из них была физкультура, ее Михаил Иванович поставил вслед за русским языком и математикой.

Путешествовал я из школы в школу с дневником, перелистав который и поглядев на вихрастого парнишку с оттопыренными карманами, набитыми грузилами, рогатками, свинчатками, каждый учитель видел перед собой «устойчиво отстающего ученика и постоянного дезорганизатора школьной дисциплины, отрицательно влияющего на весь класс».

Быть может, и вправду лучше надеть брезентовый фартук, темные очки, стать таким же самостоятельным рабочим человеком, как Ярошенко?

...Дверь зала — освобожденного от парт класса, где мы занимались физкультурой, — распахнулась, и в ней показалось новое лицо: немолодой уже человек в полувоенном костюме, с аккуратно подстриженными седеющими усиками и подчеркнуто прямой осанкой. Вошедшего не смутили ни гвалт, ни суতোлка, царившие на уроке. Он спокойно, словно обходящий строй командир, окинул глазами и брусья, на которых раскачивалось сразу несколько ребят, и груды матов, на которых копошилась «куча мала». Потом вышел на середину класса, поднял руки и, почти не повышая голоса, что-то сказал. Мы невольно притихли и услышали ровный, уверенный голос:

— Прошу вас, ребята, построиться по росту вдоль той стены!

Так состоялось мое знакомство с Виталием Поликарповичем Поповичем, человеком, страстно влюбленным в спорт, и в частности в гимнастику. «Поликарпыч», так уже с третьего урока звали его за глаза ребята, знал многое и многое умел. Зимой он первым надевал коньки и вычерчивал «восьмерки» и «параграфы» на льду, а весной, придерживая одной рукой румпель, а другой канат (он говорил, как каждый яхтсмен, «конец»), вел свою накренившуюся под ветром яхту по вспененным волнам.

Казалось, не было ничего, чего не знал бы наш новый учитель: и сколько раз был чемпионом мира Поддубный, и когда русская дружина разбила наголову

укрепившегося близ устья нашего Кальмиуса хазарского хана, и чем смазывать лыжи, когда на дворе мороз, а ветер с моря несет влажный подлипающий снег. Он все знал. Все мог. И ему не нужно было завоевывать себе авторитет: он пришел к нему сам собой.

— Сдается мне, что из тебя, Чукариц, может получиться неплохой спортсмен. Но «может» это еще не значит, что получится, — сказал он мне на занятиях кружка. Кроме обязательных уроков, Попович организовал у нас гимнастический кружок, и эти «необязательные» часы мы посещали едва ли не с большей охотой и рвением, чем обязательные. — Но беспорядок у тебя, молодой человек, не только в тетрадах (когда это он успел подсмотреть?), но и во всем, за что бы ты ни взялся. Почему ты, кстати сказать, в седьмом классе вторую зиму учишься?

— Дело такое, Виталий Поликарпович, случилось...

— Какое ж такое?

— Проболе́л я месяцев пять, пролежал, вот и отстал, не успел бы догнать. Ногу на футболе набил, костный мозоль получился, а потом я по нему коньком зимой саданул.

— А чем же тебя лечили, что так долго лежал?

— Да больше по-домашнему, печеным луком, песок на сковородке грели.

— А я думаю, что и намял ты ступню только потому, что мяч целыми днями гоняешь, а правил не знаешь, да и подготовки у тебя нет. Утром зарядку делаешь?

— Нет!

— Не годится, брат. По всей твоей повадке видно, что ты и за гимнастику не с того конца, дружок, берешься. Видал ты когда-нибудь парнишку, который азбуки не знает, а сразу книжки читать собрался?

— Таких чудачков нет.

— А вот ты уже на турнике «солнце» крутить пробуешь, а ведь в азбуку почти не заглядывал. В спорте, кем бы ты ни был, Виктор, — гиревиком ли, наездником, бегуном, борцом, — без гимнастической культуры

не сделать ни шагу. Это азбука спорта! Основа основ!

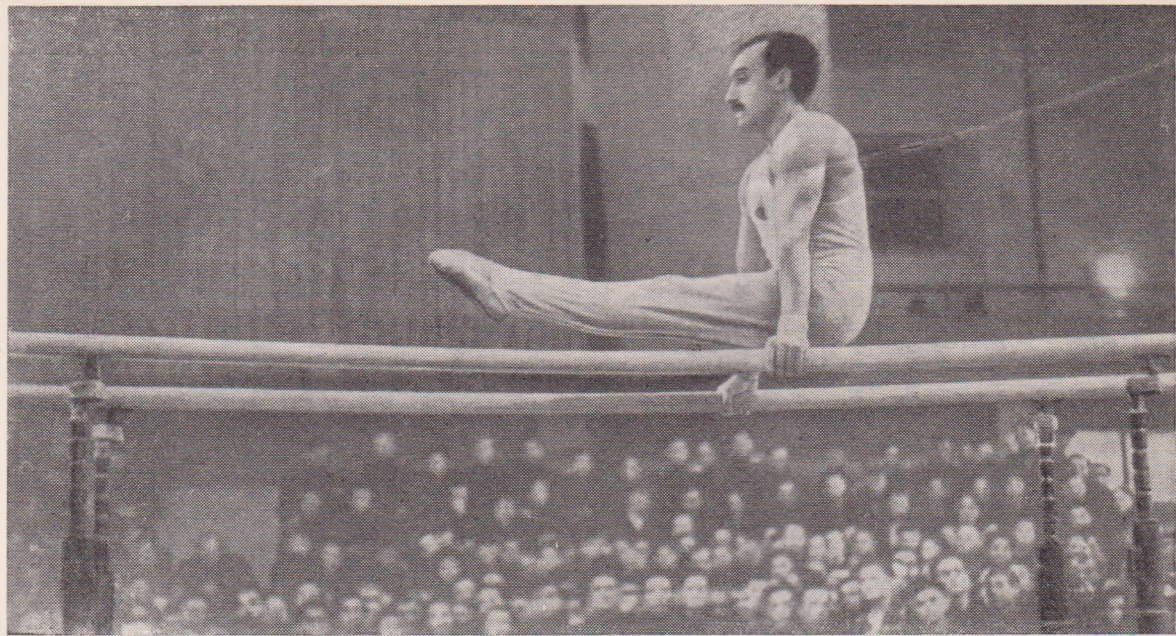
И он уселся на гимнастической скамейке, такой низенькой, что колени упирались ему чуть ли не в подбородок, а мы, сидя кто на матах, кто просто на корточках, внимательно слушали этого много повидавшего на своем веку человека.

Мы как бы увидели перед собой Москву девятнадцатого года — время тяжелое, рабочие получают по восьмушке хлеба, фронт все ближе подступает к столице. По улицам идет человек в солдатской шинели, читая развешанные на стенах напечатанные на оберточной бумаге газеты... И рядом красочный плакат: «Праздник Всеобуча на Красной площади и парад рабочих полков, коммунистических батальонов, курсантов военных школ в связи с первой годовщиной декрета ВЦИК о военном обучении рабочих и крестьян».

Без малого двадцать лет минуло с той поры, но Попович отчетливо помнил тот день, когда он, вернувшийся с фронта командир, увидел выстроившиеся вдоль площади отряды вооруженных рабочих. Он видел Владимира Ильича Ленина, который обходил строй участников и, улыбаясь, смотрел с трибуны на торжественный парад.

«Сегодня мы празднуем день всеобщего военного обучения трудящихся, — ловил Попович каждое слово Владимира Ильича Ленина... — Сегодняшний праздник показывает, каких успехов мы достигли, какая новая сила растет в недрах рабочего класса. Когда мы смотрим на этот парад, мы становимся уверенными, что Советская власть завоевала сочувствие рабочих всех стран...»

— Этот день — 25 мая 1919 года, когда вслед за парадом в районах столицы начались выступления спортсменов, — был прообразом физкультурных праздников, — вспоминал наш учитель. — Немного спортсменов было тогда, но в этот день на поля и дорожки площадок и стадионов вышли гимнасты и атлеты, велосипедисты и бегуны. Заполненные народом улицы и площади напоминали первомайскую Москву...

*В упражнениях на параллельных брусьях советские гимнасты сильнейшие в мире.
На снимке: Г. Шагинян*

О многом поведал нам в тот вечер и в другие вечера наш учитель. Он рассказал нам, что слово «гимнастика» родилось в Элладѣ и происходит от древнегреческого «гимнос» — «обнаженный».

— Законно горжусь тем, что одним из моих коллег, — улыбнувшись, сказал Попович, — был великий Архимед, о котором вы не раз слышали на уроках физики. Ведь он тоже был учителем гимнастики.

По мере того как я узнавал все это, изменялось мое отношение к спорту. И вслед за этим незаметно, день за днем, изменялся мой уклад жизни и характер, словно прокатанный сквозь валки, о которых говорил Ярошенко. Этими «валками» оказались занятия спортом. Разве будешь слоняться без дела возле порта или городского парка, если сегодня вечером занятия кружка, а завтра мы отправляемся на загородную прогулку к местам Крымской войны, а там надо подготовиться к контрольной по русскому, иначе не придется мне участвовать в школьных соревнованиях. Спорт дисциплинировал, удерживал, и в первую очередь ему обязан я тем, что на последнем году семилетки преподаватели, которым я так досаждал до этого, не могли узнать меня.

Из семилетки я пошел в металлургический техникум. В нашем Мариуполе, городе моряков и металлургов, немало моих сверстников пополнило ряды сталеваров, прокатчиков, доменщиков.

И вот я выпиливаю угольники, фрезерую шестерни и даже, не выходя из здания старых казарм на Сенной, где наш техникум, изучаю процессы плавки. «Делай упор на отработку формы», — говорит мне мастер, глядя, как я утрамбовываю углубление в земляном полу и вынимаю еще горячий утюг, первую продукцию, отлитую моими руками. «Неси матери! Похвались», — напутствует меня старик.

После жаркого, душного подвала литейки хорошо выйти в садик, к турнику. Вот к нему подходит плечистый светловолосый юноша. С первого движения видна хватка гимнаста. Уже по тому, как он упруго подпрыгнул и железной хваткой зажал пальцами перекладину, по тому, как без долгой раскочки крутой

дугой набирает инерцию полета, видно, что малый должен быть хорош на снарядах. Так и есть. Тело его, соединенное выпрямленными руками со снарядами, описывало широкие сильные круги вокруг турника. Это «солнце», большие обороты, говоря по-современному.

Домой мы идем вместе с Иваном Петровым, так зовут юношу.

— Сам я петрозаводский, — говорит он дорогой, — там и к гимнастике пристрастился. Записывайся в гимнастическую секцию. Занимаемся мы по средам и субботам.

— Идет! — не задумываясь, говорю Петрову.

И я пришел в секцию. В первые дни тренер Петр Васильевич Решетняк, как показалось мне, не обратил внимания на новичка. Делали ли мы фигурную маршировку, которой открывались занятия, упражнялись ли с палками или булавами, он знай себе командует, а до того, что получается у меня, ему, кажется, и дела нет.

Но на четвертом занятии отозвал он меня в сторону.

— Ты малый крепкий и складный, Чукарин, — начал он, — но подготовка у тебя кустарная, берешься делать любое упражнение, а не думаешь о том, как оно у тебя получается. В гимнастике так не годится. Если первым закончишь бег на стадионе, раньше других проплывешь дистанцию, тебя будут судить только по твоим секундам. В гимнастике не так: надо не только скрутить «солнце», но и сделать это по всем правилам. Тело натянуто, как струна, от головы до носков, руки и ноги прямые. А ты об этом и не думаешь: голова повисла, тело крючком. Занят одним: абы сделать. Надо работать над техникой упражнений. Не гоняться за сложным. А ты как из школы ушел, так и позабыл об этом. Придется опять азами заниматься.

Однажды Решетняк принес нам книгу, со страниц которой глядел на нас седой как лунь старец с внимательными, умными глазами. Это был известный народоволец Морозов, в прошлом узник самых страш-

ных застенков царской России, в советское время избранный почетным академиком. Заточив Николая Александровича в глухом каменном мешке, палачи обрели его на медленное угасание. Они просчитались. Боевой, нестигаемый дух убежденного революционера поддерживал узника, хотя не год, а десятки лет провел он в одиночке, куда почти не проникало солнце, не хватало воздуха, негде было двигаться.

На прогулке, в мастерских, куда вели заключенного тюремщика, — везде он пользовался минутой, чтобы размять мышцы, встряхнуться от неподвижности. И снова обретал силы и бодрость. «Только гимнастика сохранила мне силы и здоровье, — писал он в тот год, когда ему исполнилось девяносто лет. — Несмотря на свои годы, я и сейчас делаю ежедневную физкультурную зарядку. Любите гимнастику, она даст вам хорошее физическое развитие, здоровье, бодрость духа!»

Когда я поступал в техникум, я считал себя опытным физкультурником и никак не думал, что ничего не сумею делать на тех снарядах, где так ловко управляются мои однокурсники. Такой ловкий на своем дворе, я оказался самым нескладным в гимнастическом зале. То пропущу момент толчка и вместо прыжка под общий хохот зала оказываюсь... под «козлом». То над «конем» запутался в двух собственных ногах. Вот когда познал я всю горькую правду поговорки: «Без труда не будет и плода».

Но день за днем, занятие за занятием я набираюсь опыта, познаю гимнастику со всем ее строгим ритуалом. Не нарушай без разрешения руководителя строя. Соблюдай правило четкого, по струнке, подхода к снаряду и отхода от него. Не входи в зал в пальто или с папироской в зубах. А как бывало пробирал Петр Васильевич тех, кто с шиком выполнит упражнение, но не умеет замереть в точном, «мертвом» соскоке — коленки чуть-чуть согнуты, руки вытянуты вперед, ни одного лишнего движения. Тренер не уставал напоминать: концовка — это точка, которую ставят в конце фразы, и она должна быть поставлена на месте, аккуратно, без клякс и помарок!

Подошла весна. С моря уже не налетает свирепая бора, открывая неподвязанную ставню, покрывая ледяным дыханием столбы и провода. Где-то в необозримой синеве неба, такого чистого, словно его вместе с окнами отмыли к маю, слышится курлыканье тянущихся к северу журавлей. Ребята ходят опьяневшие от солнца, смолистого запаха почек, набухших на деревьях, теплого соленого морского ветерка, от всего, что несет весна.

У меня свои причины радоваться и гордиться. Слегка вразвалку, чуть рисуясь перед ребятами, подхожу к перекладине и после нескольких сильных махов чувствую, как сила полета уносит меня вдаль и ввысь, и в единоборстве этих двух сил — центробежной, стремящейся оторвать гимнаста от снаряда, и центростремительной, созданной хваткой рук, — рождается «солнце», упражнение, о котором я так мечтал. Петр Васильевич Решетняк исподволь подвел меня к нему, опытной рукой очищая мою технику от всего лишнего.

А как мечтали мы с другом Павкой о том, чтобы выполнить хотя бы один из тех номеров, которые показывали акробаты из заезжего цирка, ведь в жертву ему приносились предназначенные на школьные завтраки полтинники. Как хотелось каждому из нас стать обладателем гитары, которую мы видели в том же цирке, подвешенную на канате под самым куполом! Это приз! Вскарабкаешься, дотронешься — твоя! Сколько раз, поплевав на ладони, участвовал я в этом соревновании, но так ни разу и не добрался до гитары. «Духу не хватает», — сочувствовали ребята с нашего двора. Вот теперь бы! И не по такому канату залезу.

Теперь я могу в любой момент, с тренером или без него, сильным упругим махом взлететь над турником. «Солнце»! Но ведь другие — Петров или Кошуба — крутят его в любом направлении, а у меня получается только большой оборот вперед. Еще и еще раз подхожу к снаряду. И каждый раз терплю неудачу на том же самом месте. Дойду до стойки, а тело, вместо того чтобы продолжать движение по окружности, проваливает-

ся под турник. Что за чертовщина! Сорвавшись, с размаху влетаю ногами в гимнастическую стенку. Этого еще не доставало! Подмечаю, что опытные гимнасты успевают отпустить руки и, падая, выкрутиться, словно кошка, которая никогда не упадет на спину.

Но я еще не ощущаю своего тела в пространстве, никак не удается мне уверенно и свободно управлять его полетом. Иногда мне кажется, что не я управляю движением, а оно влечет меня, и я, словно ослепший на этот миг, лишь подчиняюсь увлекающей меня силе и, только опустившись наземь, снова различаю тренера и товарищей и все окружающее.

Но полностью отдаться гимнастике недосуг: заводы нашего Мариуполя растут, куда ни глянь — вяжут арматуру, бьют бетон, поднимают башни металлических конструкций. На всех заборах, досках объявлений, заводских корпусах белеют листки: «Заводу имени Ильича требуются...», «Азовсталь» производит прием...», «Начинается организованный набор рабсилы...» Три года назад задымили первые домы «Южной Магнитки» — «Азовстали», не чета прежним. И нам в техникуме рассказывают, что больше не будет оставшихся от прошлого профессий каталя или формовщика, теперь металлург будет вроде шофера, который знает переводит рычаги.

И мы с Иваном, смыв магнезию с рук, усаживаемся за конспекты и учебники.

Сегодня у нас практика в мартеновском цехе завода имени Ильича. Нас встречает невысокий, невидный, тихий паренек с белокурыми волосами, выбивающимися из-под кепки, поверх которой подвязаны темные очки. Здороваясь, он снимает широкую брезентовую рукавицу. «Мазай», — негромко произносит наш новый знакомый. «Так вот каков ты, Макар!» — думает каждый из нас, исподтишка разглядывая мариупольского сталевара.

Мы идем за ним гурьбой по цехам, притихшие, оглушенные всем тем индустриальным великолепием, которое предстает перед нами.

— Главное — не робейте, хлопцы, — дружелюбно начинает беседу новый знакомый, который уловил на-

ше состояние. — Вы, ребятки, грамотные, не то что я. А я ведь вовсе без подготовки, с путевкой биржи труда в тридцатом году сюда пришел. Батьку моего еще в гражданскую беляки порубали, батрачил я у богатых хуторян в станице Ольгинской. Узнал, что строит наша страна свои заводы, нужны ей рабочие, и вместе с другими хлопцами подался до Мариуполя. Послали меня сюда, на завод Ильича, в мартеновский цех номер два. Вошли мы в цех и, вроде вас, не можем опомниться. У меня, словно хлебнул лишнего, голова кружилась к концу смены, а те четыре хлопчика, что со мной пришли, назавтра вовсе на работу не вышли, сбежали, значит.

Спрашиваете — как я сам? Ни! И в уме не держал, чтобы тикать. Правду сказать, не враз привык к горячим цехам после кубанского раздолья.

Мазай приоткрывает дверцу конторки, где мы ведем беседу, и до нас доносится лязг металла и мерный гул механизмов, мы видим слепящее пламя мартенов.

— Ничего, хлопцы, — посмеивается Макар, — думаете, я не труханул сперва? Все было. Бывало мой сталевар Шашков объясняет, а я только по сторонам озираюсь и все, что он рассказывает, мимо ушей пропускаю. Вот как получалось.

В старое время, на прежнем бельгийском заводе, он тогда назывался «Русский Провиданс», не один год проходил бы я в подручных, — продолжал Макар. — Ведь на всем заводе не было тогда сталевара моложе сорока лет. А я через пять лет, после того как пришел на завод, получил уже аттестат мастера первого класса.

Вот как нужно работать! В любом деле, за какое бы ты ни взялся! Я и сам примечаю, что на каждом, кто с металлом поработал, лежит особый отпечаток, будто и впрямь у такого человека и твердости прибавилось, и закалки, и умения браться за любое дело спокойно и с расчетом.

А гимнастика тоже все больше захватывает меня, и хотя еще не обогнал я Ивана, но уже почти вровень с ним иду.

— Знаешь что, Виктор, — уговаривает меня в эти дни Петров, — больно хвалят ребята гимнастическую секцию «Строителя». Не сходить ли туда?

— Идет! А как с техникумовской секцией?

— Она само собой: два раза в неделю — в техникуме, два раза — в «Строителе». Хуже не будет.

На том и порешили. Так, сами того не подозревая, задолго до того, как начались дискуссии о повышенных нагрузках в тренировке, мы начали заниматься вдвое чаще, чем другие наши гимнасты.

Наступили каникулы, и занятия в секциях прекратились до осени. Гимнастика в те годы почему-то считалась сезонным, чисто зимним видом спорта.

— Айда купаться, Виктор! — слышу голоса ребят под окном.

— На Кальмиусе новую станцию «Водник» открывает. Говорят — здорово.

И впрямь, в устье Кальмиуса последние месяцы работали землекопы и незаметно для нас прорыли большой канал. Баржи будут подвозить по нему руду, агломерат и другие материалы к самым домнам. Получился окруженный водой полуостров. На его мысу белеют павильоны, плоты и вышки водной станции.

— А это вот по нашей части, — показывает мне Иван на новенький гимнастический городок. — Можно и летом не бросать гимнастики. Осенью придем в секцию, другие и старое позабыли, а мы с тобой, мабуть, и новое выучим.

Правильно сказал Иван. И мы ходим на станцию. Иван покрылся густым загаром, и я с завистью поглядываю на его переливающиеся под бронзой кожи мышцы; сам я тоже окреп, но мне еще далеко до моего приятеля.

Как-то в середине лета замечаем мы возле брусьев плечистого, по-особенному ладного в каждом своем движении парня. Он начинает с самых простых махов, переходов, стоек, но как чисты и четки движения, как отточен каждый его жест.

Мы знакомимся с Александром Запорожченко. Он заканчивает гимнастическое отделение Харьковской

школы тренеров. Приглядываюсь к его точным, экономным движениям. А как еще много грубой силы, ненужного напора, лишней резкости у нас с Иваном!

Вечереет. Рубиновые блики заката окрашивают волны. Вдохнул и снова утих свежий предночной ветерок, но песок у станции еще хранит дневной жар, и так не хочется уходить с берега. В этот вечер у нас идет большой разговор с нашим новым другом. О пути человека в жизни и о том, как важно среди множества дорог найти свою, именно ту, которая соответствует твоим силам и склонностям... О гимнастике, в которую Запорожченко влюблен как в наикрайшую дивчину, хотя этой «дивчине» чуть ли не пять тысяч лет от роду и еще задолго до нашей эры различные комплексы физических упражнений составили мудрецы Китая и Индии.

Узнали мы о том, какими ревностными сторонниками гимнастики были академик Павлов, Пушкин, Чехов, Левитан. А как страстно говорил о пользе физических упражнений Лев Толстой: «При усидчивой умственной работе, без движения и телесного труда сущее горе. Не походи я, не поработай я ногами и руками в течение хоть одного дня, вечером я уже никуда не гожусь: ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать других, голова кружится, а в глазах звезды какие-то, и ночь проводится без сна».

Толстому перевалило за восемьдесят лет, но он не изменял избранному режиму — открывать свой день телесными упражнениями. Когда кто-то из врачей принялся отговаривать писателя — можно ли в такие преклонные годы заниматься гимнастикой, — Лев Николаевич возразил:

— А знаете, профессор Захарьин лет двадцать тому назад говорил то же самое. Мне было бы, наверное, уже плохо, если бы я тогда послушал Захарьина и перестал давать своим мышцам работу, которая укрепляет меня, дает мне крепкий сон и бодрое настроение.

...Долго я не мог забыть этого разговора. Все чаще задумывался, не пойти ли и мне по этому же пути, какой избрал для себя Запорожченко. И Петров, ока-

зывается, тоже думал об этом. Иду я как-то по улице и сталкиваюсь на углу с Иваном.

— Ты как знаешь, а я решил, — говорит он. — Иду до почтамта, посылаю заказным заявление и документы. Советую и тебе. Вдвоем учиться веселее. Как-никак два земляка.

— Куда?.. Когда?..

— В Киев, в техникум физической культуры, с этой осени хочу поступать.

— А я было подумывал написать в Харьковский физкультурный институт, в школу тренеров.

— Не пойдет это дело! Для института семилетки мало. Школа тренеров, говоришь? Не даст она полной квалификации. Я уже об этом думал. А кто мешает после техникума в вуз пойти?

И вот мы в поезде. И радостно на душе и боязно. Никогда еще не уезжал я в такую даль, да и домашних не сразу уговорил.

— Зачем тебе эта гимнастика, — заплакала мать. — Пошел бы по какой другой должности, хоть по медицинской.

— Что вы, мамаша, если есть у Виктора к этому делу охота, не будем его неволить, — заступился братишка. После смерти отца брат Павел стал у нас в семье за главного.

И Люся, сестренка, свое слово вставила:

— Право, мамочка, ты же сама заметила, как переменялся наш Виктор, когда за спорт принялся. Раньше бывало только и знал, что с такими же, как сам, лоботрясами шататься, а теперь для всего время находится: и в зачетке у него порядок и по дому нам помогает, а с гимнастикой, говорят, скоро всех наших городских забьет.

И только родня мамашина была резко против: «У каждого хлопца дело как дело. Одни на заводе трубы делают. Другие по военной службе идут. Третьи в море подались. А что это за дело физкультура твоя, подумаешь, нужно учиться три года, чтобы без порток по улицам ходить».

Не вытерпел я, покраснел до ушей и всердцах говорю им:

— Мое слово твердое! Не баловаться еду, а учиться. И давайте поглядим: вот буду я первым по этому делу, а нет, так пойду разнорабочим на завод.

Мелькают станции Донбасса, города и села нашей Украины. Курятся терриконы, темными насыпанными рукой человека пирамидами обступившие горняцкие поселки. Гудят молотилки. Желтеют поля подсолнуха. Почти не отхожу от окна. Правильно сделал или нет?.. Может быть, лучше дома было остаться... На Ясиноватой обгоняем длиннуший состав платформ: под солнцем отсвечивают строгим темным блеском трубы — наши, мариупольские, — а где-то у Пятихатки сгружают рельсы нашей марки. Неплохая марка! И если уж иду я по новому для нас делу, почему бы и мне не поддержать ее?

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Быть может, если бы не Иван, решительный, горячий, я бы не сразу решился войти в здание с вывеской «Киевский техникум физической культуры» и постучать в дверь, на которой красуются написанные на обороте афиши соревнований два слова — «Приемная комиссия».

— Ваши документы, товарищ, оставьте. Что же касается перевода, ничего вам не обещаю.

В мыслях я не раз уже представлял себе, как предъявляю справку о том, что мною сдано за первый курс металлургического техникума, и прямехонько попадаю на второй курс физкультурного. Можно тогда сразу отписать домашним, что год учения в Мариуполе не пропал даром. А тут...

— Вы же сами должны понимать, Чукарин, что у нас совсем другой уклон, — мягко и вместе с тем солидно внушает мне секретарь. — Некоторые предметы мы вам сможем зачесть, но вряд ли могу обещать зачислить вас на второй курс. Устраивайтесь. Приходите завтра после двух.

Примут ли нас? А вдруг не подойдем? Ведь это там, в Мариуполе, казалось, что всем вышли хлопцы — и умением, и знаниями, и силой, а здесь не мы одни: и киевляне, и полтавские парни да девчата, и с Одессы есть, и донецких немало собралось.

— Подходите, товарищи, к снарядам, — вызывает нас экзаминатор.

Опираясь на ручки коня, начинаю круги двумя ногами. И только почувствовал я под ладонями поскрипывающее, словно отполированное многими прикосновениями дерево, как противная, бившая меня с самого утра мелкая дрожь исчезла. Нет ее, нет уже ни зала, ни напряженно уставившихся на меня экзаменующихся. Ни даже экзаминаторов, которые зорко следят за мною. Только потемневшая, кое-где покрытая мелкими трещинками кожа коня и мои ноги, мелькающие над снарядом. Нажми, Виктор! Переходи в круги двумя с поворотом. Развернись. Легче на повороте. Теперь руку. Быстренько переставь сюда. Вот так. Главное ведь на этом самом капризном из снарядов — равновесие. Не торопись, как это сделал перед тобой хлопчик из Николаева. Заметил небось, к чему это привело? Засел он на коне. Сначала на тело коня, а потом и вовсе с него сорвался. И я сдерживаю себя, делаю медленнее, чем у себя в зале. Главное — чистота. Не буду гоняться за скоростью.

Меня подзывает один из экзаминаторов: загорелый, широкоплечий, улыбающийся.

— Ваша фамилия Чукарин?

— Да, Чукарин Виктор!

— Ваш спортивный разряд?

— Оформленного не имею. Товарищи говорили, что в силу третьего разряда выступаю.

— Это они занизили. У кого вы тренировались?

— У Решетняка Петра Васильевича. В металлургическом техникуме.

— Знаю. Старая гвардия. Школу получили неплохую. Но это только начало. Вы гимнастику любите?

— Люблю, конечно, но не все мне удается.

— Поработаете, и пойдет на лад. Будем знакомы. Колунаев Семен Карпович. На первом курсе будете у меня заниматься. Буду вашим старшим руководителем по спортивной гимнастике.

Опытный педагог, хороший тренер, Колунаев с первых же занятий примечает мои слабые стороны: отставал я на кольцах, в опорных прыжках, а особенно в вольных упражнениях. Каюсь, долго не мог привык-

нуть к ним: какой, думаю, интерес попусту руками махать, без снарядов.

Как-то в зале Колунаев после махов на коне предложил мне сразу перейти на кольца, потом без перерыва на перекладину и дальше на прыжки.

— Что вы заметили за собой, Чукарин? — спросил он. — Как бы оценили собственное выполнение?

— Кажется, Семен Карпович, к концу получалось хуже, чем вначале, вот даже подъем разгибом не чисто выполнил, силой дожмался.

— А почему? Только потому, что не хватает силы.

— Да что вы, Семен Карпович! Я дюже крепкий парень. Вон дома, когда бывало мать из деревни муки или отрубей привезет, так я мешки по сто килограммов, знаете, как ворожаю.

— Это совсем другое. Бывает разная сила. Мешок в шесть пудов, говорите, поднимаете без натуги? Почему же не можете поднять четыре с половиной пуда?

— Как так не могу? Сколько угодно.

— Какой ваш собственный вес?

— Семьдесят килограммов с гаком.

— Вот видите, почти на два пуда меньше, чем в мешке. Почему же не можете тогда поднять самого себя в стойку на руках? Я не говорю уже о том, что не можете удержать свое тело в «кресте» на кольцах. Об этом вам еще нечего и думать.

— Правда, не могу...

— Поняли? Мышцы не приучены у вас к длительному напряжению. Нет выносливости. Вам нужно научиться собирать в один фокус всю силу при выполнении трудного упражнения. А после этого можно на какой-то миг выключиться, дать отдых мышцам перед следующим напряжением. Вот, например, у вас в упражнениях на брусьях идет угол, а после него маховые элементы — так сказать, антракт, отдых, а потом новое напряжение, когда нужно с усилием выжиматься в стойку на кистях.

И я задумался над его словами. И с этими одолевшими меня думами вскоре попал на городские соревнования, где особенно поразил меня один из киевских гимнастов. Его налитые силой, выпуклые, игра-

шие при каждой смене положений мышцы, массивное, крепкое, как у гиревика, тело обретали завидную легкость, когда он подходил к снаряду. Вот он, протянув руки в стороны, повис на кольцах, будто парит на крыльях. Теперь легко вознес тело над брусьями, лишь слегка опираясь на руки.

Все привлекает меня... И то, что даже силовые упражнения темноволосый курчавый гимнаст выполняет без тени напряжения. А его манера ухода от снаряда, когда он словно печатает каждый шаг!

— Понравился? — шепчет мне Колунаев.

— Ага! Очень даже. Сразу видать, какой от природы сноровистый и ловкий.

— Вот и ошибаешься, Виктор. Такая легкость дается самым тяжелым трудом. Знаешь, как в красивом доме: глядишь и не думаешь, сколько труда вложил в него зодчий, сколько пота пролили строители. Так и тут... Никто не тренируется так много, как Аджат. Принято заниматься по два, не больше трех раз в неделю, один Аджат приходит в зал каждый день, кроме выходного. Шесть тренировок в неделю — его норма.

Об Ибадулаеве, в прошлом штангисте, у нас рассказывали, что когда он впервые подошел к кольцам, то, не готовясь, можно сказать — случайно, выполнил «крест», который другие разучивают годами. Потом-то мы поняли, что такое этот «случай», откуда эта необычайная легкость и уверенность в выполнении каждого движения. Огромное трудолюбие! Не так ли рождается мастерство?..

Только успела начаться осенняя учебная пора, как я оказался в Одессе, с командой киевского «Водника», куда нас включили вместе с Петровым для участия в соревновании на первенство спортивного общества.

Вот и она — прославленная черноморская красавица. Но хотя у причалов пестреют флаги многих наций и дымят корабли с названиями на разных языках, город опустел. Холодный, пронизывающий ветер задует с моря и бьется в высокие окна спортклуба на улице Маркса.

В зале, где будут проходить соревнования, толстые, старинной кладки стены и длинные узкие окна

Под высокими сводами гулко разносится каждое слово. И вся эта обстановка — публика, по-южному бурная и впечатлительная, эхо, повторяющее звуки, уходящий ввысь темнеющий купол — мешает мне собраться, сосредоточиться. Напрасно улыбается мне из шеренги участников Иван. Силюсь ответить ему, но чувствую, что только и смог скривить рот, а глаза, как сказали потом наши ребята, «остались жалобные-прежалобные».

Вздрагиваю, словно меня ожгли кнутом, от слов:

— Чукарин! Ваш выход.

Подхожу к перекладине и чувствую, что все тело чужое: мышцы скованы, в движениях нет ни свободы, ни плавности.

— Не суетись. Не мельчи движений. Больше свободы, — торопливо шепчет Иван, когда я возвращаюсь в строй.

Но так и не могу овладеть собой до конца соревнований. В чем дело?

— Только в том, что нет у вас турнирной выдержки, — спокойно заключает киевский гимнаст Васильковский. Он возвращается в одном со мной вагоне. — Вы не смогли преодолеть того, что спортсмены зовут «предстартовая лихорадка». Иного перед началом соревнований так она захватит, что, кажется, совсем выступать не сможет. Это не только у новичка бывает. Но тем-то и отличается опытный спортсмен, что он умеет переключить всю нервную вспышку на борьбу.

Петров занял место в первой пятерке, а я где-то в тридцатых номерах. Вот тебе, думаю, и дебют! Одно утешает меня: на людях подтвердил свой третий разряд. И когда я, лежа на койке, шаг за шагом воспроизвожу весь ход первенства, понимаю, что только в огне соревнований может закалиться тот меч, которым завоевывают победу. В стенах гимнастических залов настоящим бойцом не станешь. Надо не только больше тренироваться, но и чаще, как можно чаще мериться силами с другими спортсменами. Нелегко пришлось мне, а каково тому же Ибадулаеву, когда перед ним выступает на снарядах Николай Серый, первым из советских гимнастов победивший в международном чем-

пионате. Как нужно держать себя в руках, чтобы по десятым долям баллов набирать преимущество и превзойти своих соперников? Как в азарте борьбы сохранить спокойствие, которое позволяет гимнасту, подобно шахматисту, накапливать качество, чтобы решающим ходом создать перевес?

Нелегко придется, но я не отступлюсь от того пути, который помогли мне найти и те, кто добрым словом напутствовал меня, мариупольского озорного школьника, и те, кто пестует теперь в Киеве и ведет по большой, уходящей ввысь дороге. Вернувшись в техникум, я старался не попадаться Колунаеву на глаза. Но Семен Карпович, оказывается, ничуть не был расстроен тем, что представлялось мне провалом.

— Добре, Виктор, удачно съездил: и разряд подтвердил и пороху понюхал. Теперь, как на исповеди, покайся: поджилки небось тряслись?

— И не говорите, Семен Карпович. Вызвали к перекладине, а я иду и будто все во мне чужое: и руки, и ноги, и перед глазами пустота вместо зала. Не будь я в команде, кажется, схватил бы чемодан после первого снаряда — и подальше от Одессы.

— Вот и хорошо! — посмеивается Колунаев. — Не раз еще такая трясучка тебя хватит. Но, помни мое слово, научись и ты, словно вожжами, нервами своими управлять. Будет и такое, что на большом соревновании вдруг завалишься, с кем не бывает! Кажется, все потеряно, а потом возьмешь себя в руки и все наверстаешь. У других на первом соревновании еще хуже бывало. Ты Серого знаешь? И мастерством он силен и в борьбе никогда не сдается! Уже в институте физкультуры имени Лесгафта он учился, неплохим гимнастом был, а вышел на первенство Союза и занял семьдесят девятое место. А год спустя на республиканских соревнованиях он был первым. Что это? Чудо? Счастье? Как бы не так: умение, характер. Верил он в свои силы!

Давно ли, какие-то года два назад, в Мариуполе, когда начал я тянуться за старшими гимнастами, день за днем все дальше отвлекало это меня от праздности, от пустого шатания по улицам. Теперь персдо

мною открывается новый мир. И мне все сильнее хочется хоть одной ногой ступить в этот мир, хотя бы одним глазом увидеть его, и, словно отвечая мне, афиша объявляет, что местом, где после двухдневной борьбы должны определиться сильнейшие среди гимнастов СССР и один из них — чемпион чемпионов, избран Киев. Здесь разыгрывается первенство страны по гимнастике: и по отдельным снарядам и на звание абсолютного чемпиона. Как всегда, чемпионат продлится два дня: в первый день пройдет обязательная программа, во второй — произвольная.

Разукрашенные флагами спортивных обществ, заполненные зрителями теннисные корты Дворца физкультуры приняли праздничный вид. Возле раздевалок, в вестибюле слышатся веселые голоса:

— Здорово, Серго!

— Ивану привет. А что Серый?

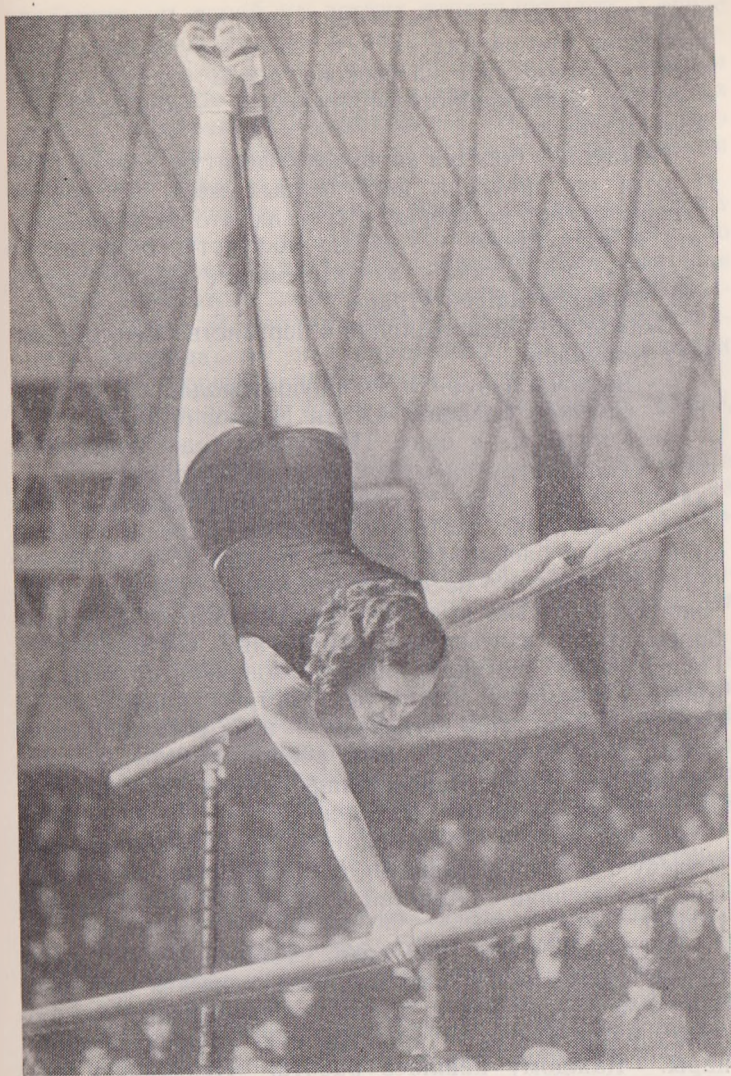
— Ничего, в хорошей форме, покажет киевлянам.

— Почему не видно Лаврущенко? Где он?

— Не беспокойтесь, приехал, сейчас будет. Дайте ему только сесть на своего конька, первенства в махах не уступит никому.

Конечно, я болею за Ибадулаева, но при всей своей неопытности вижу, что ему приходится нелегко в борьбе с такими грозными соперниками, как ленинградец Николай Серый или московские динамовцы Владимир Беляков, Владимир Лаврущенко. Из шести снарядов Аджат Ибадулаев выигрывает первенство лишь по кольцам.

Большой запас сил и нервной выдержки необходим гимнасту. Три вида соревнований входит в чемпионат по тяжелой атлетике. Пять — в современное пятиборье. Не всякий, даже отлично подготовленный легкоатлет оказывается пригодным для многоборья с его пятью или десятью видами. А каково приходится гимнасту, который выступает двенадцать раз: шесть испытаний по шести видам ждут его в обязательной программе и столько же в произвольной. И судьи придирчиво следят за тем, чтобы спортсмен неукоснительно выполнял все параграфы заданной ему программы. Кто спросит с бегуна или прыгуча, который отошел от

*Семь раз выигрывала звание абсолютного чемпиона страны
Г. Урбанович.*

принятого стиля, но установил рекорд? В гимнастике малейшее отклонение — чуть согнул руки на стойке, сделал лишний шаг на соскоке после отлично, даже блестяще выполненного упражнения — карается снижением оценки.

Ибадулаев борется за каждую десятую долю балла. И хотя он проиграл пять первых мест, но набрал столько баллов на вторых и третьих, что общее первенство в многоборье — звание абсолютного чемпиона СССР по гимнастике — за ним. Звание лучшего среди всех мастеров нашей страны.

Вскоре же после окончания первенства меня подзывает Колунаев:

— Включаем тебя в сборную города.

— Спасибо большое, Семен Карпович!

— Кстати, не я один. Ибадулаев тоже поддержал твою кандидатуру на обсуждении. «Перспективный, — сказал он про тебя, — гимнаст, с будущим. Системы у него только не хватает». Прав он. Берешься ты за многое. И в баскетболе у тебя пошло, и на кафедре бокса говорят, что не любят некоторые боксеры, когда Чукарин перчатки надевает. Теперь надо тебе не разбрасываться, взяться за гимнастику систематичнее. Перед тобой лестница: внизу — новички, на верхнем марше — мастера, чемпионы. Лифта в нашем деле не бывает. Пропустишь ступеньку — и не удержишься на высоте, упадешь. Добивайся ровной работы, больше трудись над тем, чего не любишь. А в общем ждем тебя на тренировках киевской сборной.

Думал ли я, что буду работать в одном зале, плечом к плечу с такими мастерами, как Ибадулаев и сильнейшие из киевлян — Алексей Горинович или Николай Исаев?

Наступило лето 1939 года. Кончен первый курс. Сданы экзамены. И товарищи разъезжаются кто куда: одни — в родные места, другие — физруками в пионерские лагеря, третьи — проводить где-то сборы и семинары. Каждому нашлась работа. Перебираю свои варианты: к родным в Мариуполь или инструктором физкультуры в крымский санаторий? И то и то неплохо! А решение пришло совсем иное: остаюсь в Киеве. Буду

работать на одной из летних спортплощадок. Сейчас лето, много свободного времени. Вот и смогу использовать его до последнего часа. И вместе с сокурсником Колей Яхно изо дня в день шагаю к залу общества железнодорожников «Локомотив», что у Московского вокзала. Здесь движение за движением мы разучиваем программу первого разряда.

Правила гимнастических чемпионатов разделяют участников на три разряда: от низшего, третьего, до высшего, первого. Еще выше — мастера, в те годы еще не носившие этого звания, но выступавшие по всесоюзному разряду. Я пришел в техникум, не имея оформленного разряда, и на внутренних, техникумовских соревнованиях-прикидках начал с третьего.

Колунаев, узнав, что я остаюсь на лето в городе, сказал:

— Твоя задача — к последнему курсу техникума стать мастером. Переходить каждый год с курса на курс, из разряда в разряд. Плохо ли: начать третьеразрядником, кончить мастером? А на лето план такой — положи перед собой классификационную программу первого разряда. Вот она, держи и строку за строкой учи.

Я выполнил наказ Семена Карповича. Прошло чуть больше года, как я положил на тумбочку в общежитии скрученный трубочкой лист ватмана — грамоту. В ней наверху дымящий паровоз и несколько строк о том, что Чукарину В. И. присваивается звание победителя в розыгрыше первенства спортивного общества «Локомотив», куда я перешел год назад. Чемпион! Это значит, что я поднялся еще на один этаж по лестнице спортивного мастерства.

Пусть это не первенство Союза или республики. Пусть не было среди тех, кто противостоял мне, ни одного мастера и самым высоким разрядом был первый. Не в этом дело: в Одессе я был в числе последних в рядах третьеразрядников. Здесь — первым в первом же разряде. Это ли не шаг вперед, большой шаг, и я уже подумываю, что смогу и с киевлянами из других обществ потягаться, с перворазрядниками. Против этого решительно восстает Ибадулаев.

— Тебе надо думать о том, чтобы в перворазрядниках не засиживаться, по программе мастеров готовиться выступать. И знай: никто так не поможет твоему спортивному росту, как сильные противники. По характеру своему ты, Виктор, человек миролюбивый, а в спортивном бою, как и в любом другом, решает не оружие и снаряжение, а рука, которая им управляет. Мой тебе совет: готовься на мастера и больше, смелее выступай в соревнованиях.

Ни в одном виде соревнований нет такой сложной бухгалтерии, как в нашей гимнастике. Каждое упражнение в зависимости от его сложности оценивается в баллах: от нуля (сорвался, не выполнил) до десяти. Отчет о любом первенстве напоминает баланс большого предприятия с фамилиями и баллами, десятками и сотыми, которыми судьи оценили выступления участников. Если по программе третьеразрядников мне надо было выполнить только обязательную, заданную всем гимнастам всего Советского Союза программу, то уже с первого разряда к этому прибавляются соревнования по произвольной программе.

В ней гимнаст и его тренер сами подбирают и комбинируют элементы упражнений, как бы нанизывая самоцветы в ожерелье, чтобы оно переливалось различными оттенками, играло, пленяло глаз своим многообразием и красотой.

Сорок пять баллов — тот порог, переступив который при выполнении обязательной программы можно претендовать на получение звания мастера. Но ведь это не все, нельзя забывать о тех рифах и порогах, которые ждут того, кто пускается в плавание по бурному извилистому потоку испытаний произвольной программы. Здесь я тоже должен, участвуя в республиканских или всесоюзных соревнованиях, набрать не меньше 45 баллов.

— Берешься? — испытующе глядят на меня темные, с веселой хитринкой глаза Ибадулаева, облокотившегося на лоснящуюся, покрытую мелкими трещинками кожу коня. Аджат готовится к первенству страны и не поленился привезти снаряд домой. Уста-

новил его в коридоре и — вот неутомимый человек! — здесь шлифует и шлифует свое мастерство.

— Очень хочу и берусь, Аджат Муратович, если вы поможете.

— Об этом нечего и говорить.

Крепкое пожатие поскрипывающих от магnezии ладоней скрепляет наш договор.

— Будем вместе заниматься во Дворце физкультуры.

Не первый раз поднимаюсь я по широким ступеням в просторный прохладный вестибюль и направляюсь в гимнастический зал, вслушиваясь в те звуки, по которым можно безошибочно определить, кто занимается за какой дверью: плеск воды и резкий свисток тренера — пловцы; гулко отдающийся по всему этажу грохот, — ну, конечно же, там штангист Куценко или Попов; в зале, где слышен ровный топот и смачные, звонкие шлепки, — боксеры.

В гимнастическом зале дворца расписан каждый час, ни одного «окна» — занимаются команды ведущих секций, учебные группы техникума, вузов. Поэтому мы с Ибадулаевым приходим в тихие ранние утренние часы, когда еще веет ночной свежестью и вместе с шумом просыпающегося города вливается в открытые окна аромат цветущих акаций. Регулярно, без пропусков посещаю часы учебных занятий и секционные тренировки, но вижу, что чем больше тратишь сил на подготовку, тем больше их прибавляется. Я еще не задумываюсь над этим, казалось бы, противоречием, но каждой клеточкой крепнущего тела ощущаю и нарастающую силу и ту мышечную радость, когда хорошенько промнешься на снарядах — и поет все тело, каждый его мускул.

Гимнастика сопровождает меня всюду. Она неотступно следует за мной, и все чаще в мозгу, словно проявляющаяся после съемки пленка, возникают, следуют одна за другой разнообразные комбинации. Они приходят в ночные часы и по пути в техникум, в минуты затишья и даже в разгаре беседы. И я становлюсь в это время как бы собственным тренером, строго слежу за тем, где надо согнуться, а где резко

выпрямиться, чтобы выполнить то, что не всегда удается мне в зале, чтобы до автоматизма овладело мышцами и нервами то, что уже найдено. Мало поймать новое для тебя движение — надо закрепить найденное, чтобы оно впиталось в плоть и в кровь, стало почти что произвольным.

Работать с Аджатом хорошо. У меня перед глазами живой образец мастерства, и каждый свой совет мой учитель тут же иллюстрирует показом. Сам он, этот жизнерадостный, временами беспечный человек, поражает меня своей жадностью к работе. Он любит тренироваться один, но не боится свидетелей. А если заглянет в зал кто-нибудь из спортсменов, Аджат, подойдя к коню, произносит: «Посвящаю вам». И я уж знаю, что сейчас он блеснет какой-нибудь особенно эффектной серией.

— На брусках у тебя получается, — слышу я. — Много хуже с кольцами, а слабее всего с вольными упражнениями.

— Не люблю их, — невольно вырывается у меня.

— Напрасно! Надо развивать в себе многоборца, поэтому больше обращай внимание на те упражнения, где отстаешь. Заставляй себя полюбить их.

Так пришла осень 1940 года, когда я был уже на третьем курсе техникума. Я обогнал в гимнастике своего земляка Ивана Петрова и даже по рекомендации Ибадулаева руководил занятиями группы гимнастов завода «Большевик».

Настал день розыгрыша первенства Киева. Я выступал на этом соревновании по программе первого разряда.

— Учти, Виктор, — предупреждает меня Аджат, — тебе предстоит бороться на этот раз не только с перво-разрядниками, но и с мастерами. Почему так? Потому, что двое из наших мастеров спорта — Борис Свешников и Николай Исаев — будут выступать по первому разряду. Это маневр, тактический ход. На первенство по группе мастеров у них шансы не велики, а у вас они уже запланировали спокойненько, без большой борьбы разделить между собой первые места. Как ты?

Пожимаю плечами: не зря же я готовился, а борьба с мастерами будет даже интереснее.

Подошел день соревнований.

Быстрый взгляд на перекладину — и я взлетаю над прогибающимся стальным стержнем. Не различаю ни лиц, ни освещающих зал люстр, все слилось в едином круговороте. Нет, это не от растерянности. Наоборот, я целиком ушел в движение, и нет уже ничего кругом, только стальная ось и мое тело, вращающееся вокруг нее. Но это не Одесса! Здесь я владею собой, каждым своим движением. Соскакиваю, вижу свою отметку — «9,2».

— Молодцом начал, — подбадривает меня Ибадулаев, — выступил хорошо! Постарайся вторую попытку — на «отлично», ведь зачет по лучшей из двух.

Отдышался. Глянул на перекладину. Свешников поднимается разгибом в стойку на кистях, но неожиданно заваливается и теряет на соскоке необходимый прогиб. Теперь и моя очередь выходить на вторую попытку. Увы, совсем не то, что в первой... Задумавшись о неудаче моего соперника, сосредоточившись почему-то на ней, успокоившись, — Свешников-де не опасен теперь, — забываю о себе, выпускаю управление самим собой — и вот результат: слишком вяло поднимаюсь наверх, инерции не хватило, и неожиданно отваливаюсь назад. Вот тебе и «посрамил» мастера! У него — «9,4». У меня всего-навсего — «7,8».

В перерыве смущенно озираюсь. Эх, ты, не рановато ли первым быть захотел! Сижу настороженный. Поджидаю. Сейчас начнут меня песочить... Но ни Ибадулаев, ни Колунаев не произносят ни слова упрёка. Они даже подбадривают меня, внушают, что в упражнениях на кольцах и в прыжках я вполне могу «достать» Свешникова и Исаева. Так ли? Ведь после каждого снаряда — и перекладины, и брусьев, и махов на коне — они уходят вперед и вперед.

— Не так-то уж далеко они от тебя, — успокаивает меня Аджат. — Сам погляди: не дальше двух-трех десятых. Можешь догнать!

И верно. После колец я уже на втором месте. После вольных упражнений хотя на том же месте, но

по баллам подхожу еще ближе к лидеру, сижу, можно сказать, у него на пятках. Ведь впереди то упражнение, где я сильнее всего.

Опорные прыжки. Еще раз оглядываю дорожку разбега, как бы прицеливаясь перед атакой расставленных препятствий. Сегодня судьи постарались сделать их посложнее. Один за другим стоят в затылок, с небольшим просветом два козла, высотой примерно до подбородка. Толчком от мостика надо пролететь «ласточкой» над первым препятствием и дальше в «схилке», как привыкли называть мы это положение, когда корпус резко согнут, будто переломлен надвое над прямыми ногами, — над обоими препятствиями, не коснувшись пола, и лишь ладони рук могут дважды притронуться к снаряду.

Первая атака. «9,0!» Маловато. Не даю себе отвлекаться. «Не оглядывайся, Виктор, на других, гляди сейчас только на себя. Ты же располагаешь считанными минутами. Мысленно проследи за тем, как ты только что прыгнул, спланируй, прочерти по воздуху всю траекторию своего полета, чтобы, словно по намеченной канве, прорисовать затем узор твоего второго прыжка. Пусть этот набросок невидим, прочерчен только в воздухе, но если он запечатлелся где-то в извилинах мозга, ты сможешь исправить при второй попытке все недостатки первого прыжка».

Итак, в чем же ошибки, стоившие мне балла, целых десяти десятых? Ноги в «ласточке» не поднял до горизонтали: низко! Неуверенный соскок: не остановился, не замер после прыжка, переступил, сошел с места. Знаю, что нелегко, не теряя инерции, пролететь над двумя козлами, успеть согнуться перед вторым и выпрямиться, миновав его. Но я это сделаю. Я готов! Скорей давайте сигнал, пока не расплескалась энергия, которую я держу в каждой клеточке своего тела.

Свешников стоит углубленный, сосредоточенный. О чем он может думать сейчас? Впрочем, о чем другом, как не о соревновании. Не это ли владеет сейчас каждым из нас, собравшихся в зале? Свешников — хороший инженер, и он небось, не в пример мне, может

привлечь на помощь себе законы тех наук, которые позволяют найти самые выгодные, оптимальные, как называют конструкторы, положения тела в толчке и в полете. У него меньше сил, чем у меня, я превосхожу его в росте, но техника Бориса хороша. Недаром же входит он в двадчатку лучших гимнастов страны.

Последний прыжок: Свешников — «9,3», Чукарин — «9,45». Выигрываю у него одну десятую и с нею первенство в этом разряде. Свешников первым подходит ко мне:

— Руку, Виктор! Обошел-таки мастеров. Быть тебе самому мастером.

Но вместо этого мне пришлось еще раз узнать горечь поражения. Впрочем, победа часто приходит на плечах поражений. Да и было ли такой неудачей второе место на первенстве республики, где меня обошел только харьковчанин Николай Белоконь, а Свешников и Исаев были опять позади?

Можно было бы, употребив литературный штамп, написать, что «меня подвела перекладина», но правдивее будет сказать, что меня подвел я сам и никто больше. Кто, как не я сам, в момент сильного напряжения, когда центробежная сила стремится оторвать тело гимнаста от турника, не сумел удержаться (стисни зубы, вцепись ногтями, но удержиись!) и упал?! Пятнадцать лет прошло с того дня, но я отчетливо помню, как, заканчивая большой оборот, подхватываюсь правой рукой под левую, чтобы сильным рывком подняться назад и, выставив под углом обе ноги, перейти в соскок. Невольно вздрагиваю, когда вспоминаю, как, ровно выполнив всю комбинацию, начинаю подъем и, сосредоточив все внимание на этом, забываю о другом, и это «другое» мстит мне за невнимание. Меня оторвало от снаряда и бросило, перевернув в воздухе.

Получаю заслуженные «8,6», Белоконь — «9,0». Первое место его!

Много ли было проиграно по всем снарядам? Меньше балла. Какие-то семь десятых. Но нет, не «какие-то», они-то и отодвинули меня на второе место. Утешает другое: на этом, четвертом в моей жизни, соревновании

набираю девяносто баллов из ста двадцати. Это норма мастера!

Но долго еще досада не оставляет меня. Упал с одного снаряда. Много ошибок было на других. Значит, плохо подготовился? Но я ведь работаю почти каждый день. Куда же больше? Как же тогда готовиться, чтобы не было срывов? Неужели правы те из старшего поколения гимнастов, от которых слышу, что «без срывов в нашем деле не обойдешься»? — Неужели же успех решает иной раз счастливая случайность, когда ты споткнулся меньше, чем другие? Так ли?..

Только Ибадулаева моя осечка, кажется, мало трогает.

— Злее будешь! — роняет он.

«Хорошо вам рассуждать, Аджат Муратович, — мысленно отвечаю я ему, — если в своей группе вы взяли перевес над таким сильным соперником, как Михаил Дмитриев из Харькова. Уж не он ли отлично выступает на коне и в вольных упражнениях, а так и не мог вас осилить». Ровно прошел Ибадулаев по всему многоборью, и его атлетичность, сила, выносливость показались мне на этот раз недостижимыми.

Но мне некогда особенно углубляться в свои переживания. Мой учитель напоминает: «Пора приниматься за новую программу для мастеров». Программы изменялись тогда каждый год, и только, кажется, приспособишься к одним движениям, как приходится приниматься за другие, более сложные. Как не похожа в этом отношении гимнастика хотя бы на легкую атлетику, где бегун или прыгун отыскивает вместе с тренером самые экономные, самые эффективные движения, отсекая все то, что является лишним. А у нас?.. Совсем наоборот. Берется трудное упражнение, а когда оно освоено, думают над тем, как бы еще больше усложнить его, затруднить исполнение. Мало того, что мы уже делаем большие обороты вперед и назад, так давай с 1941 года прибавим к ним еще поворот, а потом предложим гимнасту держаться обратным хватом, и пусть попробует крутить «солнце» в таком вот положении. И мы крутим. Ничего не поделаешь: назвался мастером — полезай на перекладину!

И я лезу и до ломоты в плечах, до того, что даже конская кожа защищающих ладони накладок протирается до дыр, кручу и кручу обороты вокруг снаряда, словно не знающая отдыха, вращающаяся по своей орбите планета.

Лето 1941 года. Последние дни нашего учения. Еще немного — и новое пополнение молодых специалистов встанет в ряды тех, кто призван нести силу и здоровье нашей молодежи.

Залитый солнцем, сбрызнутый первыми дождями, украшенный цветущими каштанами киевский май. Трудно в такую пору усидеть за чертежной доской, на которой лежат листы моей выпускной работы. «Заводской спортивный комбинат». Но я сижу. И, кроме того, как обычно, много тренируюсь. В эти дни (приближается первенство страны) мы сверх всей обычной программы отдаем еще один полуденный час махам на коне. Это наша с Ибадулаевым ахиллесова пята. Впрочем, быть может, только непревзойденный мастер этого вида Лаврущенко с полной уверенностью подходит к самому капризному и норовистому из снарядов. Недаром говорят гимнасты: удачно проскочишь коня, можешь не опасаться ни одного другого снаряда. А вечер мы отдаем всем остальным пяти видам шестиборья.

...22 июня 1941 года. Давно прошел этот день, но никогда не сгладится ему в памяти не у меня одного, а во всей памяти народной. Забудутся ли последние вечера перед выпуском нашего курса, споры о будущем, мечты о работе, о городах и селах, где ждут нас? Нашей помощи... Забудутся ли волнения за себя и своих однокурсников, принарядившихся и после раздумья, решительно, словно кидаясь в холодную воду, протягивающих руку за экзаменационным билетом! Но все эти казавшиеся нам такими значительными волнения и тревоги становятся сразу ничтожно малыми, заслоненными огромной заботой, где личное твое и твоей семьи растворяется в мысли о будущем всего народа. Растерянный, не сразу понимая суть происшедшего, с новеньким пальто, за которым я ездил в магазин,

стою возле репродуктора. На моем столике лежит пригласительный билет на открытие нового киевского стадиона и новенький хрустящий аттестат Киевского техникума физической культуры (окончен на «отлично»). Выхожу из дому, иду на Житомирскую дорогу. Вечереет. За Васильковом и Белой Церковью, рядом с багрянцем заката, вспыхивают сполохи пожарищ, отражаясь на испуганно бегущих облаках. Идет война! Идет на нас!

УЗНИК ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Солдат в выцветшей, отслужившей все сроки шинели шел домой. Он заставлял себя идти спокойно, чтобы также спокойно переступить порог родного дома. Сколько раз за эти годы он, потерявший право на собственное имя, узник № 10491, представлял себе этот день! «Если он, конечно, когда-нибудь придет...» Он должен быть прозрачным и ясным, по-весеннему солнечным, пахнущим сиренью, жасмином и солоноватым духом моря, вот и сейчас мерно вздыхающего где-то у города. Солдат ловит себя на том, что то и дело робко сходит с тротуара на мостовую, поминутно озирается по сторонам. Полно, Виктор, это же не гитлеровский лагерь Везермюнде, и на горизонте раскинулось Азовское море, а не та бухта, где вас, людей многих наций, понукая, грузили на баржу охранники. Ты свободен, Виктор! Баржа не выйдет в море. Ты идешь домой. Не озирайся по сторонам! Хватит! Лагерь остался позади. Ты же свободен, Чукарин! Не думай больше об этом. Ведь ты идешь домой. Пришел!

Так, в канун Октябрьской годовщины 1945 года, вернулся я в Мариуполь.

В опустившихся сумерках я шел напрямик через дворики и сады, не огороженные, как обычно, заборами, и еще издали увидел мигнувший мне в темноте огонек родного дома. Я улыбнулся ему, прибавил шагу, сердце замерло: кто знает, что ждет меня после стольких лет разлуки... Кто ждет?.. Но я ошибся: огонь горел

в соседней хате. От нашего дома осталась угрюмо черневшая груда камней. Где же родные? Живы ли?..

Свет не без добрых людей. Я переходил от соседей к соседям, мне жалостливо говорили, что я дюже плохой стал и, верно, не могу больше свою физкультуру делать, что тетя Христя (мать) с сестренкой Люсей приютились у бабушки в селе Старая Корань, что братишка Павлик служит по саперной части и пишет домой, что нечего мне теперь тужить, слава богу, живой вернулся, а мать было по своему бабьему делу уже и свечку за упокой души воина Виктора поставила.

Дождливым холодным вечером постучал я в бабушкину хату. Дверь открыла высокая стройная девушка. Люся? Оставил ее двенадцатилетней девчонкой со смешными косичками, а теперь, семь лет спустя, увидел девушку с комсомольским значком на ватнике.

— Здоровеньки булы, люди добрые. Чи не признали?

— Виктор! Братишка! Бабушка, бачишь, то ж наш Виктор с войны вернулся!

— Где же мама?

— Поехала до маслозавода, семечки бить на масло. Дорога плохая, коней нема, повезла на корове.

Не дав мне опомниться, Люся с подружками увела меня погулять, строго наказав бабушке ни под каким видом не говорить матери, кто приехал: «Так, товарищ один из района, зашел за Люсей, ушли в клуб, там сегодня хорошее кино».

Мать вернулась уставшая, корова не шла по грязи, пришлось перетаскивать мешки на себе. Вхожу в дом, кланяюсь ей.

— Здравствуйте и вам, молодой человек. Вы, часом, не с Буденновки будете?

— Мамо! Так то ж я вернулся!

Испуганно поворотилась ко мне мать, недоверчиво качнула головой. Не признала! Подошла вплотную и, неожиданно наклонив мне голову, провела по ней вздрагивающей рукой.

— Он! Сыночек! — вырвалось у нее вместе со слезами.

А я и забыл об этом. О следе, который остался с той

поры, когда я мальчишкой сорвался со скирды. Об этом рубце. Да разве забудет такое мать!

— Вернулся-таки, сыночек! А плохой какой стал, мое дитятко. Ни кровинки в лице.

— Да не плачьте, мамо! Домой пришел. Ноги, руки целы, буду еще при деле.

Что и говорить, слаб я был после лагеря, плох, а сидеть сложа руки не мог. Надо было поднимать из пепелищ весь родимый край. Пошел было на уборку в зерносовхоз, да не выдюжил эту работу, нашли мне дело полегче: дрова возить, волов пасти, их тогда нам целые гурты пригнали, где-то в степях у фашистов отбили.

Сгоню их вечером, заруюсь в стог и посматриваю в гляделку то на моих подопечных, как их крутые метровые рога темнеют, то на небо, как плывут по нему облака да изредка звезда падучая скатится, словно прожектор по небу полоснул. Дело шло к зиме, и ночи стали студены. А главное, сам я еще не окреп. Как-то приходит под утро сменщик, а я ответить ему не могу, так меня лихорадка бьет. Пришел к врачу — воспаленные легкие признали. Лечили меня больше деревенскими снадобьями: парным молоком, да смальцем, да медком. А когда на поправку дело повернулось, задумал на завод пойти работать.

Хорошо после того, как долго не вставал с постели, снова итти по улицам. Ожил-таки. Снова в строю. Весело итти вот так, поглядывая на то, как за клубились опять дымки над заводами, слушая, как перекликаются суда на рейде. Оживает мой Мариуполь. Расправляет рабочие плечи, принимается за свои дела.

Нелегко пришлось тебе, мой Мариуполь, живший своей мирной жизнью и давно забывший о далеких временах Севастопольской обороны, когда вторглись к нам суда союзной эскадры, разбили бомбами хлебные и соляные амбары, потопили купеческие суда. В 1918 году снова довелось увидеть тебе чужеземные армии в своих стенах, вторгшиеся на Украину кайзеровские полки. На одном из углов вывеска: «Улица имени Кузьмы Акатова». Это имя слесаря завода «Никополь», человека, который стал командиром рабочего батальо-

на. Отряды перепоясанных пулеметными лентами, вооруженных разнокалиберными винтовками сталеваров, портовиков, железнодорожников первыми начали разоружать одетых в опереточную цветастую форму гетманских гайдамаков, чтобы, собравшись с силами, двинуться против оккупантов.

И вот они вернулись много лет спустя. Словно хозяин, разгуливал по заводу имени Ильича обер-прокатчик по фамилии Мюнкер. Из пригородного села привели выданного какой-то подлой душонкой скрывавшегося там Мазая. Но как ни бились мюнкеры, ни подкупами, ни угрозами не могли они сломить рабочий Мариуполь. Пожевав колючий кукурузный малай, прокатчики, к бешенству герра Мюнкера, сдавали партию проката, разрезанного поперек листа. Брак! Несоответствие кондициям! И так повсюду. В порту взрывались пакгаузы с боеприпасами. В цехах угрюмо молчали знаменитые мазаевские печи, и озлобленные гитлеровцы увели его на расстрел. Но этот выстрел, словно сигнал, поднял молодых мариупольских подпольщиков.

Вот они, мои сверстники, оставившие свои фамилии, выцарапанные на стене гестаповского застенка. Не знал я тебя при жизни, Николай Байков, но вижу по начертанной на камне твердой рукой надписи, что не согнули тебя палачи. И тебя, неизвестный юноша, заточенный в сером полумраке камеры и терпеливо выцарапывавший на стене имена любимых писателей, чье слово было здесь с тобой. Как владели собой эти молодые ребята! Своей гибелью они воистину попирали смерть, открывали дорогу жизни, которая снова вернулась к тебе, мой город! «Почетный восстановитель Мариуполя» — так написано на доске, установленной на главной площади: каждый из горожан решил отдать сорок часов своего времени на общее дело, и каждый видит плоды своего труда.

Встречаю ребят, вместе с которыми сидел в аудитории металлургического техникума и ходил на практику. Одни стали инженерами и ведут смены на трубопрокатном или коксохимическом заводе, другие — на комсомольской работе, третьи остались на действительной службе в армии, во флоте или в авиации. Некоторые

прошли от стен родного города до Берлина в рядах трижды орденосного гвардейского авиационного соединения, находились среди тех летчиков, которые заслужили благодарность Верховного Главнокомандования в боях за Мариуполь.

Мои товарищи рассказали мне о том дне, когда старший горновой Максим Горбуля заступил в ночную смену и три коротких гудка сообщили всем: доменная печь задута! Кто не ждал этого дня в городе, страдания которого сблизили всех живущих, превратили восстановление одного завода в общее дело для каждого! Стемнело. На многометровых свечах домны вспыхнул газ. Ночью печь выдала первый шлак. Под утро Горбуля открыл летку: чугун пошел! Наш мариупольский чугун!

И везде были вместе со старшими молодые мариупольцы. Везде, где было трудно, они шли вперед, ребята смелой комсомольской хватки. Нет моторов к лебедкам. Не беда: будем по очереди крутить их руками. Не хватает верхолазов для сборки моста рудогрейферного крана. Тоже не велика беда: склепать его на земле и поднять целиком. Нет бензорезов. Стодятся на это дело молоты и зубила.

И город оживает, встает из пепла и груд искареженного металла, принимает корабли, отправляет поезда. Не оправившись от всех нанесенных ему ран, он уже помогает другим: шлет трубы Сталинграду, шахтные подъемники Донбассу, радиаторы Харьковскому тракторному.

Поглядываю на встречных, на вывески, по которым уже можно проследить этапы возрождения. Одну из них прочитываю на ходу почти машинально и, только миновав несколько домов, останавливаюсь как вкопанный, словно кто схватил меня за полу шинели. «Городской комитет по делам физической культуры и спорта!» Вот мимо чего я прошел. Почему бы не зайти? Разве не нужны там люди? Ты же дипломированный специалист по спорту. Судорожно шарю по карманам. Вот она, завернутая в тряпицу, выцветшая, донельзя потрепанная книжечка. Еще бы! Вместе со мной делила она все тяготы фронтовых дорог, скитаний по гитлеровским

лагерям: от Киева и Ромодана до Бремена и Торгау. На обложке слова: «Мастер спорта СССР». Внутри почти ничего не различить. Но фамилию «Чукарин» и номер приказа о присвоении мастерского звания можно еще разобрать.

Не успел я войти в кабинет председателя комитета, как попадаю в чьи-то объятия. Меня тискают, ворочают из стороны в сторону.

— Вот кого мне надо! На ловца и зверь бежит. Конечно, пойдешь к нам работать.

— Павел? Сливка, друг? Дай хоть отдышаться Разобраться.

— Слышать ничего не хочу. Вернулся? Свободен? Вот и отлично, пошли до председателя. Оформим тебя Коллектив мировой. Завод, сам знаешь, первейший.

Суровое, словно высеченное из камня, лицо Сливки расплылось в улыбке. Он наш, коренной мариупонец, из доброй рабочей семьи, и жили они в поселке завода Ильича, а встречались мы с ним то на водной станции в бухте Шмидта, то на соревнованиях. Сейчас он налаживает дела коллектива физкультуры на заводе и наперебой выкладывает свои планы, мысли, то сетует на городские организации — «неповоротливые», то не нахвалится ребятами, которые пришли из армии: «какой народ, с огоньком!»

Вот и я при деле, а дел по горло. Некогда даже и подумать о том, что ты только что вернулся, толком не огляделся, не успел разобрать, что к чему. Сливка торопит. Подумаешь, что не осталось ни одного зала для гимнастики! Экое дело! Поищем — и найдем. Вот хотя бы бывшая районная баня. Одно крыло пустует, законсервировано. Сливка уже осмотрел: получится подходяще, даже шкафчики в раздевалке можно использовать. А в бывшей мыльной отлично разместятся снаряды. Нет снарядов? Придется поискать на свалках, разобрать металлолом. Ребята уже откопали где-то станины для брусьев. Трубопрокатчики берутся соорудить жерди. Деревя, правда, нет, решили сделать из металла, первые в мире цельнометаллические брусья. Красота! Гриф для турника уже вытачивают на токарном станке из рессорной стали. Кольца сварят из труб.

Особой точности движений и чувства равновесия требуют упражнения на коне, которые выполняет В. Чукарин.

Проходит неделя. Девчата забежали после работы помыть полы и стены. Хлопцы протягивают проводку, вешают лампы. Через день-другой установим снаряды. Паша небрежно кидает на пол туго свернутую дорожку. Мне кажется, я видел ее то ли в завкоме, то ли в дирекции.

— Грешным делом, Павло, ты не оккупировал ли ее?

— Ни боже мой! Захожу до председателя завкома. «Когда, — говорит, — наши гимнасты меня порадуют? Домну уже задули. Жилой дом заселяют. А вы, ребята, все еще в бане возитесь. Не пора ли вам самим

задать баню?» — «Ни, — это я ему говорю, — в любой момент заходите, Никифор Андреевич, сами побачите, как мы своими руками весь зал оборудовали. А заниматься в нем еще не можно!» — «Почему так не можно?» — «Коврика нема, ноги физкультурники без него поотбивают». И что же ты думаешь: не говоря ни слова, отодвигает столы. «Скручивай, Сливка, дорожку, пока я не передумал, бо трошки жаль ее отдавать».

Так мы открыли зал для занятий первой из всех заводских спортивных секций города.

Воскресный вечер. Издали видно, как со всех сторон сходится к ярко освещенной бане молодежь. Давно уже нет ни одного местечка на лавочках. Стоят у стен, у дверей.

У меня часто-часто забилося сердце, когда под низкими сводами бани раздались звуки труб и, четко печатая шаг, вышли гимнасты, пусть кое-кто в штопаных и зашитых, но белоснежных майках, и все, как один, улыбающиеся.

Молодежь посмотрела выступления лучших гимнастов завода, потанцевала, а в следующее воскресенье, после очередного вечера, мы объявили: «Желающие, записывайтесь в гимнастическую секцию». Наша баня стала в те дни спортивным клубом молодежи. И мы со Сливкой, как и весь завод, теперь работаем в несколько смен, ведь одних ребятишек записалось к нам сотни две, а молодежи и того больше. С утра приходят школьники из вторых смен, за ними ребятишки из первой смены, а там идут заводские спортсмены.

А сам «мастер»?.. Трудно сейчас поверить, как ходил я вскруг перекладины. Подойду, гляну, примерюсь и снова отойду в сторонку. Наконец решился и через силу раза три-четыре подтянулся. Соскочил весь в поту, руки и ноги дрожат, а наутро такая нудная, тянущая боль во всех мышцах, что и одного раза не смог подтянуться. В упор лежа за руками к полу опустился, а выжаться не могу. Вот тебе, думаю, и «мастер»!

Время такое было, что сейчас и не поверишь, о чем я мечтал тогда: вот если бы мне фунта по четыре хлеба на день, я бы и в свою форму снова вошел. Мечту об этом (не о хлебе, конечно, о спорте!) не оставлял. Ведь

и на заводе и в городском комитете обо мне помнили: литерной карточкой обеспечили, талончики «СП» (специальное питание) выдали. А главное — на родной почве снова очутился. Друзья подбадривают, коллектив дружный на заводе собрался, вот на душе и полегчало. И здесь, дома, начал я день за днем наливать силой и не считал уже, сколько раз подтянулся на разминке, хотя на первом послевоенном тренировочном сборе, когда увидели ребята Сливку (он выступал по первому разряду), плечистого, широченного, и меня, тонкого, как лоза, которую согнет любой ветерок, они единодушно решили: тот, здоровый, — мастер, другой, хлипкий (это я), — какой-нибудь разрядничек.

Прошла трудная, полная напряжения и цехватки то в одном, то в другом зима, и вот уже набухает и трескается пропитанный водою береговой лед и первые рыбацкие артели выходят в очистившееся море. Весна! Кто из нас, мариупольцев, не стосковался по теплу, по свету и солнцу? Что же говорить обо мне, который четыре года провел за колючей проволокой фашистских лагерей. Для меня это не только смена времен года, но весна моей жизни, возвращенной мне жизни. И когда по умытым грозой Первомай улицам двинулось праздничное шествие, я шел вместе со всеми, захмелевший от этого сверкающего дня, и от веселого гомона, и от всего того, чего мне, черт побери, так не хватало все эти годы.

В рядах заводской колонны шагают, старательно печатая шаг, наши физкультурники. Сливка и я отказались даже участвовать в городских соревнованиях. Думалось нам: хорошо подготовим к Первомаю гимнастов нашего завода, увидит их весь Мариуполь, смотришь — и народ в секциях прибавится. Спорт — дело такое: он сам за себя лучше всяких речей агитирует.

Первомай! Первый мирный май, когда ни одна мать не вздрагивает, заслышав приближающийся рокот самолетов. Первомай! Идут металлурги и портовики, рыбаки и железнодорожники, студенты и военные. Плывут над головами макеты домен, портовых кранов, новых зданий. Весь трудовой Мариуполь предстает на этих

плакатах, знаменах, диаграммах: от огромных, раскинувшихся на километры великанов-заводов до какой-нибудь приютившейся на окраинах артели. И каждый делится с земляками своими достижениями.

Вот и мы. Нас пять тысяч. Растянувшаяся вдоль всей площади колонна молодых. Тут и заводские физкультурники, и вузовские, и школьные. Только командирское беспокойство, не покидающее нас со Сливкой до той поры, пока мы не миновали площадь, мешает нам полностью насладиться и слаженным, движущимся единым монолитом строем и тем, как встречают нас на пути. Мы идем мимо трибун, перестраиваясь на ходу, и когда десять тысяч рук поднимают в общем взмахе флажок или всего-навсего поворачивают ладони, это напоминает колышущуюся под ветром ниву.

Мы так и не могли получить у первомайского штаба хотя бы несколько минут для показа упражнений. Впрочем, и не надо! Вступая на площадь, физкультурная колонна замедляет шаг, и кто же помешает нам выполнить вольные упражнения на марше! Это наш рапорт. Одни рапортуют чугуном — тяжелыми, увесистыми глыбами, рельсами, машинами, другие — судами, которые уже бороздят море, а мы — здоровьем, силой, выправкой. Всем своим видом мы говорим, что новая весенняя поросль поднимается на нашей много испытавшей земле.

А на столе председателя комитета физкультуры уже дожидается нас телеграмма: ДСО «Сталь» предлагает «обеспечить явку Чукарина, Сливки сбор Днепропетровск». Оба мы включены в команду спортивного общества для участия в розыгрыше лично-командного первенства профсоюзов в Ленинграде. Я еду на сбор вместе с Сергеем Петровичем Ивановым, первым тренером, у которого довелось мне заниматься после войны.

...Впервые в Москве. Сутки! Всего двадцать четыре часа. Много ли можно увидеть за это время, много ли узнать? Но когда, пробыв эти сутки в Москве, я прошел по застекленному Ленинградскому вокзалу и, закрыв глаза, лег на полку в купе, передо мною, словно быстро бегущие кадры фильма, замелькали улицы,

и здания, и люди Москвы, и попеременно с ними унылые, заросшие вереском дюны Зандбостеля. Куда бы ни забрасывала нас военная судьба, мы спрашивали один другого о Москве, ловили ее голос, подхватывали каждое слово правды о ней.

Забудь ли июльский вечер сорок первого года... Я был тогда на Полтавщине в одном строю с товарищами по техникуму — Васей Сидорко и Федей Карпенко. Мы стояли у берегов прохладной и быстрой реки Сулы, которую упоминает создатель «Слова о полку Игореве», и, как и тогда, надвигались на Русь вражеские орды и грудью вставал наш народ на защиту своей земли.

Многое повидала ты, многое претерпела и выстрадала, моя Украина, и опять, как в дни Батюга и Чингисхана, половцев и печенегов, топтал твои нивы сапог солдата, а мы, молодые, не видавшие еще жизни ребята из артиллерийского расчета, повертывали во все стороны полевые пушки, отбиваясь от окружавших нас фашистов. В памяти моей мелькают заросшие камышами берега Сулы, белые хатки приднепровских сел, высокие холмы Канева, глухие леса Полтавщины и дым и угар пожарищ, и северные берега Германии, лагерь Зандбостель, где выведенный крупными плакатными цифрами номер на шапке и на спине заменил мне имя.

День и ночь воет над крышами бараков заунывный осенний ветер и ему вторят сторожевые псы у пулеметных вышек.

Словно нескончаемо длинный путь, тянутся дни и ночи. Все дальше и дальше от меня и недавние планы, и мирная жизнь, и полученный на пороге войны диплом с отличием. Понадобится ли он тебе, узник № 10491, который сегодня вместе с заточенными сюда югославами роет огромную, словно котлован, могилу или с пяти утра идет убирать хлеба у богатого хозяина-землевладельца?..

Но и сюда, в далекие дюны побережья Северного моря, доносился сквозь огонь и грохот голос Москвы. И, словно тень рассвета на темном еще горизонте, возникает надежда и растет, питаемая то обрывками под-

слушанных передач, то увиденными на стационарных заборах объявлениями. Вот пожилой немец сунул мне кусок хлеба от завтрака. Или охранник, вынув трубку, доверительно пробурчал: «Наци капут... Волга цюрик... Сталинград!» И даже кто-то из конвоирующих нас предателей-власовцев, оглянувшись, бросил: «Наши жмут всюю. Держись, ребята. Недолго ждать».

В канун мая 1945 года привели нас в портовый городок Везермюнде. Трое суток продержали под конвоем на причале, а потом погнали на многотонную баржу и отбуксировали в открытое море.

Мерно бьются волны о металлические борта. Зябко жмемся друг к другу в холодной темноте сырого трюма. Попрежнему получаем кипяток и свои двести граммов хлеба. Попрежнему покрикивают на нас охранники. Но сердцем каждый чувствует: разладилась гитлеровская военная машина со всем ее холодным, не знающим пощады распорядком.

Наша обвешанная минами баржа должна пойти на дно Северного моря с официальной версией: «торпедирована вражеской подлодкой». Но неизвестные друзья отвели занесенную над нами руку смерти, и вот теперь, вступив на землю Москвы, я молча смотрел на теплящиеся тихим рубиновым светом звезды на майском небе, на часовых, недвижно стоявших в карауле у Мавзолея, на полную напряжения жизнь города, которому привез земной поклон от всех тех, кому возвращены и молодость и жизнь.

Привет тебе, наша Москва!

...Зычное «смир-но» раскатывается под сводами, и, отвечая привычной команде, подтягиваются ряды участников соревнования, коллективы «Буревестника», «Стали», «Медика», «Большевика», «Родины», шеренги врачей и учителей, печатников и угольщиков, продавцов и столяров, представляющих всех тех, кто снова собирается и в отлично оборудованных столичных залах и где-нибудь в недавно восстановленном зальчике на Украине или в Белоруссии. Можно, не глядя на анкеты, по висящим в раздевалке шинелям с недавно споротыми погонами, по планкам орденских лент и гвардейским знакам на кителях определить, какой

путь прошли все те, кто собрался теперь на соревнования. Скольких товарищей недосчитались мы! Понутив головы, слушают друг друга съехавшиеся в Ленинград старшие гимнасты. Узнают они скорбные вести. Сложили свои удалые головы Николай Крылов, Валентин Чаплыгин, Лев Новокрещенов и мои товарищи Иван Люшненко, Евгений Наливайко, Анатолий Хорунжий. В прах и в тлен обратил злобный враг полные света и простора дворцы здоровья, где упражнялись гимнасты Минска и Ростова, Харькова и Смоленска. Не сосчитать всех тех хлопцев, которых не успел еще приметить глаз тренера, не коснулась рука, шлифующая найденный самородок. Сколько новых Серых, Беляковых, Муратовых вышло бы из них, что покоятся в брагских могилах на полях Смоленщины и Подмосковья, в земле лагерей Освенцима и Равенсбрюка!

Можем ли мы забыть людоедскую заповедь Гитлера: «гигантское пространство (Россия) должно быть как можно скорее усмирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто хотя бы бросит на нас косою взгляд». А бывший заместитель главного военного юриста английских вооруженных сил лорд Э. Рассел рассказывает, как за три месяца до своего подлого нападения на СССР Гитлер заявил на совещании в рейхсканцелярии, что в войне против России неуместны ни рыцарство, ни военная честь.

Как и все, я внешне спокоен, и только внутри бурлят, рвутся наружу нахлынувшие на меня чувства... Тут и радость, такая, что слезы подступают к горлу, радость от того, что вновь занял свое место в строю. И тревожный, пробегающий по спине холодок, охватывающий меня, когда на разминке вглядываюсь в отточенные, уверенные движения Серого на кольцах, смотрю на судей в традиционных белых одеяниях — они ведь не станут делать никаких скидок на то, что испытал я во время войны.

Просторный, богато оснащенный зал Ленинградского дома офицеров наполняется движением, то затихающим, то снова возрастающим шумом. Наш зритель знает гимнастику. Знает и любит. И, кажется, не успеют еще судьи и тренеры свести баланс выигрышных

и потерянных баллов, как на скамьях болельщиков уже подсчитано, что Серый, бесспорно, идет первым, он сильнее всех, хотя вовсе неплохи и Леонид Ярыза и Евгений Копытов, занявшие второе и третье места.

А я?.. Как же далеко мне не только до Серого, но и до многих из тех, кто идет вслед за ним! Я оказался не в силах подтвердить звание мастера спорта. В обязательной программе не дотянул каких-нибудь четырех десятых до нормы, в произвольной вовсе не рискнул выйти на старт.

Почему так? Чего же не хватало мне? Силы, ловкости, умения с равной уверенностью выступать на разных снарядах? Нет, видимо, дело было не только в этом, но и в другом: давно не участвовал в турнирной борьбе, в соревнованиях, где каждого, кому хоть раз довелось услышать бесстрастный голос судьи, произносящего твою фамилию, увидеть обратившиеся к тебе тысячи глаз, охватывает волнение, с которым нелегко иной раз совладать. Даже самый опытный гимнаст, такой, что, кажется, разбуди его среди ночи, и он спокойно повторит всю свою комбинацию, иной раз вдруг срывается на несложном движении.

Не вжился я в новые для меня упражнения. Иные из них, например на перекладине, буквально переучивал на ходу, во время зачетного подхода к снаряду. И вот на всех снарядах только «семерки» с десяти-ми долями.

Главный судья торжественно объявляет в наступившей тишине результаты и только шестой называет мою фамилию... Остается утешать себя тем, что имена семи мастеров значатся после. Но я предпочитаю думать о тех, кто впереди. На них я должен равняться.

Лето 1946 года. Мариуполь. С моря веет легкий ленивый бриз, не похожий на колючие, не дающие вздохнуть зимние ветры. От пристаней отваливают пароходы на Ейск, на Ростов, на Таганрог. Бегут в грузовом порту ленты транспортеров.

Устроившись на балюстраде, наблюдаю веселую суету и чувствую, как все сильнее охватывает меня одно постепенно созревшее большое желание: не останавливаться на том пути, по которому сделаны первые

шаги, идти дальше, но не на ощупь, а уверенно, отчетливо представляя избранное направление, и те повороты, где рискуешь свернуть в тупик, и те препятствия, что возникнут в дороге. Но где найду я эту уверенную силу, основанную на прочных знаниях? Где обрету самого себя?

Я уже слышал о том, что на Украине, во Львове, создается новый институт, где будут готовить специалистов по физической культуре. Паша Сливка советует мне ехать именно туда, в столицу Галицкой Руси: «Будешь первым гимнастом города».

Сумрачно глядят на меня пустые глазницы высоких, во весь фасад, окон Львовского вокзала. С небольшим чемоданчиком иду по городу, чьи улицы и здания, словно общительный собеседник, рассказывают биографию старого Львова. Рябой, будто тронутый оспой фасад толстостенного здания стиля модерн напоминает о битве за город, о неизвестном лихом автоматчике, который строчил по дому, а теперь, быть может, окажется в одной аудитории со мной.

Недобрая тишина окружает просторно раскинувшуюся, обнесенную каменными стенами обитель с богатым, не тронутым ни одной пулей собором святого Юры. Но вот и другой Львов — он открывается передо мной с холма Высокого Замка, куда ведет петляющая между домиками улочка.

Весь город передо мной как на ладони. Гордо высятся там и сям трубы заводов. Издали бросается в глаза средневековый шпиль ратуши, где столько лет не звучала украинская речь, а ныне помещается горисполком. Неподалеку от него величавый купол оперного театра, здания университета и политехнического института. За городом виден Холм Славы, где темнеет громада танка, первым ворвавшегося на улицы города. Сверкают под скупыми лучами осеннего солнца рельсы железных дорог, соединяющих город с Москвой и Киевом, с Украиной и Россией, с темнеющим на горизонте Закарпатьем. Набирая высоту, взбирается в небо самолет.

Вот и институт. Вынимаю письмо, полученное недавно из Львова от товарища по киевскому техникуму:

«Жду тебя, Виктор, приезжай. Вопрос с приемом, не сомневаюсь, утрясем. Везде нужны такие спортсмены, как ты. Жму руку. Бобров».

В канцелярии меня огорашивают: «Бобров уехал в Минск. Когда вернется? Неизвестно». Без диплома техникума со мной вряд ли будут разговаривать, а он утерян в военные годы. Хорошо, что я догадался взять у нескольких преподавателей техникума подтверждение и могу подать его секретарше. Она скрывается за тяжелой, массивной дверью и неожиданно быстро вылетает обратно, сверкая самой обворожительной улыбкой: «Будь ласка, гражданин, пройдите к замдиректора».

— Товарищ Липман?

— Он самый!

Передо мною один из старых киевских преподавателей. Кто же из нас не знает этого человека, которому многие обязаны своими знаниями?

— Какими судьбами?

— Хотел поступать в институт, да не хватает документов. Велят за ними в Киев ехать.

— Важность какая. Да мы же вас по киевскому техникуму знаем. Я живой свидетель. Зачислим без разговоров: лекции уже идут полным ходом. Включайтесь! У меня к вам будет личная просьба: с гимнастикой в институте похвалиться особенно нечем, вы помогите кафедре. На первое время дадим вам нагрузку: наладить утреннюю зарядку в общежитии. Вы где устроились?

— Вроде еще нигде. Ночевал на вокзале.

— Какой это вокзал! Барак. Вокзал еще только восстанавливаем. Сейчас черкну коменданту.

Несколько дней спустя получаю студенческий билет. Расписываюсь, а у самого такая радость на сердце, что иду по улице и все мне кажется теперь светлым, улыбочивым: вот и определилась моя дорога в жизни! Будто и не было тех темных туч, которые нависли надо мной, над всей моей землей. Разогнали их, снова над нами светит солнце, и не танки, а плуги разворачивают землю, и не железо ложится в нее, а доброе семя.

Приглядываюсь: народ в институте собрался неплохой, много солидной публики, демобилизованных, в летах. Они особенно серьезно налегли на учение. Охота, видно, поскорее восстановить все то, что отняла война. Тянутся за ними и местные ребята.

— Как вам нравится на новом месте? — осведомляется руководитель институтской кафедры гимнастики Виктор Иванович Христинин.

— Работать можно, народ в общем дружный. Гимнастов только сильных не видно. Судите сами: на весь институт один мастер, это я, нет даже ни одного перворазрядника. А в московском институте или у лесгафтовцев, знаете, какая сила!

— Еще бы не знать. Но ведь и они когда-то начинали вроде нас. А вам, Чукарин, пужно поживее впрягаться в работу кафедры. Помогите сколотить секцию. Будет жизнеспособная секция, верьте моему слову, через год-другой институтских гимнастов и не узнаешь. Ведь есть у нас хорошие ребята.

Когдаходишь в спортивный корпус нашего львовского института, шагаешь по его гулким коридорам, запахиваешь двери в залы, светлые, высокие, просторные, со множеством снарядов и приспособлений, нельзя не вспомнить 1946 год — год первого приема. Тогда мы были не только студентами, но и разнорабочими, и штукатурами, и монтерами. Мы ходили по старым казармам, по складам, отыскивали оборудование для залов гимнастики и тяжелой атлетики, фехтования и бокса. Как не вспомнить и первых уроков гимнастики, когда нашим педагогам приходилось налегать на элементарные упражнения, прививать нам двигательные навыки! Снарядов еще не было.

А товарищи у меня подобрались ладные. Сколько лет минуло с той поры, а мы по сей день дружим. Анатолий Бурындин, широченный, малость мешковатый, приехал тогда из Кемерова и долгое время был на распутье: где применить ему свою силу — в гимнастике или в борьбе? Из бакинского института перевелся во львовский Сергей Трущелев. Все годы учения провели мы в одной комнате, и так и остались все трое на работе во Львове.

А как не улыбнуться, когда вспоминаешь соревнования, которые проходили в конце 1946 года и громко назывались «Первенство города Львова по спортивной гимнастике»! По группе мастеров можно было присудить звание чемпиона города без всякой борьбы: один мастер был у мужчин — автор этих строк — и одна участница по женской группе — преподавательница нашего института Галина Александровна Гончарова. В нашем городе, где теперь сотни гимнастов, первенство оспаривало... девять человек, и среди них, как я уже сказал, два мастера, один гимнаст первого разряда да два второразрядника.

Тогда, в год моего приезда во Львов, во всем институте не было ни одного гимнаста первого разряда и только к концу 1946/47 учебного года появился на кафедре перворазрядник — новый преподаватель, выпускник харьковского института Александр Бойко.

Трудное было время, а хорошее, боевое. Развернешь утречком на ходу газету и видишь: нет, кажется, уголка в стране, где бы люди не подымали из пепелища все то, что разрушил враг. Крепко ведь стосковались люди по мирному труду, вот потому даже то, что, казалось, доведется восстановить невесть когда, в отдаленном будущем, уже вступало в строй. И сам я видел, что наступило время и мне вступать в спортивную борьбу.

Поздней осенью во Львове разыгрывалось первенство Украинской республики. Съехались спортсмены из Киева и Харькова, Одессы и Полтавы. На улице Руставели, возле спорткомбината, где развернутся спортивные бои, встречаю многих, кого не видал с довоенных лет. Выступаю не очень успешно: четвертое место, но зато я подтвердил звание мастера спорта. Да и место не такое уж плохое, если считать, что меня опередили мастера не республиканского, а всесоюзного масштаба — Аджат Ибадулаев, Михаил Дмитриев, Леонид Ярыза.

Вечером допоздна обсуждаем в нашей комнате весь ход соревнования.

— Надо побольше силушки тебе, Виктор, накапливать, — басит со своей койки Бурындин. — Будет силы

вдоволь, будет и техника. А сейчас у тебя ее недохватка.

— Хорошо тебе, Толя, — отрываюсь я от дневника, куда записываю результаты. — Здоров, как медведь в тайге, а где мне силу взять?

— Не всякий от природы силен, — вмешивается в беседу Трущелев, горячий, азартный по своей природе человек. — Ходи вон на двор дрова колоть, даю тебе слово, когда сложишь поленницу этак кубометров из пяти, весь плечевой пояс и спина другими станут.

— А я посоветую чаще в зал тяжелой атлетики заглядывать, — продолжает Бурындин, — штангу ворочать, а как снег выпадет, на лыжах побольше ходить. Надо приучать себя к длительному напряжению.

— Дело говоришь, — Трущелев откладывает в сторону учебник физиологии. — Целиком присоединяюсь к предыдущему оратору. Будем говорить с тобой, Виктор, начистоту. Помнишь, как на коне в махах вдруг остановился, а потом начал крутить и — пожалуйте, еще остановка! А почему? Нет привычки к длительной работе.

Зима. С Карпат ползут темные низкие тучи, осыпают первым снегом парки и улицы, загородные холмы и села. Хорошо итти по лыжне и чувствовать, как легко дышит все тело, овеянное свежим ядреным морозным воздухом. Хорошо день ото дня устремляться все дальше и дальше, чтобы накопившаяся в аудиториях умственная усталость, после того как ты пробежишься до пота по снегам, сменилась крепким сном и растущей день за днем силой.

В канун 1946 года уезжаю в Ленинград на розыгрыш первенства страны. Мелькают за окнами покрытые снегами поля, темнеют развалины разрушенных станций.

Там, где железнодорожная линия проходит в Брянских лесах, гитлеровцы вырубили все подступавшие к полотну деревья, спасаясь от партизан.

— Смотри-ка, молодой человек, вот уже и вокзальчик соорудили, — радостно замечает мой сосед с погонами полковника. Мы глядим на поставленный у перрона снятый с колес вагон и пристроенный к нему

новенький, не крашенный еще навес из тесин. — Еще в том году ехал я здесь, так, представь себе, подбитый немецкий танк приспособили, и через люк кассир билеты выдавал.

Участники турнира гимнастов собираются под сводами зала Ленинградского дома офицеров за Сенной площадью. Впервые на этом соревновании, кроме личного первенства по снарядам, разыгрывают и командное первенство республик.

Первое место завоевала команда Москвы. Я занял двенадцатое.

Что-то принесет мне наступающий 1947 год?

Мимо памятника Мицкевичу, по боковой улочке иду на занятия в спортивный корпус — старое здание с латинскими буквами «SM» на фронте. Здесь, в прежнем панско-иезуитском Львове, помещалась «Сокольня» — место собраний привилегированного гимнастического кружка «Сокол-Матиш» («Сокол-отец»). Впрочем, был и более демократический «Сокол-отец», в залах которого разместились теперь локомотивцы. Старожилы рассказывают, что в дом, на углу Лермонтовской и Спартаковской, где помещается наш корпус, заглядывал Иван Франко. И его почитатели-спортсмены преподнесли великому украинскому письменнику венок.

Меня встречает незнакомый человек в просторном тренировочном костюме, невысокого роста, с выступающими скулами и прячущейся в глазах хитринкой.

— Давайте знакомиться, Чукарик! Принимаю дела на кафедре гимнастики. Собенко Петр Тимофеевич. Много слышал о вас. Прошу любить да жаловать.

Вежливо пожимаю Собенко руку, не подозревая, что так, рука об руку, и пойдем многие годы.

По институту уже бежит молва о разговоре нового завкафедрой с директором института. На вопрос: «Какие у вас желания, товарищ Собенко?» — Петр Тимофеевич будто бы ответил: «В соревнованиях наших гимнастов с киевским институтом (Собенко был направлен к нам оттуда) прыгнуть хотя бы на сантиметр выше, чем киевляне».

Собенко поселился в главном корпусе, где жили тогда и студенты. День нашего завкафедрой, как рассказывал он мне, когда мы познакомились поближе, начинался всегда одинаково, и вскоре он перестал даже поглядывать на часы. Ровно в семь в гулком, высоком коридоре раздавался легкий, все усиливавшийся топоток, сменяющие ритм шаги и потом новый, теперь уже удалявшийся, затихавший топоток. И так каждое утро. Собенко привык подниматься по этому топотку, словно по звонку будильника, и, приоткрыв как-то дверь, увидел меня: не дожидаясь общего подъема, я упражнялся в эти тихие утренние часы.

— Никак Чукарин? — окликнул меня Собенко.

— Точно, Петр Тимофеевич, я!

— Ведь я вас еще по Киеву помню. А как дела?

— Вхожу понемногу в форму. Уж очень за войну отстал. Когда вернулся домой, думал: только на утиль и гожусь. К снарядам подступиться боялся.

Первое время мне казалось, что Собенко занимается со мной без плана от тренировки к тренировке. Он присматривался ко мне, я — к нему. Такой уж у меня характер, не сразу раскрываюсь перед новым человеком. Бывает даже, что на первых порах замыкаешься перед ним. Потом уже понял, что Собенко не хотел спешить, шел вглубь, отыскивая во мне те качества и свойства, которые, быть может, не сразу выступают наружу в человеке уже сложившемся, немало испытавшем. Так геолог, прежде чем начать разработку, постепенно опускает все глубже бур и подолгу всматривается в извлеченную колонку, чтобы отделить крупницы руды от блестящей, но пустой породы.

Подошел день решительного разговора: мужского, напрямик, начистоту...

— О чем речь, Виктор? Надо решать, как работать нам с тобой дальше. Тебя я как будто узнал. И ты ко мне привыкнуть успел. Как думаешь, не пора ли о новом подумать, чтобы не топтаться на месте? Итти дальше да выше.

— Правильные ваши слова, Петр Тимофеевич! Я и сам чую, что, можно сказать, восстановительный период пройден, надо что-то новое искать.

— Знаешь, Витя, в старину говорили: плох тот солдат, который не думает стать генералом. А мы добавим, что плох и тот спортсмен, который не думает стать чемпионом. И, быть может, пора уже и нам подумать, с чем выйдем за границу. Пора готовить не только чемпионов страны, но и таких, чтобы во всем свете с ними считались. Ну, что же ты зажурился? Или сомневаешься?

— Не в том дело.

— Так в чем же?

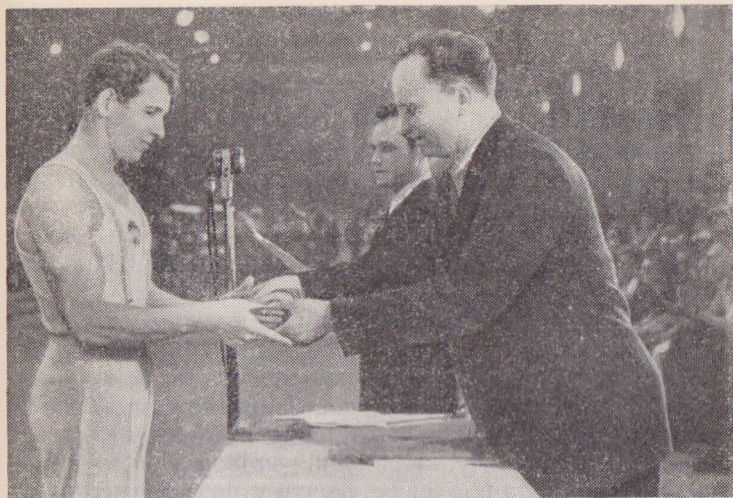
— О другом думаю. И лет-то мне не так уже мало, и дюже отстал я от всех товарищей. Как-никак — четыре года перерыва. А другие спортсмены за это время далеко вперед шагнули. По соревнованиям вижу.

— Знаешь что, Виктор, условились: не приbedняться! Сам говоришь, что восстановительный период почти что пройден. Так зададимся целью уйти еще дальше, подняться еще выше. И еще одно — наметим себе план не на сезон, а на год, на три. Создадим с тобой пятилетку. Таковую, где маршрут пойдет не по низинкам, а к самым высоким, не взятым еще никем вершинам. Вроде пика Победы. Слыхал небось, открыли недавно у нас такую вершину. Самую высокую в «Небесных горах», на Тянь-Шане. Ни одной души на ней еще не бывало. Вот это восхождение для тебя: к вершинам пика Победы!

Нужно ли говорить о том, что еще дружнее принялись мы за работу с этого дня.

Немалый жизненный путь прошел Собенко. Сын крестьянина-бедняка из Волчанска с Харьковщины, еще двенадцатилетним хлопчиком бегаёт он в гимнастический кружок, хотя его и гонят оттуда: «Мал еще. Подрасти сначала». Малый оказался с поровом, из тех, кого выставят в дверь, а они влезут в окно. Вскоре Петро на зависть многим другим ребятам своей улицы уже занимается в кружке и летом щеголяет белым контуром «сокола» на загоревшем до бронзового отлива теле. Для этого юные гимнасты, когда загорали на пляже, клали себе на грудь вырезанную из бумаги эмблему, и она ярко выделялась потом на фоне загара.

Нелегкой была жизнь Собенко: батька погиб на

Желанная победа! Молодой гимнаст В. Муратов принимает алую майку абсолютного чемпиона страны.

фронте еще в гражданскую, мать тогда же поставили к стенке деникинцы. Пришлось комсомольцу податься к дядьке в Купянск, учиться на слесаря. Там он играл правого края в известной по тому времени футбольной команде «Штурм 2». Довелось ему побывать чуть ли не на всех стадионах Донбасса. Футбол у шахтеров издавна в почете, выступала их команда даже в Киеве.

Спорт спортом, но понял Петро, что и в этом деле нельзя без образования. Сначала прошел он курс профтехшколы, а потом Цека комсомола Украины дал ему путевку на всеукраинские курсы физкультуры: «Любишь ты это дело, Собенко. А нам нужны кадры!»

Где только не пришлось работать Собенко после выпуска: и в Прилуках на Полтавщине, где он поднимает молодежь на первый лыжный переход «Прилуки — Хорол — Прилуки»; и в Саратове, где он преподает в Комуниверситете вместе с известными метателями братьями Шехтелями; и на Харьковском

электромаше, где ему довелось направлять первые броски многократной чемпионки страны по метаниям Зои Синицкой.

А гимнастика неотступно прошла через всю спортивную жизнь Собенко, хотя немалую дань отдал он и другим видам спорта. В 1928 году, когда учился в Московском институте физкультуры, играл за футбольную команду, которую тренировал Борис Андреевич Аркадьев. На первенстве вузов Москвы, попав в финал бега на сто метров, оставил позади Николая Озолина и Бориса Дьячкова.

— А вот с прыжками в воду не получилось, — рассказывал как-то нам, студентам, Собенко. — Гимнастическая подготовка есть, плаваю прилично, почему, думаю, не пошукать мне и здесь. Заявился с этой просьбой к известному прыгуну в воду и тренеру Фирсову Сергею Васильевичу. «Приходи, — говорит он, — в бассейн. Наша вода с семи до девяти утра, но ты будь пораньше, посмотрю, можно ли тебя в группу включить».

Пришел, разделся, влезая на трамплин, огляделся, в бассейне ни души (только уборщицы на трибунах взяты). А над водой зычно раскатывается фирсовский бас: «Будешь прыгать в группировке, а я проверю, как ты свое тело в полете ощущаешь. Уговор такой: не разгруппировываться, пока сигнала не услышишь: хлопка в ладоши. Понял?» Еще бы не понять. А когда от трамплина оттолкнулся, в воздухе очутился, лечу и ничегошеньки не слышу. Так и брякнулся с размаху животом об воду, аж вся кожа горела, когда вылезал. «Больно?» — «Н...я...е о-ч-чень». — «Тогда опять на вышку!»

Еще раз забрался на трамплин. Спрыгнул. И на этом самом месте снова пузом по воде. Вылезаю и слышу спокойный безапелляционный бас: «Можете ко мне больше не ходить, товарищ Собенко».

После окончания института вернулся Петр Тимофеевич на Украину и стал чемпионом Харькова по метанию копья. Потом работал в Киевском институте физкультуры. Но все больше и больше тянуло его к гимнастике. И в 1947 году дали ему направление во Львов, в самый молодой из наших физкультурных вузов.

Я рассказывал о первом разговоре Петра Тимофеевича с нашим директором, когда он сказал, что мечтает хоть немного, на один сантиметр, прыгнуть выше, чем киевляне. А ведь так и вышло! На первенстве физкультурных вузов в 1949 году наш коллектив вышел по гимнастике на третье место. Впереди были только москвичи да ленинградцы. А киевский институт на седьмом месте оказался: сдержал Собенко слово.

Новый, 1947 год. Меня срочно вызывают к директору.

— Приятная новость для вас, Чукарин! Из Москвы сообщают, что вас включают в сборную Союза. Вызывают на сбор. Отдаем сейчас приказ, идите оформлять документы. Желаю всяческого успеха!

Подобно солдату, мастер спорта должен быть всегда готов быстро подняться и уйти в поход. На этот раз нас, советских гимнастов, приглашают во Францию, где состоится совещание гимнастической федерации и намечаются соревнования СССР — Франция. К ним и предстоит готовиться.

...Вхожу под своды восточной трибуны московского стадиона «Динамо», не задумываясь о том, что не один еще год предстоит мне встречаться здесь с моими товарищами по сборной команде страны. И придут годы, когда, подобно садовникам, изрядно поработавшим с новыми насаждениями, увидим мы и поднимающиеся, наливающиеся свежими соками молодые побеги и первые плоды. Ведь главный наш резерв — это молодежь, тот «неизвестный гимнаст», который, быть может, сейчас демонстрирует нехитрое свое умение на пионерском костре, на вечере в школе, и за его угловатыми, неуверенными движениями наблюдает зоркий глаз тренера.

Мы собираемся в светлом, высоком динамовском зале. С балкончика поглядывают на нас московские гимнасты и тренеры, из соседнего зала доносится тяжелый грохот падающих на деревянный помост штанг. Возрождается, набирается сил советский спорт.

Мы, собравшиеся через два года после окончания войны спортсмены, тренируясь к первой международной встрече, знаем, что подготовка наших и западных

гимнастов проходила в неравных условиях. Ведь огонь и дым войны не застилали городов Швейцарии, Швеции, Соединенных Штатов, с гимнастами которых предстоит нам скрестить в будущем спортивное оружие. А мы еще даже не вошли в тело, и, что там греха таить, в том же 1947 году, когда еще нормировался каждый фунт сахара и масла, не всем хватало еды при той напряженной затрате сил, которой требовали от нас тренеры.

Наступает день проверки. На крытом, похожем на большой ангар теннисном корте стадиона «Динамо» собираются спортсмены. Запяли места за столом государственные тренеры и работники Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта.

Вот и мой выход. Делаю шаг вперед и чувствую, как неожиданно покрываются потом ладони и мелкая внутренняя дрожь, словно неудержимый озноб, охватывает меня. Что такое? Начинаю вольные упражнения и, даже не видя себя, ощущаю, что двигаюсь грубо, топорно. И чем дальше, тем движения все жестче и скованнее.

Вот я выполняю теперь равновесие — «ласточку», которую безотказно делал на любой тренировке. С трудом отрываю ногу от пола, чтобы застыть в известном каждому положении: голова, спина, поднятая нога, разведенные в стороны руки — на одном уровне, словно выровненные по линейке. А у меня?.. Вижу на лицах судей странные гримасы, один из них даже прячется за спину соседа. Что такое? Да они корчатся от смеха. Что же смешного?..

На пути в общежитие товарищи с Украины участливо рассказывают мне:

— Не узнать тебя было сегодня. Руки развел, голову этак гордо вскинул, а нога-то, ой, Витюха, не сердись, дорогой, ногу ты никак от пола не оторвешь. А потом с силой, словно штангу, поднял ее, ну, никак не выше чем сантиметров на пятнадцать, и она у тебя, как овечий хвост, дрожит. На том и кончил.

За вольные мне выставили «семерку». Следующее упражнение — махи на коне. Начинаю раскручиваться вокруг ручек и вдруг, как током меня ударило, соско-

чил, и не сорвался ведь, а, сам не знаю почему, сошел со снаряда. Ко мне подбегает Ибадулаев.

— По международным правилам имеешь еще одну попытку. Наскакивай на коня.

А я толком не разобрал даже, что он говорит. Будто издалека доносится голос.

— Нет, не буду, — махнул рукой и ушел.

Таким конфузом закончился мой московский дебют, и нужно ли говорить о том, с каким грузом невеселых размышлений садился я в поезд на Киевском вокзале.

Наша встреча с гимнастами Франции тогда не состоялась. Вернулся из Парижа государственный тренер Михаил Ефимович Ганиза и заявил, что нам с западными гимнастами тягаться пока рано, очень уж они сильны. А ведь пять лет спустя, когда довелось нам помериться силами в Хельсинки, наши гимнасты вышли на первое место, а французы остались на пятнадцатом.

Покачиваются на шпалах вагоны. Соседи выскакивают за кипятком, за курятиной, а я знай себе отмериваю шаги по коридору — двадцать туда, двадцать обратно. Сорвался!.. Провалился!.. Что же будут думать обо мне? Обо мне и моем тренере. Ведь на тренировках выступал не хуже других. А тут ногу не в силах поднять. Видно, дело не только в технике, но и в умении собраться, сосредоточиться. Об этом мне столько говорили и Ибадулаев и Собенко.

Надо больше выступать! Вот какой урок должен я извлечь из своего «дебюта» в Москве. Где как не в соревнованиях закаляется характер, оттачивается оружие, обретается умение владеть им. Ведь еще Суворов учил: «На себя надежность — основание храбрости». И сказано об этом создателем книги, которая именуется «Наука побеждать».

В том же так неудачно начавшемся году выхожу на старты четырех больших всесоюзных первенств и каждое из них стирает раз за разом следы горьких воспоминаний. К концу года только покачиваю головой и вместе с другими посмеиваюсь, представляя себе нескладную фигуру гимнаста с нелепо дрыгающей ногой.

В ближайшей же встрече на розыгрыше первенства

нашего спортивного общества «Большевик» я дважды выигрываю звание чемпиона: на перекладине и в махах на коне.

Следующее испытание — первенство профсоюзов. Приятно после замкнутого стенами зала выйти на просторы ленинградского стадиона «Медик», где встретились лучшие гимнасты всех спортивных профсоюзных обществ. В прошлом году я был в этом соревновании шестым, что-то покажет 1947 год?

Не так уж плохо. Занимаю одно первое место — махи на коне. Победа дорога мне вдвойне: ведь она завоевана на том снаряде, которого в глубине души опасается каждый из нас. Даже ведущие мастера побаиваются этого снаряда. Чехи, одни из создателей школы снарядовой гимнастики, так и называют его «упрямый конь». Ему действительно ничего не стоит, словно дикому, необъезженному жеребцу, сбросить с себя даже опытного наездника.

С точки зрения неискушенного в тонкостях гимнастики зрителя, конь представляется самым неэффективным снарядом. Но гимнаст чувствует себя здесь как начинающий конькобежец на льду, где так легко оступиться, поскользнуться. Ведь и баллы говорят, что больше всего низких оценок во всем шестиборье гимнаст получает в махах. Только москвич Владимир Лаврущенко, восемь лет не уступавший никому первенства в этом виде, может ритмично вычертить десятки махов, ни разу не сбившись.

Теперь я взял реванш за прошлогоднее поражение. Радует и другое: баллы по всему многоборью выводят меня на второе место в чемпионате. И главный судья Евгений Александрович Дулетов, вручая мне призовой кубок, с улыбкой говорит:

— Вижу в вас, Чукарин, будущую грозу нынешних чемпионов!

Пробегая страницы спортивного дневника, вести который советую каждому спортсмену, слежу вместе с Собенко, как выполняем мы намеченный план. Постепенно, но неуклонно, от соревнования к соревнованию иду вперед. От «семерок» и даже «нулей» поднимаюсь к «девяткам».

Летом во Львов съезжаются лучшие гимнасты физкультурных вузов. Спортивную честь лесгафтовцев будет защищать Олег Бормоткин — сильный, азартный и смелый ленинградский мастер. «Он и не очень-то готовился к первенству, — предупреждают меня ленинградцы. — Гимнаст высокого класса, приехал с настроением спокойненько, без борьбы забрать первое место. Надеется, что серьезных конкурентов у него здесь не будет». Посмотрим...

Начались соревнования. Бормоткин превосходит меня в мастерстве на перекладине, да и в махах. Теперь опорные прыжки. Бормоткин, видимо уверенный, что диплом чемпиона у него в кармане, смаху пролетает над конем с согнутыми коленками. Ошибка! Но этим не ограничилось. Каждый бывавший на соревнованиях мог видеть белые полосы, разделяющие тело коня. От нанесенных здесь цифр зависит оценка, которую выставляют за упражнение судьи. Бормоткин отталкивается в совсем неполюженном месте. Вторая, еще более грубая ошибка. Он получает «баранку» — нулевую оценку. В упражнениях на кольцах Бормоткин не набрал восьми баллов, уступив мне звание чемпиона.

Успешно провел это соревнование весь коллектив гимнастов нашего института: мы заняли общее второе место, опередив не только киевлян, но и сильные, издавна славившиеся высокой гимнастической культурой команды Ленинграда и Тбилиси.

Год больших соревнований близится к концу. Декабрь застает меня на очередном первенстве страны в Тбилиси, живописном, веселом городе, гимнасты которого еще в довоенные годы славились большой спортивной культурой. Недаром перечень тех, кому первыми среди всех гимнастов страны было дано право прикрепить на груди серебристый квадратик с надписью «Мастер спорта СССР», открывают Николай Серый и питомец грузинской гимнастической школы Гуло Рцхиладзе.

Азартны в спорте грузины. Даже в таком, казалось бы, мирном виде спорта, как гимнастика, они выходят к снаряду, словно боксер на ринг. А закончатся со-

ревнования, схлынет волнение борьбы, и мы в кругу общительных, гостеприимных хозяев, которые влюблены в свой древний, много претерпевший город, в свой край, где теплые волны прибоя пакатываются на берег, а где-то вдали, за пальмовыми рощами и зреющими апельсинами, белеют высоко в небе вечные снега вершин Кавкасиони.

— Наш Гургел! Дедушка Гургел, учитель десяти тысяч гимнастов, — почтительно указывает нам гимнаст Николай Такайшвили на немолодого уже грузина с седыми усами и живыми, внимательными глазами, в плотно надвинутой темной круглой шапочке, напоминающей те, что носят старые профессора.

Это Георгий Семенович Егнаташвили. В перерывах между тренировками и соревнованиями грузинские друзья наперебой рассказывают нам о жизни своего старейшего гимнаста.

Могли бы мы подумать, встретив его где-нибудь в веселой толчее проспекта Руставели, что этот спокойный, неторопливый человек еще в 1907 году был одиннадцатым среди 1800 съехавшихся в Прагу гимнастов, а пять лет спустя руководил командой Тифлиса, занявшей в своем разряде первое место на международном турнире гимнастов.

В Тбилиси я решил выступить не только по обязательной, но и произвольной программе. Здесь воистину не давши слово — крепись, давши — держись. Суровы правила. Неукоснительно будут следить за их выполнением судьи. Ведь каждый из нас заранее подает план своего произвольного выступления, и судьи предварительно оценивают его. Как правило, оно должно быть сложнее обязательного и только до той поры, пока ты не вышел «на поле», можно что-то менять в своей заявке; судейский ареопаг оценивает не только качество, технику, но и, так сказать, выполнение плана.

Не больше двух лет минуло с той поры, как вернулся я в жизнь и в спорт, а теперь я полноправный член семьи советских спортсменов, студент-второкурсник, мастер спорта. И меня, как и каждого из съехавшихся в Тбилиси на розыгрыш первенства страны

гимнастов, волнуют все те новшества, которыми ознаменован наш спортивный год.

Мастерам в произвольной программе не дается теперь двух попыток, как прежде. Изволь с первого же подхода показать все, что у тебя есть. Каждый из гимнастов и тренеров понимает, что теперь можно включать в свою программу только то, что ты выполнишь без запинки.

Есть и другие новости. Прежние правила оценивали нулем любую остановку во время выступления, пусть дальше ты все проделал безупречно. Теперь судят по-иному: остановился, пропустил упражнение — замени его другим. На всем этом ты теряешь какую-то часть баллов. Это соответствует международным правилам.

Финал этого первенства выглядит особенно торжественно. Правительство нашей страны ввело золотые медали для победителей в спорте, и первым из всех гимнастов принимает эмблему победы москвич Владимир Беляков.

Впервые в пятерке (всего участвовало четыреста человек!) под номером пять значится моя фамилия. Кто знает, быть может, когда-нибудь ее первой назовет главный судья, а главный секретарь подаст мне выложенный бархатом футляр с покоящейся в нем золотой медалью.

...Вернешься из ближних или дальних поездок домой и, выходя на львовские улицы, как бы заново видишь, сколько перемен в городе произошло за то время, что я живу здесь... И эта толпа студентов, сквозь которую пробираюсь к кабинету ректора. Не то что в те дни, когда весь наш вуз состоял из двух курсов с сотней слушателей. И оживленные улицы. Так приятно пройти под каштанами к моей новой квартире, где ждет меня Клавоочка Зайцева, с нынешнего года ставшая моей спутницей в жизни. И уставленный всеми снарядами зал с натянутыми на блоках в потолке длинными веревками — лонжами, напоминающими амуницию верхолаза. Эта веревка с поясом охраняет гимнаста, когда он пускается в рискованный полет или серии акробатических прыжков.

Быстро пролетает зима, мягкая, солнечная, с усыпанными снегом елями загородных лесов. Зима, когда мне приходится брать на учет каждый час. То близится зачет по химии и мне напоминают, что надо преуспевать не только в гимнастике. То меня приглашают армейские спортсмены, и нужно не только показать себя в упражнениях на снарядах, но и ответить на все вопросы, а их сыплется немало. То Петр Тимофеевич поручает мне помогать нескольким гимнастам-первокурсникам, и я сижу с ними и продумываю планы их индивидуальных тренировок. Дел по горло, и чем их больше, тем интереснее и жить и трудиться.

И вот весна. Зачеты, экзамены, испытания в зале, на беговой дорожке, перед покрытым алым сукном столом остались позади! Можно с чистым сердцем садиться в московский поезд. Первенство страны разыгрывается отныне два раза в год: обычно в один из весенних месяцев по снарядам, а осенью — на звание абсолютного чемпиона страны и командное. В мае этого, 1948 года мы встречаемся в Москве для розыгрыша звания абсолютного чемпиона страны.

По итогам первого дня иду вторым вслед за Леонидом Тимошеком. Второй день начинается с опорных прыжков. Короткий, ускоряющийся разбег, толчок о мостик, шлепок о кожу коня — и я приседаю на мат! Кажется, не упустил ничего. Вот судьи открывают картонные ширмочки, в которых они проставляют свои оценки. «9,3». Не плохо! Мою комбинацию в вольных упражнениях завершает серия акробатических прыжков — «9,15».

«Упрямый конь» и здесь оказывается для многих камнем преткновения. В обязательных упражнениях Беляков, захваченный стремительным вращением, переходя в новую позицию — из продольного упора в упор поперек, — не попадает рукой на коня. «Остановка», — отмечают судьи. Эта промашка обходится гимнасту в два балла. Дорогая цена! Еще больше потери у Серого. Он не сделал заявленных им двух кругов поперек коня и должен довольствоваться «семеркой».

После Серого мой подход. Глядя, как выступили

два сильнейших гимнаста, невольно подумываю: «А ты? Неужели не споткнешься там, где не смогли пройти они? Удастся ли обуздать тебе коня, который сбросил двух таких опытных наездников?»

Наскакиваю на коня. Круг, переход с ручек на тело снаряда, круги поперек с поворотом на 180 и 360°. За ними круги двумя ногами с поворотами и опорой то на ручки, то на тело коня. Кажется, прыскал! Так и есть — «9,7»!

Мишаков успеваешь шепнуть мне:

— Идешь первым. Уже обошел Тимошека. Нажимай.

Это хорошо. Ведь на перекладине я никогда не получаю меньше 9,7—9,8 балла. Поскрипывает под натертыми магниезией ладонями металл, вздрагивает стальная ось. Чувствую, что тело как бы слилось в едином движении с подчиняющимся каждому его порыву снарядом. Комбинация подходит к концу. Остается перехватить крест-накрест руки и после большого оборота вокруг турника перелететь, используя набранную инерцию, через снаряд с разведенными широким циркулем ногами.

В первом ряду прямо передо мной сидят рядышком моя жена Клава Зайцева и Александр Мишаков. Они внимательно следят за мной. Одобрительно покачивают головами. За все упражнения я потерял не больше одной десятой и в тот момент, когда поворачиваюсь для соскока, слышу знакомый голос Мишакова: «Витяша! Мы дома». Дескать, подходишь к концу, все в порядке, слезай — приехали! Невольно бросаю мимолетный, буквально молниеносный взгляд туда, откуда окликнули, и этим разрушаю цельность, единство выполнения. Словно клин вбил этот возглас в мое выполнение, и я, зацепившись за турник, не пролетаю над ним, а с трудом перебираюсь, оттолкнувшись пяткой о металл.

Грубая ошибка! Об этом свидетельствует досадливое «ах» всего зала. «8,3». Теперь уже не догнать Тимошека.

Наибольшие шансы теперь у Михаила Касьяника, представителя ленинградских динамовцев. На кольцах

этот сильнейший, атлетического сложения спортсмен всегда уверенно набирает 9,7—9,8 балла. Достаточно ему получить сегодня хотя бы «9,65», и звание абсолютного чемпиона в его руках. Но Касьяника будто подменили: он как-то безразличен, выступает вяло. Редко кто держал в те годы у нас так уверенно и точно стойку на кольцах, как Касьяник. А тут, — то ли он уже считал себя чемпионом, выключился из борьбы, — небрежно подтягивается на кольцах, а руки так и ходят ходуном. Эта ошибка позволяет Тимошеку всего на одну десятую уйти вперед и с таким небольшим перевесом оказаться абсолютным чемпионом страны.

...Над огромным, вмещающим четверть миллиона зрителей, но оказавшимся на этот раз тесноватым стадионом Праги звучат знакомые всему миру позывные московского радио: «Широка страна моя родная». Тишина! Всеобщее внимание приковано к восточной трибуне. У ее подножия застыло плотно сомкнутое каре гимнастов: светлые костюмы подчеркивают загар лиц и обнаженных рук. Мы выступаем сегодня перед участниками традиционного, одиннадцатого по счету Всесокольского слета.

Имя смелой птицы еще в годы лоскутной, Австро-Венгерской империи стало символом единства чехов, лишенных своей государственности. Под сводами залов «Сокола», спортивного объединения чехов, последователи создателя сокольской системы Мирослава Тырша не только совершенствовали созданную им гимнастическую школу. Здесь сходились патриоты, мечтавшие о тех днях, когда снова возродится одно из старейших славянских государств Европы.

Этот день наступил, и нарядная Прага встречает нас как добрых друзей. Кто же из пражан не помнит, как, ринувшись через горы, советские танковые дивизии бронированной лавиной обрушились на тех, кто готовился превратить в руины и пепел Злату Прагу. как любовно зовут ее чехи и словаки.

Сокольские слеты — давний традиционный праздник всех гимнастов страны. За несколько лет до него

каждая ячейка гимнастов, будь то в Брно, или в Пльзене, или в затерявшемся в предгорьях моравском селе, получает расписанный до минутной точности распорядок слета и перечень выступлений. Их разучивают повсюду, чтобы в день слета на специально воздвигнутом для гимнастов пражском стадионе одновременно вышло на поле тридцать, а то и сорок тысяч спортсменов. Их согласные движения, взмахи тысяче-рукой массы или гневно поднятый над головами кулак еще в годы господства Габсбургов напоминали чехам: нас много, восстанем, и свобода увенчает нашу борьбу!

В нашей делегации пятьсот гимнастов Советской страны. Немало! Но ведь раскинувшееся перед нами поле может принять чуть ли не сотню тысяч человек. Это равно всему населению столиц Непала или Панама. Не затеряется ли в этих просторах наша колонна, которая привезла привет трудолюбивому и мужественному народу?

Опасения напрасны.

Отзвучала мелодия гимна, славящего наше свободное Отечество. Вспыхнул под солнцем алый стяг на высокой мачте. И сразу же овация прокатывается по трибунам, вдоль которых мчат мотоциклы горьковского завода со стоящими на них у развевающихся от стремительного движения флагов юношами и девушками в национальных костюмах.

Пока зрители наблюдают за этим красочным зрелищем, на поле устанавливают снаряды. Зрители, не только юнцы — «соколята», но и седоусые ветераны с надетыми набекрень традиционными круглыми шапочками, с удивлением вглядываются в незнакомые им сооружения. На роликах движутся серебристого цвета платформы. Видимо, из металлических труб... Что это?

За месяц до нашего отъезда из Москвы в экспериментальную лабораторию спортивного инвентаря пришли делегаты гимнастов. Их встретил худощавый, подвижной инженер, и те, кто видели его впервые, обратили внимание на руки: первых фаланг пальцев не было, но это не мешало инженеру быстро набрасывать по ходу беседы эскизы, действовать циркулем и рейсфедером.

— Абалаков, — назвал он себя.

— Мы обращаемся к вам, Виталий Михайлович, от лица наших гимнастов, — сказали гости, с уважением покосившись на ампутированные пальцы альпиниста, потерявшего их на склонах «Повелителя неба» — Хан-Тенгри. — Сегодня были у руководства Всесоюзного комитета. Рекомендовали вас. Большая просьба: помочь создать нам снаряды для выступления в Праге.

— Ваше задание?

— Попытаться сочетать в одной конструкции все снаряды.

— Какие именно?

— Коня с ручками. Разновысокие и обыкновенные брусья. Перекладину.

— Неплохо придумали. Что еще?

— Сооружение не должно быть громоздким. Надо быстро сменять снаряд за снарядом. Конструкция должна быть легкой, изящной на вид.

— Кто будет помогать мне из специалистов?

— Николай Павлович Серый. Когда сможете приступить к проекту?

— Сразу же после вашего ухода. Сегодня у нас суббота. Образец будет к понедельнику.

И человек со значком заслуженного мастера спорта, дипломом конструктора по машинам и биографией сильнейшего из альпинистов нашей страны показал неделю спустя модель первенца из той семьи снарядов, которые поразили даже искушенных в гимнастике чехов.

Перед фасадом старинного, созданного зодчим М. Ф. Казаковым дворца елизаветинского вельможи, где помещается наш ведущий институт физической культуры, стояла покрытая серым чехлом рама.

Абалаков вынимает секундомер. Раз! Два гимнаста берутся за края и выдергивают из рамы корпус коня. Два! Звякнули защелки. Три! Поворотом рычага натянуты стальные тросы.

— Теперь на эти трубы, пока еще они на земле, ложатся гимнастки и вместе с брусьями поднимаются на место убранного коня, — пояснил Абалаков. — При-

мерно такой же принцип для смены уже великим, как
диной.

И вот мы в Праге. Не успели еще скрбѣтховен,
виражем мотоциклы, как к возникшим на поле ьерт-
рядам приближаются, берутся за ручки и взлетают
в едином порыве несколько сотен гимнастов, выпол-
няющих упражнения, которые обычно показывают оди-
ночки.

Сто гимнастов в едином соскоке покидают коня,
чтобы их сменило пятьдесят спортсменов на брусьях,
которые высятся там, где только что были кони.

Отзвучал вальс Глазунова, и под мелодию финала
симфонии Чайковского на поле вступают двести пять-
десят гимнастов. Стадион отвечает восторженным гу-
лом, когда в воздух одновременно взвивается в стре-
мительном сальто все двести пятьдесят тел, затем они
перекатываются по полю быстрым «колесом». Обычно
массовое выступление строится на несложных, но точ-
но согласованных движениях. Наши постановщики не
побоялись ввести в выступление элементы высшей тех-
ники, и когда их синхронно выполняют все спортсме-
ны, чехи бурными овациями приветствуют нас.

Наше выступление венчает многоярусная, перели-
вающаяся всеми цветами радуги живая клумба: «цве-
ты» то раскрываются, то закрываются, сменяя на гла-
зах краски.

— Ничего подобного мы еще не видели, — говорят
нашим руководителям старейшие «соколы».

МАЙКА ЧЕМПИОНА

Подходит к концу 1948 год. Товарищи-москвичи позвали нас, участников тренировочного сбора, прокатиться за город. Темная, блестящая после осеннего дождичка лента асфальта то взбегаёт в гору, то стремительно ныряет в лощины к поблескивающим в траве речушкам.

«Клин» — гласит надпись на дорожном указателе. Мчим мимо низеньких галереек старых торговых рядов к окраине города, где в саду под горой стоит скромный двухэтажный дом. Невольно понизив голоса, осторожно ступая, словно боясь нарушить атмосферу уважения, которой проникается каждый входящий сюда, обходим залы дома.

Здесь жил и творил Чайковский.

С благоговением подходим к большому роялю, к клавишам которого прикасалась рука, давшая жизнь родившимся здесь симфониям и балетам. Кто из нас не знает наизусть каждый аккорд написанных в клинском доме марша из «Щелкунчика» или «Вальса цветов»? Меня же особенно заставляют задуматься прочитанные здесь слова Чайковского о трудолюбии, о том, что без повседневного, самого упорного труда нет ни искусства, ни мастерства.

«Я поставил себе задачей, — писал композитор, творчество которого рисовалось мне льющим само собой, словно светлый родник, — быть в своем деле тем, чем были в этом деле величайшие музыкальные

мастера, т. е. не то, чтобы быть столь же великим, как они, а быть так же, как они, сочинителем на манер сапожников, а не на манер бар... Моцарт, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман сочиняли свои бессмертные творения совершенно так, как сапожник шьет сапоги, т. е. изо дня в день и, по большей части, по заказу. В результате выходило нечто колоссальное».

Мне кажется, эти слова — завет для каждого, кто тянется к вершинам мастерства, искусства.

А как часто приходится наблюдать на тренировках... Вот уже «отвалилась», плотно приклеилась к скамейкам одна часть занимающихся. Другая, отшутившись: «шестым снарядом возьмем... душ», — исчезает из зала. Но ты продолжаешь работу. И вместе с тобой те из товарищей, которые помнят, что без труда не будет и плода. Трудновато, что и говорить, приходится. Кажется, даже сам стальной стержень снаряда нагревается, словно вынутый из термички, а мы продолжаем. Затянешь потуже кожаные накладки на ладонях, тщательнее протрешь перекладину и подходишь к снаряду. Снова и снова. Опять и опять. Слово школьник, твердо помнящий: «Повторение — мать учения».

...Минуло два года моего содружества с Петром Тимофеевичем Собенко, и новый, 1949 год как бы подвел первый итог нашим исканиям. С четвертых—седьмых мест перехожу на первые и вторые. Атакуя таких сильных спортсменов, как Николай Серый, Аджат Ибадулаев, Леонид Тимошек, Владимир Беляков, Владимир Лаврущенко, Михаил Касьяник, выигрываю на семи соревнованиях 1949 года шесть маек абсолютного чемпиона. Мне удастся установить своего рода рекорд (хотя их, казалось, не бывает в гимнастике), опережая на три, а то и на четыре балла своих ближайших соперников. На всех предыдущих первенствах этот перевес измерялся обычно десятками, если не сотнями долями балла.

...Я снова дома. Вечер. По тихой и узковатой, напоминающей о средневековом Львове Спартаквской,

шумной, ярко освещенной Академической (сейчас — проспект Шевченко) возвращаемся с моим тренером по домам после занятий в институте. Долго прощаемся на углу.

— Биографию Суворова помнишь? — неожиданно спрашивает мой учитель.

— Еще бы! Кто из нас мальчишками не читал ее! Хотя теперь, конечно, кое-что и подзабыл.

— Так я напомним: «Легко в ученьи — тяжело в походе, тяжело в ученьи — легко в походе». Вот так, по-суворовски, и будем готовиться. Тогда ни на одном, даже самом трудном соревновании не будет тебе тяжело. Ты знаешь, как прозвали тебя «сборники», гимнасты из сборной Союза?

— Охота вам это вспоминать, Петр Тимофеевич? Слышал, как они называли меня «машиной».

— Вот-вот! А почему? До сих пор еще кое-кто побаивается больших нагрузок. Хотят достичь большого, работая помаленьку. Один из них, не стоит называть фамилии, так и сказал мне: «Загонит себя в гроб твой Чукарин. Я был целых восемь лет чемпионом, а никогда постольку не тренировался. И не заставляйте. Что я, себе враг?» Вот о чем он говорил. А кстати, какое тебе задание государственный тренер наметил на 1949 год?

— Набрать по сумме многоборья сто пятнадцать баллов.

— Эта цифра и должна быть для тебя теперь боевым знаменем, — говорит Собенко. Любит он в такие минуты вернуть что-нибудь торжественное. — Настает время переходить в наступление по всему фронту. Какое соревнование будет первым?

— Первенство «Большевика».

— У меня к тебе предложение? Выступать без «голосования». (После первой попытки гимнаст может поднять руку и повторить ее: в этом случае его оценивали по второму подходу, пусть даже баллы были ниже. Первая попытка не принималась в расчет.) Одна попытка — и точка! Как на международных соревнованиях.

На этом и порешили!

Г. Рудько в вольных упражнениях с обручем.

Большая гимнастическая неделя начинается весной в Ленинграде: вслед за динамовским первенством здесь пройдет чемпионат гимнастов профсоюзов. Участники его уже знают сумму баллов, которую я набрал в соревнованиях гимнастов «Большевика» во Львове, — 117,0! Наше общество объединяет преподавателей и студентов всех физкультурных вузов, немало в его рядах сильных гимнастов, но ни одному из них не удалось набрать тогда больше 114 баллов.

— Чукарицу привет! — встречают меня ленинградцы. — Не терпится повидать тебя в деле.

— Да, да, Виктор, своими глазами охота убедиться, сколько весят твои «117».

Что мне сказать на это? Соревнования покажут! Ведь многие помнят, как я на первенстве ВЦСПС (давно ли? Всего лишь в 1946 году) даже нормы мастера не мог выполнить.

Последняя тренировка перед соревнованиями. К снарядам подходит гимнаст в свободном тренировочном костюме. Курчавые темные волосы, смуглое, несмотря на зиму, лицо, горящие, как уголь, беспокойные глаза. Это Николай Серый — чемпион профсоюзов, трехкратный абсолютный чемпион страны. Он делает несколько медленных, ленивых, на первый взгляд, потягиваний и, скинув фуфайку, берется за ручки коня. Обвитые канатами мышц руки, выпуклые плечи говорят о недюжинной силе спортсмена.

Несколько разминочных движений — и обе ноги Серого, словно туго связанные одна с другой, взлетают над телом коня, потом, убыстряя движение, расходятся в разные стороны и снова идут навстречу, перекрещиваясь над снарядом. Теперь гимнаст чертит круги обеими ногами, ни разу не замедлив темпа, в том идеальном равновесии, которого и требуют упражнения на коне. Один... пять... десять. Волосы растрепались, заблестели смоченные потом виски, пятна румянца заиграли на щеках. Но Серый неутомим и, только выполнив намеченную программу, соскакивает со снаряда. Мастер самого высокого класса!

Завтра мне предстоит скрестить с ним оружие. Я много знаю о силе и универсальной технике Серого.

Не он ли в тот год, когда я еще бегал в школу и кое-как залезал на свой самодельный турник, выступил в Антверпене? Это был первый выезд гимнастов моей страны за границу, и именно Серому довелось «прорубить окно в Европу»: он стал чемпионом Международной олимпиады рабочих спортсменов, обогнав на тринадцать баллов ближайшего зарубежного соперника. В 1945 году Серый выступает в Югославии, и наблюдавшие за ним знатоки называют его одним из сильнейших гимнастов мира.

...Соревнования начались. Серый выходит на ковер. Вольные упражнения начинаются двумя темповыми сальто, когда тело спортсмена, будто подкинутое стальной пружиной, взлетает в воздух и перевортывается вокруг невидимой оси. Композиция гимнаста называется «Советский спорт».

Утро. Распахивается окно. Спортсмен встречает ворвавшиеся в комнату солнечные лучи мягкими широкими движениями, предисловием утренней зарядки. Все быстрее их ритм. Напряженнее упражнения. Вот гимнаст легко выжимается в стойку. Прodelывает круговые махи на полу вокруг невидимого коня. Быстрыми и выразительными штрихами рисует представителей различных видов спорта. Отбивает мяч футболист. Метатель с диском на согнутой руке. Пловец, застывший на стартовой тумбочке. И завершающая эту длившуюся 150 секунд спортивную новеллу концовка: высокое сальто над ковром!

Трудно тягаться с таким спортсменом. Но я решительно вступаю в борьбу.

Как же прошло наше единоборство? Не могу не привести несколько строк из отчета ленинградской газеты, который начинался словами: «Особенно запоминающимся было выступление абсолютного чемпиона ВЦСПС заслуженного мастера спорта Н. Серого («Медик»)). Но дальше тот же автор без тени юмора сообщал, что «на четырех снарядах — перекладине, коне, кольцах и брусьях — выявилось преимущество мастера спорта В. Чукарина («Большевик»)... Чукарин набрал 116,15 балла и вышел на первое место».

Павел Сливка рассказал мне, как наблюдавшие за ходом борьбы мастера-динамовцы задали Серому коварный вопрос:

— Что же ты не смог выиграть у этого Чукарина?

— Скоро первенство Союза, — не растерялся Серый. — Попробуйте-ка выиграть сами.

Конвейер соревнований движется... Вслед за чемпионатом профсоюзов нам предстоит встретиться на главном чемпионате года — первенстве страны. И та «проба», о которой говорил динамовцам Серый, была в мою пользу. Никогда не получал я такой высокой оценки на брусьях в сумме обязательных и произвольных упражнений, как теперь, — «19,9»! Если бы эти цифры обрели дар речи, они рассказали бы, что недавно проводили мы с Собенко долгие часы в зале.

Глядя на меня, насторожились и те, кто, видимо, не склонен был считать сколько-нибудь серьезным соперником гимнаста из Львова. Это заметно по поведению Михаила Касьяника. Старший судейской бригады по упражнениям на коне с ручками второй раз обращается к гимнасту:

— Касьяник, выполняйте!

— Дайте же досмотреть.

Касьяник целиком поглощен тем, что происходит на кольцах, где я заканчиваю свое выступление, и пока не узнал мою оценку, не пошел к коню.

Касьяника, уже ставшего чемпионом страны по кольцам, постигла неудача в вольных упражнениях. Мне же удалось не только стать чемпионом в упражнениях на брусьях, но и занять еще четыре призовых места. По сумме очков — «116,55» — у меня фактически первое место. И хотя на этом соревновании присуждаются только звания чемпиона по отдельным снарядам, титул абсолютного победителя не разыгрывается, каждый ведет подсчеты и суммирует баллы. А цифры свидетельствуют, что по сумме я впереди. Когда главный судья огласил результаты, все могли убедиться, что наши львовские «117» весят ничуть не меньше всесоюзных.

Явно не повезло на соревновании Белякову. На всех снарядах выступал он на редкость уверенно. Но

во время упражнений на перекладине, когда в середине упражнения он должен был отпустить одну руку, чтобы сделать перемах в вис сзади, лицо гимнаста исказила болезненная гримаса, и он поспешно соскочил со снаряда. Разрыв двуглавой мышцы плеча. Серьезная травма. Беляков прекращает соревнование. На второе место выходит Серый.

В тройке ведущих появляется новое имя: Грант Шагинян из Еревана.

Я познакомился с этим спортсменом год назад. Уже тогда было видно, что Грант вышел на всесоюзную арену хорошо подготовленным. Но взлеты перемежались у него со срывами. Вот он подошел к коню, и молодой еще гимнаст со скрупулезной точностью прочертил своей невысокой, но ладной фигурой весь сложный узор махов. А потом вдруг сорвался на скачке с брусьев. Не потому ли, что он много уделяет внимания шлифовке сложных элементов в ущерб всей композиции?

В конце года, в декабре, нам снова предстоит встретиться на первенстве страны. Как я уже говорил, в отличие от других видов спорта мы, гимнасты, разыгрываем его дважды.

...Тихо подремывает на нижней полке старичок во фланелевой пижаме. Осторожно выжимаюсь на второй этаж купе. Вынимаю «Физиологию движений» и «Химию», с которой надеялся расстаться, покинув Мариуполь и металлургию, но не тут-то было: она поджидала меня и во Львове.

Помню, как кто-то из чемпионов подсчитывал при мне, сколько же времени в году проводит он в дороге. Две, а то и три недели на круг получалось. То на соревнования едешь, то на сбор или парад. А в институте тем временем занятия идут своим ходом, и тот, кто преуспевает в спорте, рискует оказаться позади в науках.

Подумал я над этим и постепенно приспособился работать в поездках. Постукивают колеса. За окнами украинские поля сменяются брянскими березами и подмосковными соснами, и с каждой сотней километров прибавляется прочитанная сотня страниц.

Вернешься из поездки — и не так-то трудно в учебную форму войти. А нелегко учиться чемпиону. Напряжение тренировок. Нервная лихорадка соревнований. Возбуждение побед. Поддавшись всему этому, можно незаметно, день за днем все дальше откладывать тетради, конспекты, учебники. Все реже заглядывать в аудитории. «Где мне думать о зачете по анатомии или физиологии, если я и без этого первый!» Немало встречали мы талантливых ребят, которым спортивный успех кружил голову, и они либо становились «вечными студентами», либо бросали учение, не задумываясь над тем, что звание чемпиона никогда не заменит знаний.

Звание абсолютного чемпиона страны разыгрывается на этот раз неподалеку от дома. Несколько часов езды — и я в Киеве, где за каждым моим движением будет наблюдать много хорошо знающих меня людей: тут и преподаватели киевского института, и его выпускники, и мои друзья.

Соревнования начались. Людно в раздевалках Дворца физкультуры и возле снарядов, пока не прозвучит голос: «До конца разминки остается одна минута», — и команды не выстроятся для подхода к очередному снаряду. После этого уже каждое твое движение на снаряде и при отходе от него под неослабным контролем судей. Занимаю место в строю украинской делегации.

В шеренге москвичей рядом с Серым, Тимошеком и уже оправившимся после травмы Беляковым высокий плечистый юноша с румянцем, пятнами вспыхивающем на лице.

Этот юноша — один из сильнейших молодых гимнастов динамовского коллектива Евгений Корольков.

Мне выступать в числе последних. Значит, выйду к снаряду, зная оценки других. Смогу лучше ориентироваться в обстановке. Но зато, пока дождешься очереди, набранное в разминке тепло уже уйдет и ты подойдешь к снаряду с остывшими мышцами. Но и это сегодня для меня не помеха! Будь я певцом, сказал бы, что на этот раз я «в голосе»: не об этом ли говорят две «десятки», полученные за брусья и вольные

упражнения? Особенно радует последняя оценка. Для того чтобы приохотить меня к вольным упражнениям, сколько пришлось потратить тренерам и труда и красноречия!

С каким аппетитом брался я за брусья или за перекладину, а к вольным относился с прохладцей. И Петр Тимофеевич заставлял больше всего повторять их.

— Как это не может дойти до твоего сознания, Виктор, — говорил он мне года полтора назад, — что культура гимнаста в первую очередь проявляется в вольных упражнениях? Неужели же ты не чувствуешь, что хорошая композиция может звучать как музыка, она может быть задумчивой элегией или боевым маршем? А тебе ощущения музыки не хватает. Надо нам с тобой в балет почаще ходить. Вот и сейчас, ну, что ты делаешь! Принимаешь гордую позу, а вид у тебя самый унылый. Работай так, чтобы даже судьи поменьше думали о своей арифметике, о баллах, а любовались бы гимнастом.

И теперь вместе с Беляковым, — а он безупречно выполнял вольные, — я получил «десятку». Это значило, что судьи не могли обнаружить у нас ни одной ошибочки.

— Твоего подшефного и не узнать: какой скачок в вольных, — обращается к Собенко высокий темноволосяй спортсмен, наблюдая за моими акробатическими прыжками, которые завершает высокое сальто и после него «мертвая», без единого движения остановка.

Это признание дорого мне. Оно исходит от одного из сильнейших гимнастов Украины Александра Семеновича Мишакова, ныне одного из тренеров сборной Союза.

Того, кто смотрит сейчас соревнования советских гимнастов, поражает темп, динамичность, стремительность вольных упражнений. Но еще несколько лет назад не только гимнастки, но даже лучшие из мастеров-мужчин чурались акробатики, снисходительно отмахивались от этого, как они выражались, «циркачества».

Несколько простеньких кувырков на коврике да стойка на руках. Вот и весь небогатый ассортимент старшего поколения гимнастов. Не очень уважали акробатику и мои предшественники, от которых я унаследовал звание абсолютного чемпиона. Теперь Тамара Манина или Лариса Дирий демонстрируют куда более сложные акробатические сочетания, чем в предвоенные годы наша мужская команда. Сальто казалось тогда чудом, и, даже закончив его на четвереньках, спортсмен мог получить отличные баллы.

В 1949 году акробатика получила, наконец, все права гражданства. Вошли в обиход те каскады стремительно сменяющихся прыжков — переворотов, сальто, курбетов, флик-фляков, которые сразу наполнили движением наши композиции.

Незадолго до этого я познакомился на соревнованиях с тренером по акробатике Владимиром Ивановичем Леоновым из спортивного общества «Крылья Советов». Увидел он, как пробую я сальто крутить да никак не могу, еле успеваю выкручиваться, чтобы не на голову, а хотя бы на четвереньки приземлиться, и посоветовал:

— Не делайте это с места. У вас же хороший высокий прыжок. Используйте его. Видите, куда вы взлетаете — почти на высоту своего роста. Не бойтесь инерции прыжка. И еще не забывайте о страховке. Больше пользуйтесь лонжей, а когда сальто пойдет у вас безотказно, тогда и снимите ее.

С той поры не было у меня тренировки, в которую не включал бы я акробатику. Идем на стадион заниматься легкой атлетикой, выйду на футбольное поле и сделаю несколько прыжков. Бывало, что на голову и на затылок падал, пока не научился выкручиваться из любого положения, выводить самого себя из штопора.

Первый день соревнований, завершающих 1949 год, закончился: три первых места по обязательной программе занимаем я, Ибадулаев, Беляков.

Во второй день соревнований выступают по произвольной программе лишь 48 сильнейших, тех участников всех команд, кто набрал больше баллов. Самая

низкая из моих оценок — «9,4», остальные — «9,6», «9,7», «9,9».

Конечно, каждый из нас, вступая в бой, верит в победу, но даже в лихорадке борьбы, в бесплодной атмосфере больших соревнований, отлично понимая, что иду первым (ведь вместе с тренером ведешь учет каждому баллу), я не сразу могу представить себя обгоняющим тех, у кого учился и буду учиться впредь спортивному мастерству и гимнастической культуре. Первый! Сильнейший среди сильных. Об этом не всегда решишься и мечтать, а тут мечта стала явью: председатель Всесоюзной гимнастической секции торжественно вручает мне золотую медаль.

В конце года читаю на страницах «Правды» рапорты сталеваров, рудоскопов, хлеборобов, машинистов: «Мы давно уже оторвали последний листок календаря и работаем в новом, еще не наступившем году». И мне хочется включиться в голоса тех, кто впереди. Государственное задание — набрать 115 баллов — выполнено, трижды получил я «116». И теперь никто уже не сможет усомниться в тех баллах, которыми оценили в начале года мою работу на Украине.

Спасибо тебе, мой учитель! Низкий поклон тебе, моя страна, поднявшая и поставившая на ноги того, кто, вернувшись домой и призвав на помощь всю свою силу, с трудом дважды выжался на брусках. Теперь один из спортивных обозревателей называет мою комбинацию на этом снаряде «неповторимой»: в нее входят три сальто: над, под снарядом и со снаряда.

— Сделал три сальто, теперь надо пять, — такими словами встретил меня во Львове Собенко, который не уважает тех спортсменов, которые из года в год показывают пусть сложную, отлично отшлифованную, но одну и ту же комбинацию. — Время думать, Виктор, о том, что можем сделать нового и на остальных снарядах, скажем на перекладине. Другие ведь тоже не стоят на месте. Хочешь удержать медаль абсолютно — уходи вперед, найди такие упражнения, комбинации, которых не делает еще ни один гимнаст. Вот тогда оправдаешь прозвище, которым наградили тебя в этом году, — «истребитель»!

Так назвал меня Ибадулаев, поздравляя от имени «истребленных» мною чемпионов.

И мы намечаем новую концовку для соскока с перекладины. Здесь мне придется забежать вперед и рассказать о вопросе, который во время матча гимнастов «СССР — Финляндия», состоявшегося в Москве в 1950 году, глядя на мой соскок с перекладины, задал государственному тренеру один из гостей. Среди них, кстати сказать, был и олимпийский чемпион по этому снаряду Хухтанен:

— Не будет ли любезен господин Попов сообщить нам, сколько лет разучивал Чукарин свой великолепный соскок?

Попов разрешил себе встречный вопрос. Он спросил о финне, показавшем на соскоке двойное сальто назад:

— А ваш гимнаст?

— Десять лет.

— Ну, а Чукарин еще не занимается гимнастикой десяти лет. Новый соскок он освоил за год с небольшим.

Вежливо отмолчавшиеся финны были явно не склонны принять на веру эту цифру.

Между тем это было именно так. Те, кто заходил годом раньше в зал старой львовской сокольни, могли видеть, как я, отпустив перекладину, взмываю высокою дугой, но верхнюю точку параболы пролетаю сидя.

— Сиди, сиди в воздухе, приучайся к полету, а мысленно крути здесь сальто. Все время думай о нем, — внушает мне Собенко. — Именно в такой ведь позиции и начинают входить в мертвую петлю, в сальто.

Так длится до тех пор, пока я уже не начинаю нетерпеливо поглядывать на тренера, когда же он скажет: «Моженъ итти на сальто!» Но Петр Тимофеевич самым провокационным манером отмалчивается, выжидает, пока внутреннее ощущение уверенно выполненного сальто не созреет у меня самого, овладеет мною, проникнет во все клеточки мозга. Оба молчим. Оба ждем. Кто кого перемолчит. Первый не выдерживаю я:

— Не попробуем ли завтра сальто?

— Добре! Завтра и скажешь об этом.

Назавтра мною овладевают сомнения. Снова молчу. Проходит день, другой, и я решительно беру лонжу и подаю ее скрывающему довольную улыбку Петру Тимофеевичу:

— Созрел... Будем крутить сальто!

— Очень хорошо!

Теперь остается дожидаться дня, когда можно будет отпустить лонжу. Сначала Собенко выжидал, пока я созрею. Теперь он выжидает, когда я прозрею, ибо, выполняя новый головокружительный соскок, сначала делаешь его вслепую и вопрос: «Опять не видишь ничего вокруг?» и ответ: «Опять» — по нескольку месяцев не сходят со страниц дневника, пока однажды, вспотевший, растрепанный, уставший и вместе с тем радостно возбужденный, не подхожу после соскока к Собенко:

— Свет в глазах появился. Начал видеть.

До этого я не ощущал самого себя в пространстве. Не различал, где я и где земля. Не владел в полной мере своим телом.

Преодолена еще одна ступенька, но работа продолжается. Мы чертим на полу небольшой квадрат, и, совсем, как в детской игре «в классы», я должен точно попасть в него после полета с перекладины. Так приходит точность соскоков.

Подготавливая серию следующих один за другим сальто на брусьях, мы расчленяем их на более простые элементы, почти так же, как сделал бы токарь или слесарь, показывая сложную операцию ученику. Сколько времени длится быстрое сальто на брусьях, когда из стойки на кистях я после петли в воздухе снова прихожу в эту же стойку? Доли секунды. Но нужны были месяцы, чтобы расчленить, препарировать это движение. Мы подбирали схожие с ним элементы, имеющие самостоятельное значение, но более доступные. Каждый из них должен был войти потом в льющуюся подряд единую композицию. Так мы разучивали сальто в упор, а в вольных упражнениях — переворот назад в стойку с перекатом на грудь. Я называю здесь движения, над которыми работали мы с 1949 по

1952 год. Четыре года! Не так уж мало: за это время воздвигают теперь не один большой жилой дом.

Не только мышцы, но и психика спортсмена — предмет тренировки. «Уйди в себя!» — коротко бросает Собенко, когда замечает, что мне нужно уединение, в то время как мы разучиваем, осваиваем, приобретаем новое и хочется продумать, пережить его в деталях. Прочувствовать. Без внешних помех. Но когда новое, сложное закрепляется, тогда не обойтись без товарищей. Нужно их присутствие. Собенко поручает им судить мое выполнение. Заставляет меня самого оценивать в баллах свой подход к снаряду, а выросшие в этом же зале молодые наши мастера Василий Паршин или Борис Ткачев будут арбитрами в моем судействе.

А там вдруг появляется афишка: «Такого-то числа в таком-то зале проводится открытая тренировка Чукарина». Особенно любит назначать такие дни Собенко, когда замечает, что я утомлен или мне приелось однообразие наших занятий. На людях, когда к нам приходят гимнасты многих обществ и секций, невольно подтягиваешься и с новым аппетитом берешься за свою будничную работу.

Еще раз хочу напомнить, что чем выше здание, которое хотят построить, тем прочнее должен быть его фундамент. Такой «фундамент» спортсмена — его разносторонняя физическая подготовка. И я с первого дня вступления в институт никогда не забывал об этом. Как-то в коридоре института остановил Петра Тимофеевича плотный, плечистый, немолодой уже преподаватель Сергей Парфентьевич Спиридонов, завкафедрой борьбы нашего института, в прошлом многократный чемпион республики по борьбе.

— Отдал бы ты мне своего Чукарина, — сказал он шутя, — мне такие хлопцы дюже нужны, ведь он уже сейчас в силу второго разряда борется.

В зале тяжелой атлетики пригodiлось то, что с детских лет приходилось ворочать мешки, носить уголь: выполнил по штанге норму второго разряда. С первым же снегопадом много ходил на лыжах по окрестностям Львова. Каждый из этих видов спорта был отдыхом

после гимнастики и воспитывал силу и выносливость, скорость и смелость, которые нужны не только на ринге или на лыжне, но и на перекладине и кольцах.

Путь к спортивному мастерству меньше всего похож на прогулку по асфальтированному шоссе. Он подобен походу альпиниста к заветной вершине, а когда идешь по новому, никем еще не хоженному маршруту, не встретишь ни дорог, ни пастушьих троп, и только высота, к которой стремишься, будет твоим ориентиром! Сознание цели, упорство, поддержка и товарищей по команде и старших товарищей помогут впервые ступившему на этот путь. И вот наступает день, когда остались позади крутые скалы и разверзшиеся трещины. Ты отираешь пот со лба. Вершина! Великое ликование охватывает всего тебя, все существо, заставляя забыть усталость и трудности. Но с достигнутой тобой высоты открываются новые не взятые тобой вершины. Они зовут к новым маршрутам, к новым восхождениям.

Нет конца этому пути. Нет предела возможностям совершенствования.

Подойдите к брускам, встаньте между жердями и быстро переведите глаза с одной жерди на другую. «Что за ерунда! — усмехнетесь вы. — Что же здесь сложного?» Не спешите сказать так. Не один уже год носил я звание мастера, а в одном вот упражнении, достаточно сложном, но уже включенном в мой арсенал, никак не мог сделать этого: успеть перевести глаза с одной жерди на другую. Делал упражнение вслепую. Глаза не поспевали за руками.

«Махом вперед оберучный поворот на брусках». Так называется это упражнение. Сколько раз представлял я себе, возвращаясь усталый домой, как сила рывка выносит меня вперед и я мгновенно перевожу рычаги управления своим телом, чтобы, повернувшись в полете на 180°, снова опуститься руками на жерди. Мы достигли того момента, когда мне повиновались руки, ноги, все тело. Только глаза никак не могли приспособиться, и мы все ждали и ждали, когда же настроятся на новый лад какие-то клеточки мозга, управляющие зрением. День за днем, капля за каплей на-

ступало прозрение. И вот уже я вижу окружающее и все увереннее управляю своим полетом.

Хотите теперь знать, что такое чувство пространства у гимнаста? Вытащите из основания брусьев жерди и уберите их. Теперь займите положение упора на оставшихся чугунных стойках площадью с пятак. Тренированный гимнаст повторит вам на этих пятачках все то упражнение, о котором я рассказывал.

Кто из любителей гимнастики не знает большого оборота, по прежней (кстати сказать, более выразительной) терминологии «солнца», когда тело гимнаста вращается вокруг снаряда? Несколько лет назад мне удалось сделать большой оборот в необычном положении: руки заведены за спину, обхватывая металлический стержень снаряда снизу — «большой оборот в вися сзади хватом снизу». «О! — сказали увидевшие это упражнение иностранные чемпионы. — Ваш монополярный номер, Чукарин!» А когда я полностью овладел этой комбинацией, мы добавили к ней выкрут (переворот кругом) и следующие за ним новые обороты в обратном хвате.

Не хочет ли кто-нибудь взять секундомер, пусть его, а когда я выполню этот элемент, засечь время? Секундная стрелка пробежала не дальше пятнадцатого деления. Пятнадцать секунд! Много ли? Сущая мелочь! А мне с Собенко и другими товарищами понадобилось почти четыре года на то, чтобы решиться выступить перед зрителями в течение этой четверти минуты. Не меньше двух с половиной тысяч раз повторил я этот оборот, пока рискнул показать его публике. Да и теперь в недельных тренировках выполняю его пятнадцать-двадцать раз.

Чем дальше, тем труднее, тем выше требования программ соревнований. И если ты не хочешь лишь копировать их, должен идти вперед, обгоняя их. Планы гимнаста и его тренера должны составляться на пять-шесть лет вперед, ибо тот, кто достиг конечной точки большого пути, но потом остановился, уподобится верстовому столбу. Жизнь будет бежать мимо него, и придет день, когда он окажется позади всех.

Мне довелось встретиться на Олимпийских играх

Смелый и точный соскок с бревна показала С. Муратова.

1952 года с западногерманским спортсменом Шварцманом. Превосходный гимнаст! Кто из нас не любовался его традиционным великолепным соскоком с перекладины! Заканчивая большой оборот вперед, Шварцман, падая, сгибается и после рывка, отпустив руки, выпрямляется.словно выпущенная из лука стрела, тело гимнаста высоко взлетает над снарядом, застывает на мгновение и пролетает над стальной осью в точном, словно вымеренном по угольнику положении: раздвинув прямые ноги. Отработанное до мельчайших деталей движение!

Мы называли этот соскок «традиционным». Ведь Шварцман скоро сможет отметить двадцатилетний юбилей с того дня, когда он, молодой, девятнадцатилетний гимнаст, показал на берлинской олимпиаде тот же соскок в дуге и ту же разножку.

Можем ли мы довольствоваться такой, идеально отработанной, но не прогрессирующей техникой? Не уподобится ли тогда гимнаст тому узкому, ограниченному специалисту, которого бессмертный Козьма Прутков сравнивал с флюсом, «ибо полнота его односторонняя»? Можно ли сводить все разнообразие красок, все «ловкосилие» (этим словом Владимир Иванович Даль предлагал заменить термин «гимнастика») к однообразному показу одного и того же элемента? И не будет ли тогда сам мастер походить на ту белку, которая, казалось бы, находится в вечном движении, но на деле вертится на одном месте в своем колесе? Кстати сказать, если на XV олимпиаде этим движением владел один только Шварцман, то на первенстве мира в Риме в 1954 году его показала вся наша команда.

Мы за то, чтобы все время идти вперед. Мы за творческую, наполненную дерзанием, движимую исканиями новую гимнастику, за то, чтобы спортсменами руководило стремление к совершенствованию, непрерывному, упорному, не знающему предела.

Вот почему так много задумываемся мы над тем новым, что сегодня рождается во львовском зале, а завтра или послезавтра будет принадлежать гимнастам, живущим у подножия Арарата, тем, кто работает на туманных берегах Невы, и полтавчанам, и курянам, и свердловчанам. Мы думаем над тем, как усилить произвольные комбинации на перекладине. Быть может, удастся в вольных упражнениях после сальто опуститься не на ноги, а на руки, выйти в стойку на руках? А с перекладины в махе дугой с поднятыми под прямым углом ногами перейти в новый вис на снаряде?

Тренировка закончена! Гимнаст встает, как всегда, на весы, тренер вынимает свои записи: сегодня я потерял за время занятий 850 граммов. Нормально! Бывает и до полутора килограммов терял, но ведь то, что приобрел я сегодня, не измерить на весах. Эта прибавка будет определяться не граммами, а баллами, и весомость ее подтвердят судьи и места, занятые на соревнованиях.

Больше всего — по 200—300 граммов — теряешь

при выполнении вольных упражнений. Граммы, скинутые во время тренировок и соревнований, обычно восстанавливаются через сутки.

Давно ли подходил я к затянутому алым сукном судейскому столу и навстречу мне поднялся председатель Всесоюзной гимнастической секции. Он протянул мне на ладони футляр с большой золотой медалью чемпиона, победившего других чемпионов.

Теперь мы, представители разных видов спортивного оружия, собираемся в актовом зале львовского института перед тем финишем, где проверяются знания и навыки, полученные нами за пять лет работы в аудиториях, залах и лабораториях института. Сегодня госэкзамен, и если на соревнованиях моей целью была заветная «десятка», то здесь «пятерка».

Мою работу «Оборудование спортивного зала» комиссия оценивает как отличную, и я могу рядом с дипломами чемпионов положить диплом об окончании Львовского Государственного института физической культуры.

И вот диплом о высшем образовании у меня в руках. Меня обступают товарищи. Широко улыбаясь, обнимает Собенко, отводит в сторону, кивает на документ с размашистой подписью председателя государственной комиссии и гербовой печатью:

— Это потруднее для тебя, чем звание чемпиона. Ведь учебный багаж был у тебя невелик. Сколько времени на колесах провел! А вернешься из поездки, преподаватели мне говорят: «Не был ваш Чукарин месяц в институте, а все знает, что мы прошли».

Мне предлагают остаться преподавателем на кафедре гимнастики, готовиться к защите диссертации. Плохо ли? Конечно, с радостью принимаю предложение!

В этом, 1950 году я снова чемпион своего общества и профсоюзов. На весеннем первенстве страны, в марте, выигрываю звание чемпиона по брусьям и коню с ручками и, кроме двух золотых, получаю две серебряные медали.

Тогда же, пять лет назад, встал вопрос о поездке наших гимнастов на розыгрыш первенства мира в швейцарский город Базель. На мартовском первенстве страны нам пришлось соревноваться по очень усложненной программе. На всякий случай ее сделали даже более трудной, чем базельскую.

Не знаю, по каким соображениям, но в программу первенства мира по гимнастике входил тогда обязательный зачет по... легкой атлетике. Надо было пробежать не больше чем за 12 секунд стометровку, прыгнуть на 3 метра с шестом, взять высоту 160 сантиметров. Видимо, мыслилось, что этим натолкнут нас на необходимость разносторонней подготовки. На деле... Впрочем, об этом читатель узнает сам.

Сильнейшие гимнасты собрались на отборочные соревнования в Харькове. Здесь должен определиться состав команды для поездки в Базель. Я выхожу по гимнастическому многоборью на первое место («115,4»). На следующий день снова приходим на стадион, куда уже, предвкушая неплохое зрелище, собрались харьковские легкоатлеты. И надо признаться, что мы превзошли все их ожидания.

И в технике и в институте никогда не замыкался я в гимнастике. Чем разностороннее твоя спортивная культура, тем больше преуспеваешь и в любом виде спорта. Но думал ли я выступать на легкоатлетических соревнованиях? Нет! Признаюсь, это каждого из нас застало врасплох.

Выхожу на старт с Николаем Серым. Выстрел! Конечно, мы замешкались над стартовыми ямками и, энергично работая руками, изо всех сил устремляемся вперед. Бежим, кажется, вовсю, но так до самой финишной ленточки идем рядышком, и только на последнем метре Серый оказался на грудь впереди: секундомеры показали одинаковое время — 12,8 секунды.

О прыжках с шестом сами легкоатлеты говорят, что это лишь на 50 процентов легкая атлетика, а дальше после разбега начинается цирк, акробатика. Казалось бы, кому преуспевать в этом виде, как не гимнастам. Ведь и в тренировку шестовика непременно входит гимнастика. Попробуй-ка без нее, держась за зыбкий

шест, выжаться в стойку на руках, а потом ровно перенести тело через планку.

В зале львовского института я не раз упражнялся в таких прыжках. Подтягиваешься на канате и имитируешь переход через планку. Это элементарное упражнение — вис согнувшись — знакомо каждому из нас. Выбросить до вертикали ноги и поймать тот миг, когда надо отжаться от точки хвата в стойку. А дальше следует быстрое движение, напоминающее акробатический кувырок, этим поднимаешь тело еще выше.

Но как известно, гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Так и тут. Решил попробовать еще во Львове. Разбегаюсь. Взлетаю и ребром зацепляюсь за металлическую планку. Она спружинила — и бац мне по лицу (не лезь не в свое дело!). Иду по коридору в самом неприглядном виде: губа порвана, вспухла, на носу здоровая дуля. Сразу, по крайней мере, видно: подготовка к первенству мира началась! Впрочем, в Харькове узнаю, что на тренировке планка пробила Олегу Бормоткину губу и пребольно трахнула по носу.

На соревнованиях мне удастся довольно благополучно прыгнуть с шестом на 3 метра. Хуже получилось с «гладкими» прыжками. Чистенько беру 140, пропускаю 145, но на 150 сбиваю планку, а ведь на тренировках брал и 155!

«Гвоздем» соревнований оказалось выступление Шагиняна. Планка для прыжков с шестом установлена на высоте 260. Судья уже подхватил падающий шест, но сам прыгун, вместо того чтобы взлететь над планкой и оказаться на другой стороне, неожиданно для всех камнем падает прямо на судью. Грант успеваает, подобно кошке, извернуться, чтобы не свалиться на голову, но — о ужас! — шипами своих легкоатлетических туфель пронзает насквозь белые туфли судьи.

Мы подбегаем к побелевшему, покрывшемуся потом Шагиняну. Что делать? Осторожно высвобождаем судью. Редкое везение. Шипы прошли между пальцами и только чуть-чуть поцарапали их. Облегченно вздыхаем. Грант уходит, перемежая извинения с хулами по адресу тех, кто заставил гимнастов заниматься не своим делом.

Каждый из нас после соревнований по бегу и прыжкам почувствовал, что это только мешает нашим занятиям гимнастикой. Хорошо, конечно, для общего физического развития бегать кроссы в наполненном ароматом хвой лесу. Неплохо вырабатывать прыгучесть, скорость, но только в тех дозах, которые не мешают гимнастике, а тут, когда после бега мы выходим к снарядам, ноги кажутся мне тяжелыми колодами.

К этому году относится еще одна большая перемена в моей жизни. Не в том она была, что вручили мне еще один документ, который бережно храню у сердца. Этот документ лишь закреплял, оформлял ту перемену, которая созревала годами и была подсказана всем ходом моей жизни.

— Ты, Чукарин, коммунист, с тебя теперь спрос вдвойне, — все чаще слышу я от своего тренера.

А Клава моя даже посмеивается:

— В 1950 году в нашей семье прибавление: сначала дочка родилась, после нее новый коммунист появился.

Сама она уже давно была членом партии.

И мой тренер, и товарищи по кафедре, и те, с кем кончал я наш институт, и жена были членами великой партии коммунистов. Да и сам я разве отделял когда-нибудь себя от партии? Свой личный путь от общего? Никогда! Во всем — и в большом и в малом — стремился идти в ногу с коммунистами. И если бывало и споткнешься, то глянешь на тех, кто рядом в строю, и спешишь выровнять шаг.

На факультетское собрание пришло много народу.

— Жизнь моя определилась не сразу, — честно сказал я товарищам. Обвел их глазами — вижу, что слушают внимательно. Вот наклонился вперед Петр Тимофеевич. За столиком — Николай Петрович Шумковский. Лицо строгое. Каждое мое слово оценивает. — Думал по металлургии пойти, да не удержался, потянуло к спорту. Физкультурный техникум кончил, а поработать не успел. Война! Пошел в действующую и, больно говорить, не довелось повоевать. В плен попал.

Без утайки поведал я товарищам всю свою жизнь. Да и они знали, что мой путь к мастерству не вымо-

щен гладкими плитами. И срываться доводилось мне иной раз на крутом подъеме, а все ж таки не пошел окольными тропами, шел одним путем, который партия нам указала.

Взяли после меня слово коммунисты. И Сергей Трущелев сказал. И студент Петр Герасимчук. И другие. Напомнили, что коллектив вывел меня на прямую дорогу.

— Но то, что дали тебе, Виктор, не твоя собственность, а народная, — строго сказал Трущелев. — Не будешь делиться тем, что накопил, не поможешь другим вровень с тобой подняться, окажешься один. Я так считаю, товарищи, что достоин Чукарин быть в наших рядах. Вижу по нему, что всю свою жизнь царень за сегодняшний вечер пережил, не на всяком соревновании небось так волновался, как сейчас.

Так стал я кандидатом, а год спустя и членом партии. И куда бы ни забросила меня судьба спортсмена, везде, всегда боролся за спортивную честь Родины.

В том же году впервые довелось мне встретиться с зарубежными гимнастами.

Веселое оживление царит возле колоннады Центрального театра Советской Армии. Сегодня здесь начинается матч команд Советского Союза и Венгрии. Оглядываю гостей, выстроившихся вдоль глубокой, украшенной флагами сцены. Гимнасты Венгрии за последние годы хорошо показали себя на международной спортивной арене: на олимпиаде 1948 года их женская команда была второй, проиграв чешкам всего лишь 4,85 балла, мужчины заняли третье место. Еще успешнее закончились для венгерских гимнастов встречи 1949 года, когда их мужская команда добилась победы над сильными гимнастами Финляндии и Чехословакии, а венгерки первенствовали в матчах с поляками и румынками.

Медленно раздвигается театральный занавес. От имени наших гостей руководитель делегации Мольнар говорит о тех чувствах, которые, несомненно, разделяет каждый из их команды. Приглашение венгерских гимнастов в Советский Союз — праздник для всего их народа, свидетельство нашей дружбы.

Соревнования начались.

Слева — конь, справа — разновысокие брусья, в центре покачиваются на стойках кольца. По условиям матчевой встречи команды могут выбирать последовательность снарядов. Венгерки идут к брусьям. В их шеренге Агнеш Келети — стройная, сильная, смелая гимнастка. В обязательных упражнениях она получает «9,9», в произвольных привлекает общее внимание ее смелый соскок через две жерди. При выполнении вольных упражнений мягкость и пластичность сочетаются у нашей гостьи с трудными акробатическими элементами, она опять близка к «десятке»: «9,75» и «9,9». В упражнениях на бревне Келети блеснула смелыми быстрыми поворотами и высокими прыжками. Обращает на себя внимание ее уверенность. Все то, что гимнастка имеет в своем арсенале, она демонстрирует четко, безотказно. Вот чему надо поучиться. Иной раз на тренировке наши гимнасты показывают самые сложные упражнения, а на соревнованиях срываются.

Мы не только соревнуемся с нашими гостями, но и учимся у них, а они у нас. В зале, где мы занимаемся, пока еще нет соревнований, то и дело приходится по просьбе Лайоша Шанто или Ференца Патаки показывать новые упражнения. В особенности заинтересовал их разученный мною элемент, где я проделываю сложный оборот спиной к перекладине — «оборот в висе сзади». У нас он почему-то называется «итальянским оборотом».

— Что ты, Виктор, — замечает один из гостей, — мы встречались с итальянцами, бывали в Италии, но не видали там ни одного гимнаста, который делал бы такой оборот. Это ваш русский приоритет.

Небезинтересно отметить, что два года спустя в Хельсинки сказал мне по этому же поводу бывший чемпион мира Шварцман: «Битте, Чукарин! Покажите мне еще раз свой русский оборот».

В прыжках через коня высотой в 180 сантиметров хорошо показал себя Лайош Шанто, но впереди был наш молодой спортсмен Валентин Муратов, еще недавно выступавший в юношеских командах: венгр — «9,5», Муратов — «9,8». И общую победу и все три

первых места выиграли спортсмены СССР: первое — Чукарин, второе — Беляков, третье — Муратов.

Первый же месяц 1951 года принес мне два звания абсолютного чемпиона (своего спортобщества и профсоюзов), а весной, быстро уложив чемоданчик (он, как и его хозяин, теперь всегда готов тронуться в путь), спешу на поезд — и в Москву. В СССР с ответным визитом приезжают шведские гимнасты. Наша команда побывала у них в 1950 году, мне не довелось принять участия в этой поездке. Победителями вышли Владимир Беляков и Мария Гороховская. Теперь нам опять предстоит помериться силами с этой командой, одной из сильнейших в мире. Особенно трудная борьба предстоит нашим гимнасткам: ведь в 1950 году шведки стали чемпионками мира.

Уже на тренировке, глядя на высоких, стройных гимнастов, наблюдая за их акробатическими прыжками, — а у шведов они следуют один за другим, гимнасты делают их в быстром темпе целыми сериями, — вижу, что это достойные соперники. Впрочем, чем сильнее противник, тем больше сил, умения вкладываешь и ты в спортивную борьбу, тем желаннее становится победа.

Наряду с чешскими соколами и немецкими турнерами шведы были создателями одной из старейших гимнастических школ. Основатели ее считали, что, кроме чисто гимнастических занятий, одним из необходимых элементов воспитания должен быть ручной труд.

«Отец» этой системы Пер-Генрик Линг (1776—1839), известный поэт и шведский академик, назвал ее «рациональной», направленной на гармоническое развитие человека.

По мнению шведов, упражнения на кольцах требуют лишь грубой силы, а махи на коне лишают гимнаста красивой, стройной осанки, сутулят. Не поэтому ли долгие годы шведы не принимали участия в Олимпийских играх и в розыгрышах первенства мира? И у нас, в Москве, по просьбе гостей мужчины будут соревноваться по четырем снарядам: кольца и махи на коне исключаются.

Впрочем, жизнь уже вносит свои коррективы в то, что завещал своим последователям Линг, непримиримо относившийся к акробатике. Наши гости щедро насыщают свои комбинации каскадами отлично исполненных прыжков, сальто, «шпагатов». Стройный молодой гимнаст Торресон радуется глаз мягкостью движений, гибкостью. Смелость акробата сочетается у него с той щепетильной точностью выполнения, которая отличает гимнаста.

— Гляди-ка, Виктор, — обращает мое внимание Шагинян.

Я и сам вижу, что нам есть чему поучиться у Торресона или Линда. Вот один из них, разминаясь, с блеском выполняет две серии смелых акробатических прыжков, где вслед за сальто следует быстрый переворот с пируэтом и новым сальто, в котором прогнуто все тело. Один из гостей выполняет стойку на одной руке, другой делает с места сильное заднее сальто и после него сразу же замирает в идеальной «ласточке», третий после «подъема разгибом» делает «шпагат», который у нас считался женской монополией.

Бросается в глаза, что в упражнениях гостей гораздо меньше, чем у нас, неподвижных статических положений, того «холостого» хода, которым еще грешим мы с тех времен, когда в погоне за тематикой (сюжетом!) композиций иные спортсмены превращали их чуть ли не в пантомимы.

Хороши шведы и на перекладине, где светловолосый Линд блеснул двойным сальто на соскоке. Такое же сальто назад показывает и один из его товарищей по команде. Одобрительно встречают шведы мои полтора сальто вперед. Впрочем, сальто в нашей команде одним из первых показал представитель молодых — Валентин Муратов. Он давно уже разучивал его с помощью лонжи с таким усложняющим добавлением, как полный поворот вокруг своей оси на 360°. Этого мы не видали даже у шведов.

Матч «Швеция — СССР» выиграли советские гимнасты.

Прав был Собенко, говоривший, что легче всего выступать новичку: ему нечего терять. Когда же ты

завоевал звание чемпиона, с каждым новым соревнованием все труднее его отстаивать. Я испытал это на очередном чемпионате страны в Харькове, где был недалек от поражения. В первый день мой друг по сборной команде страны Грант Шагинян набирает 58,6 балла, я отстаю от него на одну десятую балла. Больше всего проиграл ему в прыжках через коня (одну десятую).

Можно, конечно, утешать себя тем, что снаряд поднят выше головы рослого человека (180 сантиметров) и надо, оттолкнувшись от пружинного мостика, пролететь «ласточкой» в идеальном прогибе. И это не все! Гимнаст должен толчком о дальнюю треть снаряда перейти в разножку и сделать ее с поворотом кругом. Но эти же трудности преодолел и Шагинян, который по росту уступает многим из нас.

Как и положено по правилам всех наших соревнований, в первый день проходит вся обязательная программа. Второй день отдан произвольным упражнениям. И этот второй день решит, куда будет увезена золотая медаль абсолютного чемпиона: во Львов или в Ереван, снова на Украину или впервые в Армению. Конечно, мне выступать на украинской земле, где у меня много болельщиков, легче, чем Гранту. Но присущая ему изящная, элегантная манера выполнения завоевывает всеобщие симпатии.

Перекладина! Мы, говоря языком легкой атлетики, финишируем грудь в грудь. Оба набрали по 9,75 балла. У обоих минимальные потери, и каждый из собравшихся в зале и болеющих за кого-то из нас, — а в спортивном соревновании не может быть равнодушных, безразличных зрителей, — с нетерпением ждет объявления результата. Борьба обостряется. Каждый захвачен ею, и кто-то впервые увидевший Шагиняна с удивлением говорит, глядя на идущего в строй гимнаста: «А ростом он не очень-то вышел!» В том-то и сила мастерства Гранта, что не только на кольцах или на коне, даже на ковре во время вольных упражнений он так захватывает своим исполнением зрителей, что никто и не замечает его небольшого роста.

Судья вызывает нас к очередному снаряду. Мои любимые параллельные брусья. Первый подход Гранта обходится ему дорого, ошибка стоит ему двух потерянных баллов. Что-то покажет второй подход? Молодцом! Грант ни на одну секунду не теряет самообладания и с восьми баллов поднимается до девяти с пятью десятыми.

На брусьях моя оценка редко опускается ниже «9,6». Так обстоит и теперь: «9,9»! Быстрый подсчет... Иду впереди. После двух снарядов лидирую. Но можно ли справлять победу, вложить в ножны меч, если перед тобой такой соперник, как Шагинян!

И он еще раз подтверждает мои опасения. Смуглые, со вздувающимися мышцами сильные руки гимнаста вздымают его тело над дубовыми кругами. Сейчас мы соревнуемся на кольцах, и я думаю, что можно не глядеть на гимнаста, достаточно понаблюдать за тросами, на которых подвешены клееные деревянные круги, чтобы составить себе представление о его технике. У одного каждый переход, смена позиций сопровождается раскачкой, когда тросы долго ходят из стороны в сторону. Не то у Шагиняна: лишь временами легкая зыбь шевельнет тонкие нити, и они снова замирают вертикально, когда гимнаст фиксирует идеальный, хоть выверяй по линейке, «крест» или выходит в стойку на руках.

Вот и оценка: Шагинян — «9,8», Чукарин — «9,6». Снова он сделал рывок, и теперь мы идем вровень, как два бегуна, каждый из которых стремится оторваться от соперника.

Что-то покажут прыжки?.. Мысленно отсчитав шаги и прикинув точку толчка, разбегаюсь, не различая ничего, кроме серых досок вздрагивающего мостика, темной, тускло отсвечивающей кожи снаряда и дальней белой полосы, до которой надо дотянуть свой полет. Разбег. Догоняющий мое сознание удар пружинящих досок трамплина. Короткое ощущение полета — и вот уже я приземляюсь на сложенные маты. Кажется, удачно!.. Так и есть, потерял только две десятых, оценка — «9,8».

Теперь очередь Гранта. Вот его темная кудрявая

голова и побледневшее лицо с упрямо сжатыми губами и угольками темных глаз мелькнули на фоне обступивших дорожку зрителей, и тело гимнаста с распростертыми, словно крылья, руками пролетает над снарядом. Сколько? Как оценят? Так и хочется поторопить судей, но вместе с тем и боязно: ведь что же говорить, прыжок отличный, я бы сам оценил его высоким баллом. «9,8»! Вираз перед финишной прямой прошли рядом, и только последняя стометровка покажет, кто из нас впереди.

Осталось два вида соревнований: вольные упражнения и махи на коне. На коне вряд ли смогу «вырвать» у Гранта хотя бы несколько десятых, этот снаряд и в самом деле его «конек». Больше шансов у меня в вольных упражнениях, и когда выхожу на ковер и начинаю упражнения, должен сделать усилие, чтобы заставить себя не думать о Шагиняне, о баллах, сконцентрировать все внимание на себе самом.

«9,7»! После первого подхода немного, даже не на балл, на одну лишь десятую, выдвигаюсь вперед. Но нельзя думать сейчас о баллах, о Гранте. Только о последовательности упражнений. О том, где собрать в комок свое тело, чтобы, скрутив в воздухе сальто, вовремя остановить вращение. О всем том, быть может напоминающем доску управления, где кнопки и рубильники включают и выключают скорости, а стрелки приборов предупреждают того, кто управляет механизмом. Здесь ты лишен этого. Но невидимые, неосознаваемые приборы помогают тебе. Воспитанные годами тренировок нервные импульсы предупреждают гимнаста. И, сделав последний прыжок, последнее сальто, последнюю стойку, я, подавляя естественное нетерпение, устремляю глаза в сторону людей в белых костюмах с выделяющей их традиционной алой повязкой вокруг руки.

«9,95»!

Как Шагинян?.. Те же «9,6», что и на первом подходе. Просвет между нами вырастает с одной до трех с лишним десятых. Удастся ли Гранту отыграть их? Многое зависит от того, как проскочу я коня. По жребию выступать первым.

Вот и долгожданный бесстрастный голос старшего судьи: «Чукарин — девять и восемь десятых». Несколько напряженных секунд я занят подсчетом. И вот словно солнце возникло для меня на просветлевшем небе.

Каждому, кто в этом зале с карандашом в руках ведет свою бухгалтерию, помечая в графах программы счет потерь и убытков, теперь ясно, что будь выполнение Шагиняна идеальным и удостоится редкой оценки — «десятки», даже тогда он не сможет догнать меня. Чтобы победить, ему нужно было бы получить на две десятые больше, чем десять. Таких оценок шкала гимнастического судейства не знает, ибо десять баллов — это наш потолок, предел!

...Давно уже подумывали мы, не пора ли выходить на широкую спортивную дорогу. И в конце 1951 года узнаем: спортивная делегация Советского Союза впервые будет участвовать в Олимпийских играх. По олимпийским правилам решили судить и личное первенство, которое должно было разыгрываться в Тбилиси в конце 1951 года.

Правила строгие. Только одна попытка дается на упражнения произвольной программы. Осечек быть не может! Каждая пуля в цель! Только тогда можно попасть в число призеров. Более снисходительно оценивается обязательная часть. Если ты недоволен собственным выступлением, можешь повторить его. Но и здесь твои возможности ограничены. Гимнаст может отказаться от оценки лишь до того, как судьи огласили ее. Кроме того, судьи в этом случае будут оценивать только твой второй подход. И если даже первая попытка была удачнее, ее не примут во внимание.

Трудно привыкать к новым правилам. В Тбилиси около двадцати гимнастов один за другим терпят поражение на коне, столкнувшись с олимпийскими законами. Лишь Михаил Касьяник, Грант Шагинян да молодой, богатырского сложения уралец Иван Востриков удачно минуют те препятствия, которые оказались на этот раз непреодолимыми для многих, в том числе и для меня. Начал махи и... неожиданно сел на середине упражнения.

Неудача постигла меня и в прыжках. Здесь со мной произошло то же, что потом так мешало нашим метателям молота на многих международных соревнованиях. Раскрутятся, наберут инерцию, а в момент, когда чугунный шар уходит в полет, увлекаемый вращением спортсмен выходит из круга. Заступил! Бросок не засчитывается. Так получилось и у меня на коне. Те, кто бывал на соревнованиях гимнастов, видели, что тело коня размечено белыми линиями: первая из них ставится в сорока сантиметрах от начала прыжка, следующие — через каждые пятнадцать сантиметров. Будете на соревнованиях, обратите внимание на эти опоясывающие снаряд границы и стоящие возле них цифры, обозначающие баллы. Заступил, точнее говоря, вышел за линию в ближнюю сторону — и тебя уже будут оценивать из 8,5 балла. Как бы ни был хорош прыжок, ты уже потерял полтора балла. Может быть еще хуже, когда гимнаст оттолкнется на ближней половине: тут ему обеспечена «баранка», нулевая оценка.

Мне уже вывели было 9,8 балла, когда кто-то не из судей, а из участников обратил внимание на следы мела. Они оказались ближе линии, и моя отметка сразу же снизилась до 8,3 балла.

Только на брусьях мои оценки были самыми высокими среди всех участников.

Победителем в этих соревнованиях сильнейших гимнастов стал Грант Шагинян.

...Хорош в зимние дни наш Львов. Мягко шуршат шины троллейбусов по заснеженной брусчатке. Из притормозившего на углу трамвая со смехом выпорхнула стайка девушек с портфельчиками и чемоданчиками. Спешат на лекции, на занятия: стал наш Львов городом вузов, и в одном только нашем институте физкультуры в пять раз выросло число студентов. Перед тренировкой иду прогуляться по живописному Стрыйскому парку, на аллеях и холмах которого собраны растения чуть ли не со всех частей света. А теперь пора и в зал!

Начинаю с пробежки вдоль зала. Остановившись неподалеку от форточки, вентилирую легкие и чувствую, как привычное желание двигаться охватывает каждую мышцу. В дневнике, который ведет тренер,

помечено: «11 января 1952 года. Зарядка длилась 7 минут 48 секунд. Упражнений — 28. Движений — 167».

В обычной последовательности перехожу от снаряда к снаряду. Вместе со мной занимается сегодня один из участников сборной команды страны, Дмитрий Леонкин.

Последний снаряд кольца. Сегодня я почему-то устал и не сразу встаю со скамейки — тянет посидеть, отдохнуть. Но у меня перед глазами стоит тот листок календаря, на котором помечено: «1952. Июль, 19». День открытия XV Олимпийских игр, куда я, как и любой из наших спортсменов, мечтаю попасть. И вместо того, чтобы потихоньку, одна за другой проработать те группы мышц, на которые ложится основная нагрузка, я принимаю вызов Леонкина:

— А ну, кто дольше «крест» будет держать?

— Идет!

Опускаюсь в «крест». Одна, две... пять... семь секунд — и тут в тишине молчащего зала отчетливо слышу звук, словно разрывают штуку холста: т-р-р... Это у меня!

— Быстро под кран, — кричит Собенко, который побледнел больше, чем пострадавший.

Целых полчаса держу руку под холодной струей.

— Ну как?

— Вроде не болит. Отпустило.

— Тогда до дому, отдыхать.

Но к вечеру тянущая боль не оставляет меня ни на минуту. Больно натянуть пиджак, не могу посадить на колени дочурку. И докучливая, неотвязная мысль: «А как же олимпиада?»

Заключение травматолога:

— Надрыв сухожилия двуглавой мышцы. В том месте, где она прикрепляется головкой к кости. Связки у вас, Чукарин, эластичные, исключительно сильные. Представляю себе, какое усилие понадобилось, чтобы нарушить их целостность.

Но я, спасибо врачам, ненадолго выбыл из строя. Через неделю мягкой осторожной лечебной гимнастикой начинаю ремонтировать аварийный участок, а к

началу февраля 1952 года потихоньку, этак «шепотком», пробую заниматься на снарядах. Время идет. Все меньше дней и недель отделяет нас от старта. И я во Львове, и в своем чувашском селе Ардальон Игнатьев, и в проветренном морскими бризами Таллине Иоганнес Коткас, и в залитом солнцем Тбилиси Отар Коркия считают месяцы, оставшиеся до того дня, когда спортсмены многих стран встретятся под знаменами XV Олимпийских игр.

Тоскливо в этот большой день оказаться в стороне!

Но дело идет на лад. Сегодня я мягко, постепенно усиливая нажим, разрабатываю раненую мышцу. Завтра пробую упражнения посильнее, а там наступает день, когда можно рискнуть подтянуться и даже поднажать на эту руку. Зажила. Укрепилась. Снова в силах вынести любую нагрузку.

Так на самом себе ощущаю я значение той родственной ветви любимого мною вида спорта, которая зовется «лечебной гимнастикой». Недаром же в дни войны в каждом госпитале рядом с хирургами и сестрами можно было видеть спортсмена в белом халате, методиста по лечебной физкультуре, который завершал окончательный ремонт тех, кого вернули к жизни, к труду врачи.

Вот выходит на арену курчавый крепыш, взлетает над его головой стальная ось с тускло поблескивающими дисками. Знают ли наблюдающие за атлетом зрители, что новый мировой рекорд установил Юрий Дуганов, вернувшийся покалеченным с войны. А один из сильнейших пловцов мира — Леонид Мешков, метатель Александр Канаки, наконец мой товарищ по команде Грант Шагинян? Каждому из них помогла вернуться в строй спортсменов гимнастика, и когда незадолго до олимпиады на товарищеских соревнованиях в Будапеште я получаю оценку 117,6 балла, вижу, что «ремонт» завершен и можно плечом к плечу с товарищами выходить на олимпийскую арену.

„ПОД ЗОЛОТЫМ ДОЖДЕМ“

Мы в Хельсинки. Глядя на символ Олимпийских игр, — а мы видим его не только в петлицах участников, на бесчисленных флагах и плакатах, но и на марках, сувенирах, нижнем белье и в заголовках меню, — вспоминаем, что эти пять тесно сплетающихся колец говорят о спортивном содружестве, о равенстве людей пяти частей света. Синее кольцо — это Европа, черное напоминает об Африке, желтое — Азия, красное — Америка, а зеленое — далекая Австралия. Спорт, говорит символ, сближает и сплачивает всех вас воедино, люди разных стран и рас!

Пройдет несколько дней, и в столицу Финляндии вбежит быстроногий атлет. Пламя факела будет озарять его путь. Этот огонь по традиции зажжен собранными выпуклой линзой лучами солнца, как зажигали его некогда эллины. Горящий факел пронесли от горы Олимп к северу Европы, в Хельсинки, на стадионе которого вспыхнет светильник очередных, пятнадцатых по счету Олимпийских игр.

Говорят, что в далеких от нас веках берет начало традиция этих соревнований, что еще легендарный мифический герой Геракл тягался в быстроте бега со своими братьями и был увенчан почетным венком из веток дикой маслины. От его четырех братьев и берет начало обычай проводить каждые четыре года эти игры, соревнования сильнейших из сильных.

Еще Гомер поведал нам о первых спортивных со-

стызаниях, которые были привилегией тех, кто стоял на вершине общественной лестницы. Это были сначала встречи людей одной местности, одной общины, но когда впоследствии они стали праздником всей Греции, сообщает олимпийский историограф Вилли Мейсль, это было единственным, что объединяло множество разнородных живших общин. Спортивная борьба напоминала эллинам, что все они дети одного народа.

Олимпиада! Ныне этим словом обозначают не только спортивные, но и любые соревнования, и никто не удивится, увидев афишу «Математической олимпиады» или «Олимпиады художественной самодеятельности». У греков олимпиадой именовались не соревнования, но только время, их отделяющее, — четырехлетие. Называют имя историка Тимей, который и ввел около 264 года до нашей эры летосчисление по олимпиадам. А 776 годом датировали первую олимпиаду.

В период второго полнолуния после летнего солнцестояния, в месяц аполлониус или партениос (наши август и сентябрь), и происходили эти соревнования.

Войны, междоусобицы, потрясавшие Элладу, заставили забыть об этой традиции. Но, как гласят хроники, оракул из Дельф дал мудрый совет царю Ифиту, мечтавшему установить мир на истерзанной земле. «Хочешь видеть, что граждане Спарты или Атики без боязни идут для встречи с эллинами, собери их помериться в стадиодромосе, беге на одну длину стадиона, либо в пятибории — панкратионе. Это заставит их забыть о кровавых усобицах, о счете мести, о Ифит! Они будут жить в согласии, ибо победу одержит не меч, но ловкость и быстрота».

Послушал Ифит и разослал во все края Коринфского перешейка герольдов. Пусть созывают свободных эллинов, доблестных и свободных мужей, без рабов и чужеземцев, и женщин, в долину реки Алфей, под сень священных рощ Олимпии.

Когда же это было?.. Одни называют 884 год до нашей эры, другие — 828-й. С той поры на одном из семнадцати избранных мест собирались каждые четыре года свободные греки для мирных состязаний в ловкости, силе, быстроте.

Папирус Оксиринкуса сохранил до наших дней распорядок одного из соревнований V века до нашей эры. В их программу, кроме названного нами стадиодромоса, входит также диаулос, бег на две длины стадиона, близкий к нашей четырехсотметровке, бег на длинные дистанции, кулачный бой, конные ристалища, бег в вооружении.

Глядя на дружески беседующих в Хельсинки ленинградского гребца Юрия Тюкалова и жителя далекого австралийского континента Вуда или обсуждающих тонкости техники тройного прыжка москвича Леонида Щербакова и темнокожего бразильца Да Силва, мы вспоминаем нерушимый закон Олимпийских игр древности...

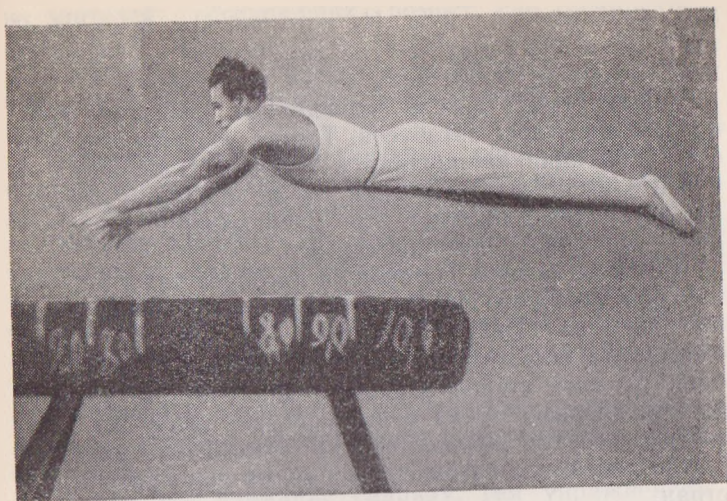
Еще Ифит провозгласил на тот срок, пока меряются силами атлеты, «Экихирию», период священного перемирия. «Вложи меч в ножны! Оставь дома щит и копьё! Они не нужны здесь. Воткни в землю и стрелы!» В дни Олимпийских игр, а они проводились почти тысячелетие, никто не смел посягнуть на священное перемирие. А нарушение его приравнивалось к богоотступничеству и каралось всеми полисами — городами-государствами.

Уже к VI веку Олимпийские игры стали одним из главных событий эллинского мира. В Олимпию ко дню их открытия собирались не только атлеты, но и философы, художники, государственные деятели.

Победителя (его награждали веткой, срезанной золотым ножом со священной маслины) почитал весь народ. Летописи сохранили нам ритуал игр, из которого мы узнаем, что гелландики (они были и судьями и руководителями) должны были пройти десяти-месячную тренировку.

Честная борьба, уважение к сопернику, чувство взаимной помощи — эти лучшие традиции спорта идут от первых Олимпийских игр, отделенных от нас тысячелетиями. Недаром же в тот день, когда завершались тренировки и проверочные испытания, гелландики держали слово к тем, кто выйдет на старт соревнований:

«Если вы достойным образом подготовились

Нелегко, сохраняя прогиб, в сильном прыжке перелететь через коня. На снимке: В. Чукарин.

к Олимпийским играм, если на вас не тяготее ни низкий поступок, ни нерадение — тогда отправляйтесь с веселым сердцем. Если же нет — то уходите!»

Более чем тысячу лет проводились эти игры, которые запретил в 394 году нашей эры император Феодосий.

Миновало более пятнадцати столетий, и в 1896 году в Афинах снова собрались спортсмены многих стран и наций, провозгласив своей целью «благородные и мирные состязания», которые должны способствовать «укреплению духа международного сотрудничества».

С тех пор Олимпийские игры проводятся каждые четыре года. В 1952 году Олимпийский комитет постановил проводить их в Хельсинки.

Владимир Беляков, Николай Серый и другие наши гимнасты не раз уже бывали в столице Финляндии. Но, глядя на залитые солнцем улицы, шумную разноязыкую толпу спортсменов с национальными эмблемами, они говорят, что сегодня не узнать обычно ти-

хий, малолюдный город. Из олимпийских бюллетеней мы узнаем, что семьдесят государств всех частей света прислали сюда около семи тысяч спортсменов.

Мощно гудят дизели украшенных красными вымпелами зисовских автобусов. Триста участников советской делегации направляются в приморский сосновый бор в олимпийскую деревню: так по традиции называют загородные поселки, где размещаются спортсмены — участники Олимпийских игр.

Вот и Отаниеми. Из окошка автобуса вижу деловитого, озабоченного чеха Затопека. На крылечке домика — широкая фигура метателя Чермака и группа оживленно обсуждающих что-то венгерских футболистов. Со всех сторон знакомые лица, шутки, улыбки. И хоть впервые мы на олимпиаде, нас сразу же охватывает веселая дружественная атмосфера, царящая в этом поселке, занятом спортсменами демократических стран.

Обосновавшись, отправляемся на тренировку. Веет напоминающий о родном Мариуполе соленый морской ветерок. Пахнет хвоей.

Так вот он, напоминающий не спортивный или театральный зал, а похожий на огромный эллипс выставочных павильонов, зал «Мессухалли I», под сводами которого свободно уместилось бы несколько зданий, размером с Московский цирк. Льющийся из больших окон свет озаряет снаряды, расставленные на высоко поднятом помосте. На трибунах, опоясывающих арену, лишь одиночные фигуры: соревнования XV Международных олимпийских игр откроются лишь через два дня, мы пришли сюда сегодня на последнюю тренировку.

Мы здесь не одни. На дальнем конце помоста вздрагивают кольца, взвиваются в воздух тела гимнастов. Это швейцарцы. Мы не знаем их, ни разу не приходилось нам встречаться в единоборстве с ними. А команда, должно быть, сильная, за ней почетный титул чемпиона мира по спортивной гимнастике, ее лидер Иозеф Штальдер, высокий сухощавый спортсмен, который чуть вразвалку подходит сейчас к снаряду, — один из сильнейших гимнастов мира. Кое-кто

из зрителей, обступивших помост, где тренируются швейцарцы, повертывается в нашу сторону, видимо, их удивляет тот подчеркнuto строгий порядок, который соблюдает наша команда, хотя это всего лишь тренировка.

Впрочем, таков наш обычай, одна из традиций советской школы гимнастики. И строгим строем команды — от самого рослого Жени Королькова и до замыкающего шеренгу Гранта Шагиняна, — и безупречным подходом к снаряду, и таким же чеканно точным уходом от него, и подогнанным, опрятным костюмом каждого из нас — всеми этими «мелочами» мы как бы выражаем свое уважение к тому виду спорта, который избрали.

— Начали, товарищи! — раздается ровный голос нашего тренера Константина Сергеевича Каракашьянца.

Теперь все внимание снаряду, тем упражнениям, которые, словно ступени лестницы, уходят ввысь по нарастающей сложности. По временам кто-нибудь, будь то старший среди нас Владимир Беляков или самый молодой Валентин Муратов, встает к снаряду, готовясь подстраховать товарища. Но, выполнив это, он тем же чеканным шагом возвращается в строй.

А число зрителей возрастает. Мы уже в кольце наблюдателей. Да и швейцарцы, бросив кольца, тоже переходят на нашу половину. То и дело слышны реплики на самых разных языках. Они сопровождают «генеральную репетицию», которая неволью для нас самих превратилась в своего рода предварительное соревнование двух спортивных школ.

Поглядываю изредка на товарищей, ведь на меня падает двойная, если не тройная ответственность. Я не только участник команды, но и ее капитан, и, кроме того, коммунисты избрали меня парторгом этого маленького, но дружного коллектива, представляющего здесь многомиллионную армию всех гимнастов моей страны. И в глазах каждого читаю одну объединяющую всех нас мысль: «Бороться. До победы!»

Мы проводим сегодня обычную для нас, можно сказать самую будничную тренировку, но по изумленным лицам зрителей, по долетающим отдельным репликам понимаем: нас признали!

Последовательно, словно уже наступил день соревнования, заняли места на трибунах зрители, подняли картонки с отметками судьи, без скидок и уступок, переходя со снаряда на снаряд, выполняем мы каждый номер олимпийской программы: шесть упражнений обязательной и шесть произвольной программы. Итого двенадцать! Немалая нагрузка.

На другой день в тенистом парке олимпийского городка Отаниеми листаем пачку газет, смотрим брошюры. Оживленно и, надо сказать, серьезно анализируют они шансы нашей команды. Отзывы благожелательны, дружелюбны.

«Россия — новая великая держава по гимнастике», — гласит заголовок брошюры, изданной в Западной Германии к олимпиаде. «Почти незаметным образом Россия превратилась в великую державу по гимнастике, — читаем мы. — Проникающие на Запад сведения говорили об удивительном мастерстве советских гимнастов, но первоначально эти сведения воспринимались скептически. Однако постепенно приходилось в этом убеждаться. Наряду со Швейцарией, Германией и Финляндией следует считаться в гимнастике с четвертой державой, а именно с Россией. И не только считаться, но, может быть, даже и опасаться... В Хельсинки станет ясно, окажет ли отрицательное влияние на их выступление отсутствие международного опыта».

Поживем — увидим!

Прошел всего лишь один день после нашей тренировки, и, развернув местную газету «Суомен Урхейлулехти», мы прочитали: «Лучшее впечатление произвела на публику команда Советского Союза, которая, несмотря на то, что начнет соревнования в субботу, провела тренировку в чрезвычайно высоком темпе».

Мы знаем автора статьи, заметили этого высокого, внимательно наблюдавшего за нами человека в очках. Это победитель олимпиады 1936 года Шварцман. Он

заканчивает свою статью прогнозом: «Звание чемпиона Олимпийских игр должен выиграть Чукарин».

Я знаю, что буду, как и подобает спортсмену советской выучки, изо всех сил бороться за победу. Бороться со всей страстью. Но разве мало шансов на золотую медаль олимпийского чемпиона у моего друга, представителя армянских гимнастов — Гранта Шагиняна! Сумел же он нынешней, «олимпийской» весной отобрать у меня звание абсолютного чемпиона страны! Кстати, тот же Шварцман подметил это и пишет, что в русской команде нет деления на «звезд» и рядовых спортсменов, не так-то велика здесь дистанция между участниками, и если возможная на всяком спортивном соревновании случайность выведет из строя Чукарина, у него есть «такой надежный адъютант, как Шагинян».

Впервые предстоит нам день спустя атаковать олимпийские высоты. Пусть какие-то не скрывающие своего враждебного отношения обозреватели вспоминают в эти дни выход спортсменов России на олимпийскую арену в Скандинавии, когда на олимпиаде 1912 года русские оказались на пятнадцатых-шестнадцатых местах (среди 28 национальных команд). Можно ли винить в этом русских спортсменов, которым царское правительство не оказывало никакой помощи?

Вечером просматриваю изданный на русском языке официальный справочник Олимпийских игр. Читаю описания музеев и галерей города. Очень хотелось бы найти время для осмотра Национального музея или острова Суерасаари, который называют «музеем под открытым небом», куда свезены избы, башни, храмы — образцы народного зодчества Финляндии.

Те из нас, кто видел полную жизненной силы и правды статую бегуна Пааво Нурми, полные лукавого юмора и очарования изделия резчиков по дереву, с удивлением разглядывают напечатанную в справочнике одну из реклам финского искусства. Представьте себе уродину с искривленными линиями тела, с пустым безглазым лицом и оторванной от тела головой. На ее сросшихся, сплетенных жгутом ногах лежит

виолончель, положенная наподобие гитары. Здесь, где все дышит здоровьем, культом чистоты и гармонии, дико видеть эти шедевры формалистского штукарства. Неужели хоть одному из съехавшихся сюда гимнастов может понравиться это фиглярство, которое нам рекомендуют как искусство народа, прославившего себя в спорте. А ведь сюда прибыли гимнасты тридцати государств, это в пять раз больше, чем на последнем первенстве мира по гимнастике.

— Время! — напоминает мне Николай Кириллович Попов. — Подъем в пять утра. Доброй ночи, товарищи, отбой!

Открытие игр назначено на полдень, но соревнования гимнастов начнутся задолго до этого, в восьмом часу утра.

Когда после первых упражнений прыжков через коня судьи молча подняли дощечки с цифрами, теми баллами, которыми они оценивают выступление, мы невольно переглянулись, и одна и та же мысль мелькнула у всех. Похоже, что здесь придется бороться за каждую сотую балла. Мельчайший, почти неуловимый промах любого из участников советской команды будет замечен.

— Смотри, смотри, Виктор, — шепчет Шагинян, одними глазами показывая на судей.

Мы знаем, конечно, как неумолим кодекс олимпийских соревнований гимнастов! На каждое упражнение дается лишь одна попытка. Не удалось — пеняй на себя. Для вольных упражнений нельзя пользоваться ковром, их выполняют без музыки. Все это нам известно. К этому мы готовы.

Но то, что мы увидели, неприятно удивило... Спору нет, японцы уверенно начинали прыжок, эффектным, крутым наскоком взмывая над снарядом. Но дальше их техники не хватало! Ни один из прыгунов японской команды не выходит из полета в том безупречном прогибе, который отличает советских гимнастов. Это видят тысячи зрителей. Это же видят все! Кроме тех, кто попросту не хочет видеть и преграждает нам путь к честно завоеванной победе.

Я видел, как один за другим, идеально правильно пролетали над конем мои товарищи, чтобы неподвижно застыть на ковре. Но некоторые судьи, нимало не смущаясь, дают лучшие оценки двум гимнастам японской команды. Прыжки советских гимнастов оцениваются ниже девяти баллов и только мне судьи выводят «9,45». Пять лучших результатов наших гимнастов не дали нам даже сорока семи баллов (46,35). Мы оказываемся отнесенными на шестое-седьмое места.

Удивленный обозреватель финской газеты «Вапаасана» отмечает: «Судьи работали не так, как было бы желательно, их национальность можно было установить с точностью до 75 процентов по их оценкам».

Каждый из нас знает, что правила гимнастических соревнований сотнями препятствий преграждают путь к званию чемпиона. Шкала ошибок учитывает любую твою оплошность в выполнении. Иногда достаточно на какой-то миг выпустить из рук контроль над самим собой, чтобы эта оплошность стала непоправимой. Быть может, в этом одна из главных трудностей гимнастического многоборья. Гимнаста можно одновременно уподобить и бегуну на сверхдальние дистанции и, пусть не покажется это удивительным, спринтеру, ибо два долгих дня длится наше соревнование, но в таком вот длительном, требующем исключительной физической и волевой выносливости испытании, как и в беге на сто метров, потеря каких-нибудь десятых и даже сотых может привести к поражению. Вот почему, после того как мы узнали результаты первого упражнения, стало ясно, что бой предстоит серьезный. Необходимо было мобилизовать не только все свое мастерство, выносливость, но и всю волю, всю дисциплинированность. Если то, что произошло, — ошибка, мы же в силах доказать это. Если наскок — не поддаваться ему, не дать спровоцировать себя. Не отвечать тем же. Помнить, что в глазах тысяч людей мы как бы олицетворяем весь наш народ.

Меня ждала впереди еще одна неудача. После четвертого номера программы дня, как рассказывали мне друзья, по трибунам пронеслось: «Лидер русской

команды оттеснен на четвертое место. Вперед вышел Штальдер!»

Увы, это было так! Четвертыми были вольные упражнения обязательной программы. Первым иду я. За мной должен был выступить Беляков... Здесь-то и произошла осечка!

Как же это случилось? Все, казалось бы, идет ладно. И следующие один за другим перевороты, в их числе наиболее коварный, на одну погу с полным поворотом кругом. И после них «ласточка» на левой ноге. Дальше, после «колеса» (переворот боком — по гимнастической терминологии), я должен задержаться на несколько секунд в стойке на кистях, оставив разведенными широким «иксом» ноги. Меня преследовала неотвязная, словно докучливая муха, мысль: эта же комбинация однажды подвела меня на первенстве Союза. Полагается сразу же после «колеса» недвижимо замереть в стойке на руках, а я, не погасив инерцию, несжиданно качнулся и только после этого зафиксировал стойку. С той поры я был как бы морально травмирован этим переходом, втайне побаивался его, хотя без боязни выполнял куда более сложные упражнения.

До сих пор помню, как по многу раз повторял я этот злополучный переход на тренировках, как мысленно воспроизводил последовательность всех движений. Вот сильный взмах руки уводит за собой все тело... Так, так!.. Хорошо!.. Теперь ровный, без каких-либо рывков перекат. И... пауза! Руки выпрямлены. Движение остановлено.

Но в зале «Мессухалли I» я снова споткнулся на этом месте.

Сильно, слишком сильно бросившись на переворот, чувствую, что набранная инерция неминуемо увлечет меня, надо притормозить, замедлить скорость; я невольно сгибаю руки в локтях. На миг припадаю к полу. Быстро исправляю. Мне представляется, что это было неумовимо, словно легкая зыбь, на какое-то короткое мгновение мелькнувшая по зеркалу вод. Но этого достаточно для судей. Пусть тело гимнаста уже застыло в нужном положении на помосте, пусть даль-

ше все мои движения лились складно и последовательно, судьи уже отметили ошибку и вынесли свой приговор. Я оказался позади других гимнастов и из десяти возможных получил только 8,65 балла, потеряв больше балла (1,35) для себя и для всей команды.

Обидно! Чертовски обидно! Ведь первый, словно первая скрипка в оркестре, задает тон всему ансамблю. «Вот тебе, — мелькает у меня, — задал». Не потому ли и Беляков — искушенный мастер и чемпион, особенно сильный в вольных упражнениях, — дожимает стойку и теряет три четверти балла.

Но я не дам себе размагнититься. Нет! Нет! То, что мы потеряли в вольных, надо отыграть в другом. Мысленно прикидываю счет наших потерь и решительно приказываю себе не думать о том, что было, а только о том, что будет.

Пусть ухмыляются участники команды Японии. И в прыжках и в вольных упражнениях они впереди команды СССР. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним! А мы не намерены сложить оружие и признать себя побежденными, хотя нелегко примириться, конечно, и с тем, что я иду теперь четвертым, и с тем, что после упражнений на перекладине нашу команду опередили чемпионы последних Олимпийских игр — финские гимнасты.

И, как отметили спортивные репортеры, в этот же день гимнасты СССР «показали свои львиные когти» («Суомен Урхейлулехти»).

Вряд ли забудет кто-либо из нас наполненный непрерывным движением зал «Мессухалли 1», вмещающий чуть ли не десять тысяч зрителей. На помостах, вздрагивая, покачиваются кольца, слышатся звучные шлепки ладоней о кожу коня, звенят металлические станипы на брусках. Соревнования идут одновременно на всех помостах. Шесть команд выступают на шести различных снарядах, и впервые зашедший сюда зритель не сразу начинает ориентироваться в этом калейдоскопе.

Наш выход к кольцам. Здесь с первого же подхода заметно наше преимущество. Его уловили не только понаторевшие в своем деле судьи, его заметили не

только выдавшие виды тренеры. Тишина, охватившая огромный зал, сменяется взрывом рукоплесканий, а каждой смене положений Шагиняна вторит единодушное, словно по сигналу, «ах», сопровождающее и точно выполненные висы, и переходы, и выкруты.

Уж мы ли не знаем нашего Гранта? Но сегодня он выступает поистине вдохновенно. Недаром тренеры зарубежных команд характеризуют его подход к кольцам, его манеру выступления такими эпитетами, как «классический стиль», «академическое исполнение». Казалось, без малейшего усилия, словно движимый невидимым подъемным краном, говоря языком гимнастов — «чистенько», в идеальном прогибе из виса спортсмен вздымается ввысь и вот уже оказывается в стойке на кистях, затем перемещает тело параллельно полу. Даже судьи не могут скрыть восхищения. «9,9»!

Пусть-ка теперь попробует кто-нибудь догнать нашего товарища.

На одном этом снаряде самые опасные наши соперники — швейцарцы — уступают нам почти полтора балла (1,45). Еще одно усилие — и мы еще дальше уйдем вперед.

Махи на коне! Нет ни одного в нашем ряду, против чьей фамилии судьи не поставили бы больше «девятки». И снова оценка нашего Гранта — «9,9» — оказывается самой высокой.

Поджидаю своего выхода. Волнуюсь. Да и можно ли оставаться спокойным, когда теперь я уже не имею права ни на одну, пусть самую незначительную ошибку. Но я знаю, когда подойдет моя очередь, когда я подойду к снаряду и почувствую под руками отполированное многими прикосновениями дерево брусьев, нервная дрожь выльется в жажду борьбы, в единое слитное стремление мышц и воли. Стремление к победе!

Были ли мы готовы к этой борьбе? Использовали ли те возможности, которые щедро предоставляла нам страна? Думаю, что чаша весов, которая постепенно перевешивает в нашу сторону, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно.

Путь к победе не усыпан розами. Мы оценили справедливость этого высказывания и на старте соревнований и затем в вольных упражнениях, где лучшее из занятых нами мест было седьмым, а последний из наших гимнастов был, увы, тридцать третьим.

Но даже это не могло сломить нашего наступательного порыва, погасить тот огонь, который горел в сердце каждого гимнаста сборной команды СССР.

Пять снарядов пройдено. Наша команда впереди, и даже лишний балл, который набрали на перекладине швейцарцы, не поможет им догнать нас.

Вот и конец первого тура соревнований, обязательная программа выполнена, и мы с естественным волнением ожидаем результатов. Команда СССР вышла на первое место! Несмотря на наши собственные неудачи и некоторые явно заниженные баллы, мы на два с половиной балла обогнали прежних лидеров — швейцарскую команду.

Финская газета «Вапаасана», характеризуя первый день соревнований, отдала бесспорное предпочтение советскому стилю и подчеркивала, что, во-первых, нынешняя шкала с ее десятибалльной отметкой явно низка для подлинной оценки высокого мастерства русских гимнастов. Во-вторых, судя по протоколам, в которых не появилось ни одной «десятки», судьи не проявили той объективности, к которой их обязывает не только спортивная совесть, но и торжественная пријага.

Итак, командное первенство после первого дня соревнований за нами. Хуже обстояло дело с личным. Даже к концу первого дня мы так и не сумели превзойти своих соперников, на стороне которых был многолетний опыт олимпийских соревнований. Первым идет отлично разносторонне подготовленный гимнаст швейцарской команды Иозеф Штальдер — 57,15 балла. Всего лишь пятнадцать сотых проигрывали ему мои товарищи Грант Шагинян и Валентин Муратов, но этого было достаточно, чтобы они оказались оттесненными на второе-третье места. Я уже упоминал о своей неудаче в вольных упражнениях. Эта «осечка» стоила мне потери 1,35 балла. Я был четвертым, хотя

меня отделяли от швейцарца какие-нибудь три десятые, не столь большая дистанция, чтобы я не мог попытаться догнать его в шести выступлениях произвольной программы.

В этот же день в ворота олимпийского стадиона вбежал сухощавый светловолосый бегун. Мы уже видели его, отлитого из металла, на постаменте, где установлена статуя национального героя финского народа бегуна Нурми. Он вносит пылающий факел. В то же мгновение на вершине семидесятитрехметровой башни (отметка рекорда финского копьеметателя Ярвинена) вспыхивает огонь. Он будет пылать здесь день и ночь до того часа, когда спустится флаг спортивных игр. Звучит торжественный салют, и сотни взмывших к небу голубей, словно ожившие символы мира, возвещают: XV Международные олимпийские игры открыты! Соревнование начинается!

Назавтра мы свободны, но кто же откажет себе в удовольствии поболеть на трибунах за наших спортсменов, тем более, что список побед на легкоатлетических секторах и дорожках открывают наш друг чех Эмиль Затопек и три метательницы с гербом СССР.

Невысокий, крепко сколоченный бегун бежит во главе живой цепочки. Это советский спортсмен Александр Ануфриев. В головной группе, слегка раскачиваясь на поворотах, широким свободным шагом покрывает километр за километром Затопек. Бегунам предстоит отмерить так двадцать пять раз пространство вдоль трибун, преодолеть десять километров, и каждый присматривается к другому, распределяя свой запас сил.

Сберегая силы для борьбы, Затопек не сразу выходит вперед: ведь когда бегун идет вслед за другим, бегущий впереди как бы прокладывает ему траншею во встречном потоке воздуха.

После шести с чем-то километров Затопек выходит вперед. Как всегда, он бежит очень ритмично, очень продуманно. Неотступной тенью следует за ним темно-волосый и смуглый алжирец Мимун.

«Затопек предложил чрезвычайно высокий темп.

В силах ли он выдержать его до конца?» — переговариваются на трибунах. Но чех не только выдержал, но и показал, что его выносливость выше всех известных дотоле пределов. На пороге девятого километра он усиливает и без того высокий темп. Мимун не в силах бороться и уступает Эмилю, который неудержимо уходит вперед на двадцать... сорок... шестьдесят метров.

Ленточка порвана! Новый олимпийский рекорд — 29 : 17,0!

Проходит несколько минут, и метательница — высокая плечистая спортсменка с гербом Советской державы — вступает в окаймленный деревянным бортиком круг. Пока она занимает привычное положение, пока выжидает сигнала судьи, рука ее непрерывно покачивается, не давая угаснуть инерции движения. Она чуть приседает и круто заводит руку за спину. Разведенные в сторону пальцы поддерживают тускло поблескивающий диск. Теперь сильный, все ускоряющийся поворот вокруг себя, и тело спортсменки распрямляется, словно увлекаемое стремительным вращением снаряда.

Начальная скорость набрана!

Остается последний быстрый хлест, — так по аналогии с ударом кнута называют завершающее движение, — и диск уходит в свободный полет. Погасив неудержимо увлекающее ее вращение, чтобы, упаси бог, не заступить за бортик, спортсменка напряженно следит за дугой, которую описывает снаряд.

«Браво, Советы!» — прокатывается по трибунам. Каждый видит, что диск лег далеко за флажком, торчащим в зеленой траве. Он отмечает олимпийский рекорд, который был установлен целых шестнадцать лет назад и, как возвестила тогда пресса, был пределом, наивысшим достижением, которое только возможно.

Дискобол! Опершийся о колено и воздевший сильную руку со снарядом мраморный атлет. Кто не знает эту работу Мирона, великого ваятеля Эллады. Мы познакомились с ним по учебнику древней истории. Позднее он встречал нас — сильный, гармоничный, зовущий в мир подобных себе — на аллее стадиона,

в коридорах института. И казалось, что, несмотря на прожитые немалые годы — две с половиной тысячи лет, — он сохранил вечную молодость.

Турнир дискоболок в Хельсинки закончен. На гигантском щите вспыхивает световой пунктир: «51,42». Пятьдесят один метр сорок два сантиметра пролетел диск, брошенный рукой Нины Ромашковой (ныне Пономаревой).

«Непревзойденный» рекорд Гизеллы Мауэрмайер (Германия) превзойден больше чем на три метра девушкой с Кубани. Лучший бросок победительницы последней олимпиады француженки Мишелен Остермайер был на девять с половиной метров хуже броска Ромашковой.

И мы стали свидетелями того, как три спортсменки взошли на постамент почета. Три флага взвились на мачтах. Три флага нашей державы, ибо все три призовых места принадлежат спортсменкам СССР — Нине Ромашковой, Елизавете Багрянцевой, Нине Думбадзе. И первая золотая медаль победительницы женских соревнований легла на широкую ладонь двадцатитрехлетней студентки Московского областного педагогического института.

Покидаем стадион окрыленные успешным дебютом наших спортсменов, и первые же финские газеты, которые нам попались, поддерживают это настроение. Обозреватели, наблюдавшие нас вчера, явно удивлены, и авторитетная спортивная газета «Суомен Урхейлулехти» сообщает: «Лучшие командные снаряды русских — кольца и конь. На этих снарядах они владеют наивысшим классом, на кольцах уже по обязательной программе они показали свои львиные когти. Опускание из стойки на кистях в равновесие сзади они исполняли медленно с совершенно выпрямленными руками (хотя допускается сгибание рук и за сгибание балл не сбавляется)».

Мы торопимся домой, отдыхать. Ведь для того, чтобы к восьми часам утра выйти на арену, мы должны будем встать в пять часов. Рановато, конечно. Но мы еще дома, настраивая себя на олимпийский режим, не раз проводили тренировки в ранние часы.

Стойку на кольцах демонстрирует В. Чукарин.

Должна была помочь в дальнейшей борьбе в тот день, когда решалась судьба олимпийских медалей, и наша физическая подготовка, тот фундамент, без которого нет и не может быть высокой техники у современного гимнаста. А первая же тренировка показала, что физически мы подготовлены сильнее других и к финишной прямой должны сохранить больше сил для того, чтобы первыми пересечь заветную черту.

Прикидываем очередность выхода к снарядам. Первым должен выходить не лучший, но достаточно уверенный в своих силах гимнаст, который задаст тон всем остальным. А тех, кто помоложе, меньше нюхал пороху, поставим третьими, четвертыми, чтобы за нами в нарастающей последовательности наступали более сильные, а лучшие венчали выступление команды.

Готовимся к выходу. Начинается второй, решающий день соревнований. Тренеры напутствуют нас. То и дело слышится: «Главное — спокойствие».

Каждый из нас внешне подтянут, внутренне собран, но, конечно, какое там спокойствие! Мысли бегут одна за другой, сталкиваются, перед глазами мелькают отдельные моменты упражнений. Пытаюсь сосредоточиться и мысленно проделываю произвольную комбинацию на коне. Но это плохо удается. А махи на коне — это лишь один из шести номеров. Как пройдут опорные прыжки?.. Вольные упражнения?.. Часами думаешь об этих секундах, которые занимает каждое упражнение. Тридцать-сорок секунд — они решают успех, и к ним ты готовишься годами, десятками лет. Впрочем, все понимают, что нервное состояние, знакомая любому из нас предстартовая лихорадка — не только неизбежное, но, быть может, даже необходимое явление. Каждый из нас знает, что безразличие, овладевшее спортсменом оцепенение — самое опасное состояние перед соревнованием.

Да, надо собрать все свои силы и волю. Буду бороться не только за первенство в упражнениях на своих любимых снарядах. Нет, этого мало! Пусть у меня хороши шансы в махах на коне, да и на кольцах или брусьях, но надо дать максимум очков команде, бороться и за каждую десятую балла и за всю сумму.

Конечно, легче сосредоточиться на одном-двух любимых номерах, вложить сюда все, что есть у тебя... Но нет, наш успех решают не отдельные результаты, а результат всей команды. По ее итогам тысячи и тысячи людей, и сидящих на трибунах, и слушающих очередную радиосводку, и читающих газеты, будут судить об уровне гимнастической культуры, о всей силе спорта моей родной страны.

21 июля. Второй, решающий день соревнований, который открывается вольными упражнениями. Я выступаю одним из последних. Значит, есть еще время подумать, подготовиться... Еще раз напоминаю себе, что олимпийские правила предоставляют гимнасту лишь одну попытку, тем крепче надо сжать в кулак всю волю. Бегуну его тактику на дорожке подскажет положение соперника. Футболист или баскетболист в любой момент знают, в чью пользу складывается игра. Боксера в перерывах между раундами наставляет тренер. А гимнаст?.. Он сам осуществляет своего рода внутренний контроль над самим собой. Вот и сейчас мне надо еще больше сосредоточиться, проверить действие всех рычагов, управляющих каждым движением. Выполнять все упражнения с ювелирной, филигранной тщательностью.

С этой мыслью и вступаю на помост...

С первых же шагов разбега делаю сальто, про которое кто-то из зрителей сказал, что «советский спортсмен начал свое выступление с такого стремительного сальто, словно раскланивался с публикой». Но об этом я узнал позднее, а на помосте сразу же вслед за одним движением следовало другое, за сальто — крутой поворот на одной ноге, сальто назад, еще и еще... Выполняю почти без разбега перевороты вперед и назад, чтобы, упав ниц, проделать на ковре полный круг обеими ногами, похожий на махи на невидимом копе. Толчок поднимает меня ввысь — и на какую-то долю секунды я должен замереть в «ласточке». Каскад фигур льется быстро, без задержек. Чисто гимнастические позиции сменяются акробатикой, темповые прыжки — равновесиями. За эти десятки секунд, которые отпущены на выступление, надо проде-

монстрировать всю силу и смелость, ловкость и пластичность.

Вот и конец! Застываю в традиционной стойке гимнаста. Как? По залу прокатываются аплодисменты, дружные, сильные. Вижу одобрение в глазах Николая Кирилловича Попова, весело поглядывают на меня и товарищи. Видимо, взял-таки реванш за первый день. Так и есть — «9,8»! Этот балл так и остался высшим по вольным упражнениям, полученным кем-либо из гимнастов за все дни соревнований. Мы первые в этом виде произвольной программы.

Настроение поднимается. Теперь будет легче бороться. Тем более, что впереди махи на коне и кольца, где наша команда чувствует себя особенно хорошо подготовленной.

Остались позади упражнения на перекладине и брусьях. Меня вызывают на опорный прыжок. Короткий, стремительно нарастающий разбег — и вот я лечу над снарядом. Быстрый удар ладонями переводит тело в высокую стойку, и в том же едином ритме, описав дугу в воздухе, опускаюсь на коврик. Остается мгновенно погасить инерцию, чтобы застыть у снаряда и, выдержав положенную паузу, вернуться в строй.

— Как вбитый в землю, приземлился, Виктор! — шепчет Валентин Муратов.

Да, я и сам вижу, что лидеры первого дня — японцы — в прыжках, считавшихся их коронным номером, не смогут уже обогнать меня. Недаром один из немецких гимнастов говорил потом, что геометрическую точность полета над снарядом Чукарина могут повторить только линейка и циркуль.

Нелегко отвоевывать те рубежи, с которых потеснили нас в первой схватке. Но когда судьи складывают оценки обоих дней, оказывается, что моей суммы — «19,2» — не набрал никто из лидеров первого дня — японцев. Золотая медаль олимпийского чемпиона присуждается мне. Она достается тому, кто был лучшим по общему итогу двух дней.

По реакции зрительного зала чувствую, что там уже оценили по достоинству весь стиль советских гимнастов, чуждых рисовки и той разухабистости,

которая с легкой руки некоторых зарубежных мастеров стала своего рода спортивным шиком. Наша гимнастика сочетает русскую широту и удаль с филигранной отделкой каждого движения и той внутренней логикой, которой проникнута любая наша композиция.

Переходим к коню с ручками. Скоро мой выход. Вспоминаю обычное напутствие моего тренера: «Спокойненько, Виктор, спокойненько!» Сейчас, в дни летних каникул, Петр Тимофеевич Собенко, как всегда, в горах, в альпинистском лагере среди далеких ущелий Сванетии. Быть может, в эту минуту он, волнуясь, крутит ручки настройки приемника, улавливая вести из Хельсинки. Далековато от лагеря альпинистов, где находится сейчас Собенко, до зала гимнастов в столице Финляндии. Но я как бы ощущаю на себе заботливый взгляд своего тренера и всех тех, кто общал меня к искусству владения своим телом и сейчас болеет за меня, за стоящих рядом со мной ребят в светлых костюмах с золотым гербом великой Советской державы. Будьте покойны, друзья, не подведем вас!

Выступаю шестым. Отлично показали себя передо мной Евгений Корольков и Михаил Перельман. Чувствую, что в махах на коне придется мериться силами не столько со швейцарцем Штальдером или австрийцем Заутером, сколько с виртуозной техникой своих же товарищей по команде. Недаром, когда мы еще и не подходили к снаряду, в кулуарах соревнований уже поговаривали о том, что здесь нам нет равных.

А ведь на этом снаряде нет того свободного полета в пространстве, который дают кольца. Нет того многоярусного простора, которым располагаешь на брусках или на перекладине. Казалось бы, поле действия ограничено двумя ручками, и от них, как от печки, начинается свои композиции большинство зарубежных мастеров. Гимнасты советской команды с первого же движения выходят на тело коня. Мы как бы раздвигаем стесняющие нас рамки. Открываем новые просторы для показа техники.

Так выступают Корольков и Шагинян. В идеальном ритме, чуть опираясь на коня, проделывают они

полный круг над всем снарядом и, выйдя затем на его тело, отпустив ручки, кружат туда и сюда, вдоль и поперек, ну, совсем как пустившийся в лихую присядку хлопец, глядя на вихрь огневых движений которого, хочешь и сам притопнуть, гикнуть да пуститься в пляс. Мои товарищи описывают круги на узком, ограниченном по длине и ширине снаряде в таком темпе, с таким разнообразием и стремительностью, что финны вспоминают фуэте и пируэты наших прима-балерин, гастролировавших недавно за рубежом.

Лишь одиночные участники швейцарской или японской команды выходят на тело коня или выполняют те упражнения, которые у нас демонстрирует каждый. Круг двумя ногами, прогнувшись, мы выполняем на 360°, зарубежные гимнасты — на 180. Мы делаем круги обеими ногами поперек коня. Большинство же наших соперников ограничивается более простыми махами одной ногой. Не показательно ли, что низший из полученных нами баллов — «9,5» — оказывается для многих и многих команд... самым высоким?

Беспорную силу наших гимнастов подтверждает и вся зарубежная пресса, а специальный корреспондент швейцарской «Газетт де Лозанн» так резюмировал свои впечатления: «Большой неожиданностью на соревнованиях по гимнастике был успех русских. Их блестящая и дружная команда была в хорошей форме и явно превосходила наших соотечественников».

Начинаю упражнение, опираясь на одну ручку. Другая опора — тело коня. Со старта делаю полный круг двумя ногами и после резкого поворота оказываюсь в таком положении, что обе ручки коня за моей спиной. Улавливаю гул одобрения, пробегающий по залу. Это вливает новые силы, побуждает работать еще увереннее. Ведь за те пятнадцать-семнадцать секунд, что продлится мой выход, я выполню чуть ли не двадцать следующих одно за другим движений. Мне удастся, соблюдая равновесие, выполнить и один из самых сложных элементов — «круг двумя с полным поворотом». Впрочем, он не фигурировал ни у кого из зарубежных гимнастов. У нас же им владеет больше половины команды.

«Не подвел, Виктор!» — шепчут товарищи по шеренге. Что ж, сделал что мог! Да и они молодцы! По этому виду — конь с ручками — наша победа особенно убедительна. Я завоевал золотую медаль олимпийского чемпиона. Евгений Корольков и Грант Шагинян разделили второе и третье места и получают серебряные медали. На четвертом месте еще один из наших мастеров — Михаил Перельман.

Мы слышали мнение многих гимнастов, что если бы не позиция судей, в зачетную шестерку могли бы заслуженно войти и Владимир Беляков и Иосиф Бердиев. Ведь занявшие пятое и шестое места иностранные спортсмены не показали в произвольных упражнениях ничего нового.

Еще успешнее выступаем на кольцах, где в зачетную шестерку входят четыре представителя команды СССР: Грант Шагинян, Виктор Чукарин, Дмитрий Леонкин, Валентин Муратов. Все три медали в наших руках. А мой товарищ и соперник Грант Шагинян получил оценку, которой не сумел добиться ни один из ста восьмидесяти трех участников олимпиады — «9,95»! Недаром же говорят, что рядом с нашим Грантом тускнеет техника лучших из зарубежных мастеров.

Когда Шагинян под непрерывные овации завершает свое выступление на кольцах, по залу пробегает острое словцо кого-то из зрителей: «Эти русские побеждают не только своих конкурентов, но даже и судей!» Действительно, олимпийцы все реже склоняются к своим кондуитам и самыми высокими баллами оценивают выступления моих товарищей. Ведь их превосходство у всех на виду. Нельзя его больше замалчивать. Посмотрите-ка в судейские списки. Вы увидите под цифрами 1—10 все восемь фамилий участников нашей команды.

— У нас они, зарубежные чемпионы, — говорит внимательно наблюдавший за выступлениями Николай Серый, — могли бы выступить в этом виде не выше уровня перворазрядников.

После того как в первый день нас однажды обошли олимпийские чемпионы 1948 года — финны, мы сами

перешли в контрнаступление. Теперь уже никто и ничто не может противостоять нашему порыву.

Еще на тренировке наши будущие соперники — швейцарцы восхищались упражнением, которого не показал никто, кроме восьми гимнастов нашей команды. Это упражнение на кольцах было одним из труднейших элементов обязательной программы. Трудность его выполнения усугублялась еще и тем, что в гимнастических залах СССР кольца подвешиваются на тонком стальном тросе, а в зале «Мессухалли 1» — на обыкновенной веревке, что лишало их привычной для нас жесткости.

Нелегко образцово выполнить на таком зыбком, раскачивающемся снаряде, как кольца, стойку на кистях. Представьте теперь себе, что из этого положения надо перевести корпус и ноги в горизонтальное положение и, сохраняя его, опуститься в вис на руках. Кого бы мы ни видели, будь то швейцарцы или немцы, не говоря уже о таких гимнастах, как американцы, — все просто-напросто проваливались между кольцами, заботясь лишь о том, чтобы как-то зафиксировать в концовке вис за руками. Каждый из наших гимнастов безупречно, без каких бы то ни было скидок выполнял эту комбинацию, где сила должна сочетаться с высоко развитым чувством равновесия и отличной техникой гимнаста.

В баллах за обязательную и произвольную программу итоги нашего выступления по этому снаряду выглядели так: 1) Грант Шагинян — 19,75; 2) Виктор Чукарин — 19,55; 3—4) Дмитрий Леонкин и Еугстер (Швейцария) — 19,4; 5) Валентин Муратов — 19,35. Плотность результатов показывает, что достаточно было потерять какую-то десятую, чтобы быть оттесненным на более низкое место.

И вот заканчиваются подсчеты за судейским пюпитром, нажим кнопки, и вспыхнувшие на щите светящиеся цифры подтверждают то, что уже очевидно для нас:

- первое место — СССР — 574,40;
- второе место — Швейцария — 567,55;
- третье место — Финляндия — 564,25.

Можно напомнить о том, что последний предшествовавший XV Олимпийским играм чемпионат мира прошел под знаком бесспорной гегемонии швейцарцев: они первенствовали как в многоборье, так и по отдельным снарядам, завоевав все первые места, исключая перекладины. В Хельсинки, говоря словами зарубежных газет, «швейцарский гимнаст Штальдер, который был всегда первым, должен был согласиться, что двое советских гимнастов сильнее его. Советская команда показала такую гимнастику, что есть причина честно восхищаться и снимать шапку».

В Хельсинки прежним лидерам пришлось удовольствоваться лишь двумя первыми местами, швейцарцы завоевали там две золотые медали, девять серебряных и две бронзовые, гимнасты СССР — тринадцать золотых, пять серебряных и одну бронзовую.

Советская команда заняла первое место, мне было присуждено звание абсолютного чемпиона, второе место занял мой товарищ Грант Шагинян, на четвертом вслед за испытанным во многих международных боях Штальдером был молодой представитель советской гимнастической школы Валентин Муратов, шестое и седьмое места поделили Евгений Корольков и Владимир Беляков.

С чувством законной гордости принял я золотые медали, на которых была изображена женщина с лавровым венком и победитель, поднятый ликующими зрителями, несущими его вдоль стадиона. Я узнал, что хотя в гимнастике нет ни рекордов, ни рекордсменов, им оказался я. Спортивная летопись хранит имя выдающегося бегуна негра Джесси Оуэнса, который завоевал на олимпиаде 1936 года четыре медали в беге, прыжках, эстафете. Мне было суждено побить державший шестнадцать лет рекорд американского спринтера. Я получил четыре золотые олимпийские медали (конь — махи, опорный прыжок, абсолютное первенство, командное первенство) и две серебряные (брусья, кольца) и установил этим новый рекорд.

Провожая меня, мои товарищи говорили:

— Не посрами знамени воспитавшего тебя львовского института!

Не посрамил, товарищи! Напряг все свои силы, чтобы поднять его еще выше.

И газеты, которые нам приносят, еще раз подтверждают успех первого олимпийского дебюта советской гимнастики. «Над Россией пролился золотой дождь», — гласили заголовки газет.

Минуло три дня после нашего старта, и мы опять направляемся в Мессухалли. Идем «болеть»: в соревнование вступают сегодня вечером наши гимнастки, и, судя по олимпийскому бюллетеню, предстоят серьезные «бои». В перечне команд, которые примут участие в этих соревнованиях, — шестнадцать стран (не считая Норвегии и Португалии, представленных неполными составами), а на последнем первенстве мира их было только семь.

В своих изящных светлозеленых костюмах, оттеняющих загорелые тела, выстраиваются участницы нашей команды, гимнастки нескольких поколений. Здесь высокая, темноволосая Галина Урбанович. Лишь ей одной среди всех гимнастов и гимнасток нашей страны удалось семь раз завоевать диплом абсолютного чемпиона Советского Союза. В одной шеренге с ней представители украинских гимнастов харьковчанка Мария Гороховская и киевлянка Нина Бочарова, одна из сильнейших в упражнениях на бревне, и стоящая в одном строю со своими старшими подругами юная Галя Шамрай, недавняя ташкентская школьница, получившая в один день и аттестат зрелости и удостоверение мастера спорта.

Нелегко придется нашим гимнасткам. В программе нет излюбленного ими снаряда — колец. Групповые вольные упражнения — новый для нас вид соревнований. Гимнастки должны, кроме того, не выходить из границ времени. Те, кто выполняет упражнения меньше четырех или дольше пяти минут, караются потерей баллов.

Государственный тренер Таисия Антоновна Демиденко еще несколько дней назад удивлялась, показывая нам график соревнований. Почему советские гимнастки, закончив поздним вечером обязательную программу, должны ранним утром быть снова на

арене? Ведь их соперницы выступают ранним утром по обязательной программе и только после суточного отдыха вечером следующего дня будут соревноваться по произвольным упражнениям.

К брусьям подходит Екатерина Калинин. Каждое ее движение отшлифовано, отделано. Ни заминки. Ни разрывов в ритме выполнения. По давнишней привычке мысленно оцениваем каждый жест, переход. Катюша — молодцом! Потеряла никак не больше трех, ну, набавим для строгости еще одну, не больше четырех десятых.

Позвольте! Арбитр объявляет оценку: «9,2».

Так же оценивают судьи и Полину Данилову и Галину Урбанович. Мы видим, как Демиденко обращается к судьям, и узнаем, что и шведка Анна Лиза Несмарк и голландка Ван-Дермоот удивлены не меньше нашего. Их балл на целых три десятых превышает объявленный старшим судьей.

Но даже это не помешало нашим гимнасткам овладеть первыми местами во всех видах обязательной программы, кроме брусев. Оправдывается прогноз финской газеты «Суомен Урхейлухети»: «Русские гимнастки могут получить еще больше медалей, чем гимнасты».

Второй день борьбы окончательно выводит вперед нашу женскую команду: золотая медаль абсолютной чемпионки будет вручена Марии Гороховской, серебряная — Нине Бочаровой. Семь гимнасток СССР заняли места в десятке лучших, и корреспондент далекой от симпатий к нам французской «Фигаро» констатирует: «Советские гимнастки еще более наглядно, чем мужчины, показали превосходство, выполняя упражнения, которые по трудности кажутся выше возможности женщин».

И наши славные гимнастки, и мастера мужской команды, и тренеры особенно радостно поздравляют худощавую темноволосую спортсменку, на чуть запавших после напряженной борьбы щеках которой еще играет нервный румянец. Это Мария Гороховская. Она признана лучшей среди всех гимнасток — уча-

стниц XV олимпиады, и наша Муся тоже установила своего рода рекорд, получив здесь шесть олимпийских медалей. Летопись олимпиад не знает ни одной спортсменки, завоевавшей такие трофеи.

Нелегким был ее путь к пьедесталу абсолютной чемпионки. Довелось ей испытать и тяготы жизни в осажденном Ленинграде, и эвакуацию в далекие края, и трудный подъем к потерянными вершинам мастерства, которых снова достигла советская спортсменка Мария Гороховская.

Остались позади волнения и тревоги соревнований. Взяты и те барьеры, которыми были новизна и трудности соревнования, преодолены и те препятствия, которые искусственно воздвигались на нашем пути. На помост под бурные возгласы присутствующих выходят команды победителей. У мужчин — это гимнасты Советского Союза, Швейцарии, Финляндии, у женщин — Советского Союза, Венгрии, Чехословакии.

На мачту поднимается стяг моей Родины. Нас приглашают на постамент почета. Иду и я.

Один короткий шаг — и я уже стою на пьедестале, на цоколе которого крупно начертано — «1». Но этот шаг — быть может, самый длинный на свете: ведь на то, чтобы получить право сделать его, уходят годы труда и исканий, разочарований и свершений.

подавляю охватившее меня смущение. Не я один, а многие из шеренги наших гимнастов могли бы взойти на эту «вершину». Она хоть и не выше метра от пола, но в то же время как бы увенчивает пирамиду, которую образует армада гимнастов всех стран.

Спасибо вам, ребята! Без вас не видать мне победы.

Иностранцы наблюдали изумились моему спокойствию, выдержке, которых не поколебали неудачи первого дня. На чем же покоилось это спокойствие? Прежде всего на полной вере в тех, кто стоял в одном строю со своим капитаном, вере в этих подтянутых, заметно посуровевших ребят. Я верил в команду, она — в своего капитана. Не эта ли вера и помогла нам найти путь к победе?

Не эта ли вера и дружба сплачивают и поддерживают каждого из советских спортсменов, идущих пле-

чом к плечу, локоть к локтю к новым и новым вершинам?

Не к этой ли вере в людей и дружбе призывают традиции олимпиад?

Воскресный августовский вечер. Утром на олимпийском стадионе закончились последние соревнования, и сейчас, словно войны после битвы, отдыхают победители, отдыхают и те, кто испытал горечь поражений. XV Олимпийские игры закончены, и на огромном световом щите, где беспрерывно мелькали все эти дни фамилии, и названия стран, и цифры секунд, метров, часов, появляется и долго горит надпись: «Победа — великое дело, но более величественно благородное соревнование!»

Гаснет огонь светильника на поле. Потухло пламя над башней. Вместе с победными трофеями, которые увезем мы домой, с боевым опытом надолго сохранятся воспоминания о парке Алпила, о скалах, усеянных тысячами и тысячами людей, о тех, кто произнес здесь на митинге слова осуждения войне.

МОСКВА — ПЕКИН — ПАРИЖ

Телефонный звонок:

— Нам депутата Чукарина.

— Чукарин слушает.

— Здравствуйте, дядя Чукарин. Вы приходили к нам, на Краковскую, с обследованием. Мы вот и хотим пожаловаться вам: у соседей не пускают в школу мальчика Стаха. Вы поможете ему?

— Спасибо, ребята, за сигнал. Давайте-ка завтра после тренировки встретимся и разберемся. А может, хотите побывать на моей тренировке?

Легкое пыхтение у телефонной трубки, шопот совещающихся и потом самым ласковым голосом:

— Виктор Иванович, а я не один, нас четыре, нет, даже шесть.

— Ну что же, всем гамузом и валите ко мне, в спортзал на Спартаковской. Будьте ровно в двенадцать.

В начале 1953 года львовяне, жители девяносто седьмого избирательного округа, избрали меня своим депутатом. И звонок ребят, и рейды по школам, и обход отдаленных улиц — все это часть моих депутатских дел. Главное в них — добиться, чтобы не было ребят вне школы, а сами школы были готовы к началу учебного года.

Сегодня выдалось тихое утро: ни занятий с молодежью, ни депутатских дел, ни тренировок, и я могу не спеша разобраться в почте. На конвертах почтовые

штемпели с латинским, арабским, китайским шрифтами. Вынимаю один из них. На марке смуглолицый гимнаст делает утреннюю зарядку. Мне пишет один из моих незнакомых друзей.

«Год назад я услышал Ваше имя и почувствовал, как будто я давно знаком с Вами. Да, да! Каждый боец и командир нашей части любит спорт, который приносит славу родине. Уже давно я думал написать Вам письмо, но не писал потому, что «боялся». И вот сейчас, после того как мы увидели Ваши выступления в Китае (я сам видел Вас четыре раза), набрался храбрости и с чувством любви и воодушевления пишу Вам это письмо, ведь мне и всем нам так нужно знать Ваш опыт, Вашу методику...»

Спасибо тебе, далекий друг Ма Чжи-ую из Калгана, спасибо на добром слове! Мы знаем, что гимнастика — новый для вас вид спорта, хотя древние манускрипты могут поведать о том, что еще пять тысяч лет назад мудрецы вашей родины создали систему физических упражнений под названием Конг-фу. Мы вспомнили об этом, когда увидали под крылом самолета змеившуюся по гребням гор Великую Китайскую стену, за которой открывалась страна, где живет четвертая часть населения всей нашей планеты.

С первого шага по вашей древней, так много испытывавшей земле мы очутились в атмосфере дружелюбия и уважения. Мы уже слыхали о вашем гостеприимстве, вашей любви ко всему, что исходит из нашей страны. Но то, что мы увидели и испытали, превзошло все ожидания.

Вспоминая эти полтора месяца, эти сорок пять дней, проведенные в народном Китае, я вижу делегацию советских гимнастов, утопающую в море цветов, окруженную радостными лицами наших друзей — от вечно ходивших за нами малышей и до тех, кто начал свою жизнь в старом Китае.

Минутная тишина, и под звуки мелодии Мурадели «Москва — Пекин» мы вступаем на помост и, обратившись к зрителям, скандируем на их родном языке: «Вэй дады чжун го жэнь минь вань суй!», что значит: «Да здравствует великий китайский народ!»

И над нами, шеренгой гимнастов СССР, словно белые хлопья, взвивается стая голубей, которых мы скрывали до этого в руках. И тишина, охватившая весь тысячекильный стадион, сменяется гулом оваций, сопровождающих выход любого из нас.

Мы в стране друзей. Этим друзей множество. Словно сбросивший вековые узы великан, китайский народ расправил могучие плечи и перестраивает собственную судьбу. От теплых морей южных провинций до лежащей близ наших рубежей Маньчжурии — в больших городах и в далеких селениях — всюду трудолюбивый и талантливый народ строит, воздвигает, создает. Дымят домны. Течет металл. Сходят с транспортеров машины. В косный уклад, на который обрекала простых людей система правления старого Китая, вторгается новая сила, и мы с удивлением наблюдаем однажды, как, внимая певучему голосу диктора на вокзале, поднимаются пассажиры и начинают утреннюю гимнастику на перроне, где они ожидали поезда.

В одном месте мы видим вырытое восемь веков назад по повелению богдыхана озеро, и в этом же городе смуглые гибкие тела пловцов мелькают в новом бассейне, площадь которого равна тридцати трем тысячам квадратных метров.

Через «Ворота небесного мира» мы вступаем в «Запретный город» — резиденцию императора, куда под угрозой казни не мог войти простой человек, а теперь приходят дети, внуки и правнуки тех, кто веками создавал и эти похожие на статуи деревья, и выложенные искусной рукой башни, и изображенных на стене пестрых, оскаливших хищные пасти драконов.

А можно ли забыть заполнившее город, похожее на разлившуюся могучую реку шествие пекинцев в день 1 октября — день провозглашения народной власти. Перед символом прошлого — дворцом «сына неба» — императора — взвивается на площади Тяньаньмынь алый стяг Китайской Народной Республики, расцвеченный пятью звездами.

Нам переводят слова песни, которая звучит в это время над площадью: «Нам открыли коммунисты путь побед, а без коммунистов и Китая нет!»

Что же остается сказать о наших выступлениях, если на первой же тренировке — она проводилась на стадионе Народного университета, — мы были удивлены, увидев заполненные тысячами зрителей трибуны. Быть может, мы ошиблись часом. Здесь назначены соревнования? О нет! Все эти люди хотят видеть советских гимнастов.

Так первая же наша тренировка неожиданно превратилась в показ советской гимнастики. А каждое из двадцати наших выступлений собирало по двадцать, по тридцать тысяч зрителей. Полмиллиона! Таково число тех, кто посмотрел выступления нашей делегации. Среди этих пятисот тысяч был и мой неизвестный друг Ма Чжи-ую из Калгана, которому я от души желаю успеха в его работе. Недалек тот день, когда мы увидим китайских гимнастов на спортивных аренах мира и, быть может, в их рядах будут и те, кто впервые узнал о гимнастике, побывав в дни нашей поездки на стадионах Пекина, Шанхая или Тяньцзиня.

Впереди новые дела, и, кажется, не успел еще я смыть магнезию с рук, не увяли еще цветы поднесенных нам в Китае букетов, как я снова вхожу в светлый зал и снова раскрываем мы с тренером нашу «Книгу живота» — дневник наших тренировок, планов, соревнований.

После того как я поступил в техникум, не имея оформленного разряда, а кончил его мастером спорта, товарищи говорили: «Поднимаешься, как на дрожжах». Так ли?.. Не знаю ни одного из своих призов, ни одной из тринадцати чемпионских маек, которая бы досталась мне без боя, без борьбы на арене, без долгого труда в зале.

Мне хотелось бы напомнить молодым спортсменам слова такого замечательного легкоатлета нашего времени, как Эмиль Затопек, который неизменно являет собой пример дисциплины, скромности, трудолюбия. Кто из нас не помнит ответа Затопека на его лекции в дни XV олимпиады, когда на вопрос польского бегуна: «Могут ли быть побиты его, Затопека, рекорды?» — Эмиль ответил, что для этого надо сначала побить его тренировку, которая была сама по себе рекордной. Не-

даром чехословацкий стайер говорил, что на любом из соревнований ему легче, чем на тренировке.

Будьте требовательнее к себе! Об этом мне и хочется напомнить молодежи, вступающей на путь занятий спортом. И когда подниметесь на постамент почета, пусть не кружится у вас голова, не забудутся те, кто помог вам подняться на высоту.

Собенко вспоминал как-то осень 1952 года. «Уехал ты просто Виктором Чукариным, а вернулся абсолютным чемпионом Олимпийских игр. Захочешь ли со старым тренером теперь работать? — думалось мне. Не пора ли, скажешь, его побоку? И решил не напоминать тебе о тренировках. Приехал ты, расцеловались, конечно, а встречаемся на завтра в институте, ты о тренировке ни слова. Я, как и решил, не набиваюсь, вдруг ты ответишь: «Зачем мне теперь тренер?» Обидно же такое услышать. А перед уходом ты спрашиваешь так, между прочим: «Когда начинаем заниматься, Петр Тимофеевич?» Для меня, тренера, это был самый дорогой твой подарок!»

И дня через два встретились мы, как всегда, в гимнастическом зале львовского института, куда должен был прийти один журналист, чтобы познакомиться с тем, как мы живем и работаем, и написать очерк для зарубежных читателей.

— Можете посмотреть даже тот «железный занавес», за которым тренируется Чукарин, — любезно сказал ему Собенко.

Журналист недоуменно обернулся... Кто же не знает, что советские спортсмены не делают секретов из своих тренировок.

— Какой еще «железный занавес»? Откуда он мог появиться здесь?

А Собенко, заметив его растерянность, коротко сказал:

— Минуту терпения. Сейчас увидите сами.

— Вот оно что, — произнес гость, войдя в наш зал и оглядевшись.

В старом Львове, там, где занимаются гимнасты нашего института, находился театральный зал, и, как это положено правилами противопожарной безопасности,

Рим. Впервые участвуя в первенстве мира, советские чемпионы завоевали тридцать золотых медалей из тридцати четырех. На снимке (слева направо): Г. Шагинян, А. Азарян, Г. Рудько, председатель гимнастической секции Г. Роговский, Т. Манина, В. Муратов, В. Чукарин.

сцена отделялась от партера самым настоящим железным занавесом. Теперь он образует как бы стену, а в случае необходимости мы поднимаем его, и тогда оба гимнастических зала сливаются в один большой.

Вот и все, что можно рассказать о железном занавесе, как видит теперь читатель, отнюдь не символическом, а вполне материальном и выполняющем чисто утилитарные функции.

Миновало несколько месяцев, и ковер-самолет спортивных выступлений переносит нас на другой конец континента, в столицу Франции. Мы остановились в небольшом отеле, на бульваре Монмартр.

Наблюдая с балкона теряющийся в дымке Париж, как не вспомнить слова Виктора Гюго: «Могучий город разорвал четыре пояса своих стен, — так дитя прорывает одежды, из которых выросло». Маленький остров на Сене под названием Сите, где высится знакомый каждому и по страницам романов и по гравюрам Собор Парижской богородицы, был тем ядром, из которого вырос огромный город.

Кто же из нас не помнит, что в парижском пригороде Лонжюмо помещалась созданная Владимиром Ильичем Лениным партийная школа, что в этом городе жили наши друзья Анатолий Франс, Ромэн Роллан, Анри Барбюс.

Прогулки по улицам, где сутолока и пестрота рекламы сменяются полными благородной строгости линиями соборов и дворцов, воскрешают в памяти то трех мушкетеров в заломленных набекрень шляпах, то притаившегося на своей колокольне уродливого горбуна.

Можно неделями бродить по этому городу с томиком Гюго или Дюма, Бальзака или Мопассана, Герцена или Тургенева, и, словно ожившие страницы, встанут перед вами улицы и здания города, на гербе которого изображен оснащенный серебряными парусами корабль и надпись: «Качает его, но он не тонет!»

Мируем площадь Согласия. Десятки светильников озаряют статуи Лиона, Марсея, Бордо и других городов, вписавших свои имена в историю Франции. «Здесь на площади, — рассказывают наши спутники, — рабочий Париж дал в 1934 году отпор фашистам,

а эта вот мемориальная доска хранит имена восьми патриотов, павших у ограды сада Тюильри в дни освобождения прекрасного города в августе 1944 года».

Предместье Сент-Антуан, площадь Бастилии с крылатым гением Свободы на мраморной колонне, кладбище Пер-Лашез, где сражались и пали коммунары которым воздают почести мраморные доски. Это революционный Париж, о котором в дни июньского восстания так страстно писал в своих «Письмах с того берега» А. И. Герцен:

«Сидеть у себя в комнате, сложа руки, не иметь возможности выйти за ворота и слышать возле, кругом, вблизи, вдали выстрелы, канонаду, крики, барабанный бой и знать, что возле льется кровь, режут, колют, что возле умирают, — от этого можно умереть, сойти с ума. Я не умер, но я состарился, я оправляюсь после июньских дней, как после тяжелой болезни».

В мутноватых водах Сены виднеются дрожащие на волнах отражения высоких массивных башен и аркад. Это «Нотр-Дам», Собор Парижской богородицы, колоссальное творение народа, которое великий Гюго уподобляет огромной каменной симфонии.

Гуляя по городу, мы обращаем внимание на пустые пьедесталы. Быть может, они подготовлены для новых памятников? Вряд ли! Позеленевшие от времени бронзовые доски, потемневшие каменные плиты говорят об их солидном возрасте. Оказывается, как объяснили нам парижане, в дни оккупации статуи ста сорока двух великих людей Франции были снесены гитлеровцами. Им была нужна бронза. И теперь «памятником» черных дней оккупации торчат обезглавленные постаменты.

Повидали мы и Пантеон — усыпальницу великих людей, на фасаде которой изображенная скульптором Родина воздает почести своим сынам, о чем гласит надпись: «Великим людям — признательная отчизна». Побывали в Лувре и в Версале, оглядели уходящую на высоту трехсот метров Эйфелеву башню, но висевший над городом непроглядный туман заставил нас отказаться от стоящего четырехста франков подъема на верш создания инженера Густава Эйфеля.

Декабрь в Париже — месяц туманов и холодов. А нам предстоит тренироваться в зале пожарного депо, из которого при нас выкатывают машины.

— Здесь свежо, — поеживается Грант, глядя на уткнувшихся в поднятые воротники пальто руководителей местных гимнастических организаций.

— Осторожнее, ребята, на соскоках, — предупреждаю я товарищей по команде, — пол каменный, не прыгайте сильно, отобьете ноги.

К довершению всего винты на брусках проржавели, не двигаются, и Азарян никак не может раздвинуть жерди для своих богатырских плеч.

Велодром, где мы выступаем, — целый стадион под крышей. В сизой дымке куда-то к высоким, теряющимся в полумраке перекрытиям уходят ярусы трибун. Гулко отдаются басистые голоса репродукторов. Звучит бравурная музыка. Оглядываем широкую дорожку с высокими виражами, боксерский ринг, арену для акробатов. А вот и наши новые друзья — французские гимнасты. Ни разу не довелось еще нам видеть их на арене, и сегодняшней дружеский завтрак был первой встречей с ними. Они скромны, предупредительны, приветливы. Их интересует, какими новинками удивят их гости из Москвы. Ведь они слышали самые лестные отзывы о советской гимнастике.

Несколько особняком держатся два подтянутых человека в темных костюмах. «Это, — объясняют нам французы, — гости из Западной Германии, сильнейшие гимнасты Дикхут и Банц. Их команда готовится к первенству мира, и, конечно, они хотят своими глазами видеть, так ли сильны русские гимнасты, как утверждали встречавшиеся с вами шведы и венгры».

Что ж, постараемся полностью удовлетворить вашу любознательность, господа!

— Сколько же народу собралось здесь? — спрашиваю я; оглядывая нетерпеливо гудящие трибуны.

— Продано около двадцати тысяч билетов, — отвечают мне организаторы. — Можете не сомневаться, — уточняют они, уловив мое изумление, — что после вашего дебюта и выхода газет на второй день будет еще больше желающих насладиться вашим искусством.

Прогноз оказался правильным: на второй день на велодроме собралось не меньше двадцати пяти — двадцати шести тысяч зрителей.

— Для гимнастики, — сказали нам парижане, — небывалая цифра!

— Много новых имен, — отмечают те, кто знает состав нашей олимпийской команды. — Кто эти Азарян или Шахлин, которые должны выступить бок о бок с такими сильными гимнастами, как вы или Шагинян?

— Вы увидите их сегодня же, — отвечаю я, — и тогда вам станет понятно, что они достойны того места, которое заняли в строю нашей команды. Оба они — живое свидетельство того, что гимнастика давно уже перестала в нашей стране быть монополией столиц. Тот же Азарян, — французы с любопытством оглядываются на Альберта, — у которого сила тяжелоатлета сочетается чуть ли не с детской застенчивостью, недавно еще ворочал молотом в кузнице своего родного города Ленинакана. Что же касается Шахлина — он из Сибири. Есть там небольшой городок Ишим, где еще в школе Борис показал себя отличным гимнастом.

Выступление началось, и первый же подход к брускам убеждает зрителей в преимуществе наших гимнастов. Команду хозяев, выступающую под маркой рабочей федерации, надо считать, конечно, сборной страны. Лишь Гюи представляет в ней рабочих спортсменов. При всех их хороших физических данных французам не хватает выносливости. Комбинации их упражнений слишком коротки, словно гимнасты, начав свой рассказ, обрывают его на полуслове.

В итогах выступлений на всех снарядах перечень занятых мест выглядит одинаково: сначала идут фамилии наших спортсменов, за ними хозяев.

Вечером мы отправляемся в гости к гимнастам рабочей федерации (ФСЖТ). Под низкими сводами подвального магазина спортивных товаров завязывается непринужденная дружеская беседа. «Вы нам, бесспорно, очень понравились, — отмечают французы. — Но, — говорят они, — мы должны поставить в одном месте это большое «но». Они считают, что ахиллесова пята русских — перекладина: много грубой силы. Мало

того, нет сочетания высокой техники с элегантностью, которой мы так поражали их на кольцах и в махах на коне. Не удовлетворяет их переворот в моем исполнении и в исполнении Муратова. Мало прыгучести. Их не оставляло ощущение тяжести, когда мы выполняли опорные прыжки.

— В самом деле, — говорят нам, — пока не дошло до наскака, все идет хорошо, но после толчка руками нет ощущения полета. Почему так? Не мала ли траектория полета? Не нужно ли увеличить ее дугу?

Нам советуют исправить эти ошибки. Ведь осталось немногим больше полугода до встречи в Риме на розыгрыше первенства мира.

НА ПЕРВЕНСТВО МИРА В РИМЕ

Едва успел возвращавшийся из Советского Союза господин Шарль Тоэни выйти из самолета, как его атаковали корреспонденты швейцарских газет. Они были отлично осведомлены, что их собеседник как генеральный секретарь Международной федерации гимнастики вместе с другими ее авторитетными лицами только что представлял федерацию на очередном первенстве СССР в Ленинграде.

Хотелось бы узнать: что же увидели там западные наблюдатели? Ведь если не изменяет память, чемпионат в Ленинграде — это первые большие соревнования, проведенные в соответствии с правилами ближайшего первенства мира, которое будет разыграно в 1954 году? Не так ли?..

«Да, это так!» — охотно подтвердил Тоэни, подчеркнув, что уже в 1952 году русские гимнасты явились откровением Олимпийских игр. Если же говорить о соревнованиях в Ленинграде, то они произвели самое благоприятное впечатление не только на него, но и на всех его коллег, которым была предоставлена полная возможность видеть все то, что могло их интересовать.

Корреспондентам, интервьюирующим его, вероятно, будет небезинтересно узнать, что вместе с ним в Ленинграде и Москве побывали Иоганн Соммер (Голландия), вице-президент Международной федерации; Лииза Орко (Финляндия), председатель женского технического

комитета; Эрист Маурер (Швейцария), председатель мужского технического комитета.

Первое, что им бросилось в глаза, — это значительно менее нервная атмосфера ленинградских соревнований по сравнению с Олимпийскими играми. Здесь тоже соревновались между собой спортсмены различных национальностей, но не было той «шовинистической страстности, которая имеет место во время международных соревнований».

— Русские гимнасты, — рассказывал репортерам Тоэни, — уже усвоили новые, весьма усложненные комбинации, хотя до первенства мира остается еще целых семь месяцев. Если же говорить об участницах женской сборной, то все они произвели на нас впечатление гимнасток, которых победить нельзя.

— Столь ли уверены вы и в превосходстве их гимнастов-мужчин?

— Если и можно отметить небольшое преимущество русских гимнастов по сравнению с нашими в целом, то оно исчезает, когда берешь во внимание отдельных гимнастов.

— Таким образом, шансы русских и швейцарцев в Риме будут одинаковы.

— Да! — услышали корреспонденты уверенный ответ, который можно было вскоре прочитать на страницах «Смен спортив» («Спортивная неделя»).

Представители Международной федерации наблюдали не только, так сказать, внешнюю сторону советского спорта, побывав на соревнованиях и приемах. Мы не считали нужным скрывать от них и того, что делается «за кулисами». Члены делегации бывали на тренировках, в заводских физкультурных коллективах. Наблюдая за этой будничной работой, тот же Тоэни сделал вывод, что высокая спортивная техника советских гимнастов не является случайной. Это реальность, с которой надо считаться! Побывав на обычных тренировочных занятиях под восточной трибуной московского стадиона «Динамо», видя воочию ту кропотливую работу, которую ведут тренеры сборной Александр Семенович Мишаков и Константин Сергеевич Каракашьянц, генеральный секретарь Международной фе-

дерации убежденно сказал, что в этой стране делается все для того, чтобы эта реальность стала постоянной.

Соревнования, которые довелось наблюдать представителям Международной федерации, поразили этих искушенных и многое видавших людей. Когда они поехали на соревнования в ленинградский зимний манеж, где проводилось очередное лично-командное первенство страны по спортивной гимнастике, их поразила масса зрителей, тесным кольцом обступивших все входы. Не без удивления узнали представители федерации о том, как задолго до соревнований, с шести часов утра, выстраивались очереди к кассам. И пусть к дню соревнований воздвигли вдоль манежа специальные трибуны, увеличили в несколько раз, говоря языком официальных документов, число посадочных мест, наплыв зрителей превзошел самые оптимистические предположения.

Это ли не было свидетельством того, что один из самых древних видов спорта — гимнастика — получил самое широкое распространение, приобрел огромную популярность в нашей стране!

На высоком, протянувшемся вдоль манежа сорока-семиметровом помосте зрители увидели тех мастеров, которые вернулись с венком победы с XV Олимпийских игр. Это были абсолютные чемпионы олимпиады Мария Гороховская, автор этих строк и наши товарищи по сборной команде, чемпионы и призеры олимпиады Грант Шагинян, Медея Джугели, Нина Бочарова, Екатерина Калинин, Дмитрий Леонкин, Евгений Корольков, Галина Минаичева (Шарабидзе).

Но «олимпийцы» не всегда лидировали. Перед зрителями предстала плеяда молодых спортсменов, которые, честно говоря, доставили немало тревожений нам, обладателям золотых медалей. Оказалось, что «своих» победить труднее, чем «чужих».

Иностранные гости особенно внимательно наблюдали за упражнениями на бревне. Это один из труднейших видов программы женского первенства. Упражнения на бревне требуют не только совершенной спортивной техники, но и исключительной точности всех движений, безупречного чувства равновесия. Ведь все

свои сложные переходы, серии сменяющихся элементов упражнений, где балет как бы сочетается с акробатикой, гимнастика должна выполняться на снаряде, ширина которого не позволяет свободно поставить рядышком обе ладони.

От бревна отходит стройная розовощекая спортсменка с косичками, которые придают облик семиклассницы той, кому уже исполнился двадцать один год. Это молодая абсолютная чемпионка страны 1953 года Генриэтта Коновалова, отвоевавшая звание первой среди гимнасток страны у таких мастеров, как семикратная чемпионка Союза Галина Урбанович, сильнейшая спортсменка Нина Бочарова. На сигнальном щитке судьи зажигают — «19,15». Казалось бы, вряд ли удастся кому опередить талантливую гимнастку. Но после выступления молодой ленинградки Тамары Маниной мы узнаем, что она по сумме баллов обогнала Коновалову. Ленинградцы особенно бурно встречают сообщение о том, что девятнадцатилетняя студентка института точной механики и оптики впервые становится чемпионкой СССР. Многие из них помнят, как несколько лет назад Тамара, робея и смущенно озираясь, впервые вышла на спортивную арену в гимнастической группе Дворца пионеров.

В этом сила нашего спорта! В том, что мы располагаем воистину неисчислимыми резервами и любому юноше и девушке не заказаны пути, которые могут завтра, послезавтра, в недалеком будущем привести его в состав чемпионов и рекордсменов страны и мира. Первенство страны в Ленинграде, пятнадцатое по счету, было живым доказательством этого. Шутка ли сказать: бороться за победу приехали команды всех шестнадцати союзных республик плюс отдельные коллективы Москвы и Ленинграда. Только по программе мастеров выступало почти двести человек. При оценке ниже семи с половиной баллов участник уже не попадал в зачет.

Впервые на этом соревновании мы не видели на помосте судей. Они расположились на этот раз за пределами той арены, где упражнялись гимнасты. После каждого выступления старший судья подходит к диску,

напоминающему телефонный, и набирает нужные ему цифры, которые немедленно вспыхивают на щитке. Каждый может следить за всеми перипетиями борьбы. Вот я заканчиваю свое выступление на перекладине и вижу ярко вспыхнувшую отметку «9,35». Одна за другой сменяются цифры после каждого выступившего. Но мой результат так и остается для этого снаряда самым высоким.

На брусках мне предстояло впервые выступать с упражнениями, которые включены в программу первенства мира. У каждого из нас свежи воспоминания об олимпиаде, где мы вынуждены были уступить первенство на этом снаряде швейцарцу Еугстеру. Я проиграл ему тогда всего лишь пять сотых, и в Ленинграде мне хотелось вступить в заочное соревнование с Еугстером. Кажется, это мне удалось. Ведь советские судьи, о которых наш гость Маурер писал, что они были более строгими, чем арбитры в Хельсинки, ставят мне десять баллов — высшую из возможных оценок.

Украинская команда уезжает из Ленинграда домой — кто в Киев, кто в Харьков, кто во Львов — в особенно приподнятом настроении: мы впервые выиграли командное первенство страны. Мы опередили сильные коллективы московских гимнастов, ленинградцев, спортсменов Российской Федерации.

Думается мне, что советские гимнасты готовы к борьбе за первенство мира! Впрочем, это подтверждают и наши гости. На прессконференции в Москве они публично поделились своими впечатлениями о проведенных в СССР двух неделях.

«Я видел советских спортсменов в Хельсинки, — сказал Тоэни. — На олимпиаде они были выше похвал и их, по сути дела, трудно было с кем-либо сравнивать. В Ленинграде я увидел не только членов олимпийской команды, но и многих других талантливых гимнастов. Участие советских спортсменов в предстоящем первенстве мира, которое будет разыгрываться в будущем, 1954 году в Риме, несомненно, придаст этим соревнованиям исключительный интерес».

Лиизу Орко, мать пятерых детей, особенно поразило, что Мария Гороховская, у которой недавно родил-

ся ребенок, поразительно быстро, за три месяца, вновь обрела свою спортивную форму. «Советские гимнастки в Хельсинки были потрясающе сильны, — говорила Орко, — а теперь я увидела и их достойную смену... Я поражена размахом женского гимнастического спорта в вашей стране. На соревнованиях в Ленинграде выступало 200 гимнасток, и все они были хорошо подготовлены. Мне довелось побывать на занятиях по художественной гимнастике у девушек-студенток второго курса в Ленинградском университете. Этот урок оставил прекрасное впечатление. Всюду чувствуется, какую большую заботу о физическом воспитании проявляет Советское государство».

Предшествовавший первенству мира 1953 год вписал в перечень чемпионов страны еще одно имя: Валентин Муратов.

Гимнастами не рождаются, ими становятся. И чем раньше распахнешь двери гимнастического зала, тем крепче будет фундамент, на котором зиждется техника гимнаста и год за годом вырастает здание мастерства. Помню время, когда многие вступали на путь серьезной тренировки, окончив школу, этак лет под двадцать, и считали нормальным, что мастерами спорта становятся годам к тридцати, а то и позже. Сам я начал заниматься гимнастикой с опозданием, мне уже минуло семнадцать лет, и наверстать потерянные годы помогло старание.

Теперь мы видим: наша гимнастика молодеет с каждым годом, и особенно отрадно, что множится число школ, в стенах которых ребята и девчата не просто отбывают повинность на уроках физического воспитания, но им прививается аппетит к спорту.

Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что в ранце каждого школьника лежит медаль чемпиона. Где, как не в московской школе № 358, преподаватель Виктор Александрович Корольков превратил гимнастику в один из любимых предметов! И двое юношей — один плотного сложения, темноглазый, другой худощавый, гибкий, светловолосый — еще в стенах школы заложили основу всех своих будущих успехов в спорте. Этими школьниками были сын учителя Же-

ня Корольков и его товарищ по школе и спорту Валя Муратов.

Лет восемь назад многие из нас, мастеров, и не думали, что этот гибкий, стройный, но не очень сильный на вид юноша, выступавший тогда по первому разряду, примется вскоре за «разгром» чемпионов. Хотя Муратов и показал себя сильнейшим в своем разряде, но Королькову, который до этого уступал ему, удалось взять верх, когда оба они начали выступать по группе мастеров. Валентину в то время просто-напросто не хватало силы, хотя все элементы техники он схватывал на редкость быстро. Но так длилось недолго. Природное молодому мастеру трудолюбие, выработанная в сотнях и тысячах повторений выносливость вывели Валентина далеко вперед. Уже майским днем 1953 года он показал всем нам свою окрепшую силу, когда стал абсолютным чемпионом страны. Через год после этого двадцатилетний гимнаст с успехом отстаивает спортивную честь своей Родины в одном из труднейших матчей.

Представьте себе огромный зал, похожий на крытый застекленный ангар, на трибунах которого собралось четырнадцать тысяч зрителей. Представьте себе, что это происходит в стране, где слышны еще голоса, ратующие за возрождение гитлеровской Германии, а в зале немало тех, кто пришел только для того, чтобы увидеть, как «провалится» русский гимнаст.

Речь идет о состоявшейся за два месяца до первенства мира встрече гимнастов во Франкфурте-на-Майне. Ее организатор — «Айнтракт», общество гимнастов и фехтовальщиков, одно из старейших в Германии, основанное еще в 1861 году.

От нас выступает один гимнаст. Таковы жесткие правила этого турнира, и наша страна доверила это единоборство аспиранту Московского педагогического института Валентину Муратову. Выступая в огромном зале «Фестхалле», советский чемпион заставил даже самых предубежденных среди четырнадцати тысяч зрителей аплодировать ему, победившему сильнейших мастеров Западной Германии, Швейцарии, Финляндии, США и других стран. А ведь в числе противников Ва-

лентина были такие грозные силы, как Иозеф Штальдер или Хельмут Банц.

Сам приезд во Франкфурт Муратова был своего рода сенсацией: впервые после войны советский спортсмен будет участвовать в соревнованиях на территории Западной Германии. Собравшиеся были отлично осведомлены, как кончилось на последних Олимпийских играх личное единоборство между швейцарцем Штальдером, который был в общем зачете третьим, и занявшим четвертое место Муратовым. Тогда молодому гимнасту далеко не всегда сопутствовала удача. Например, в опорных прыжках Валентин был восемнадцатым, а махи на коне отодвинули его в группу участников, занявших от тридцать второго до тридцать пятого места.

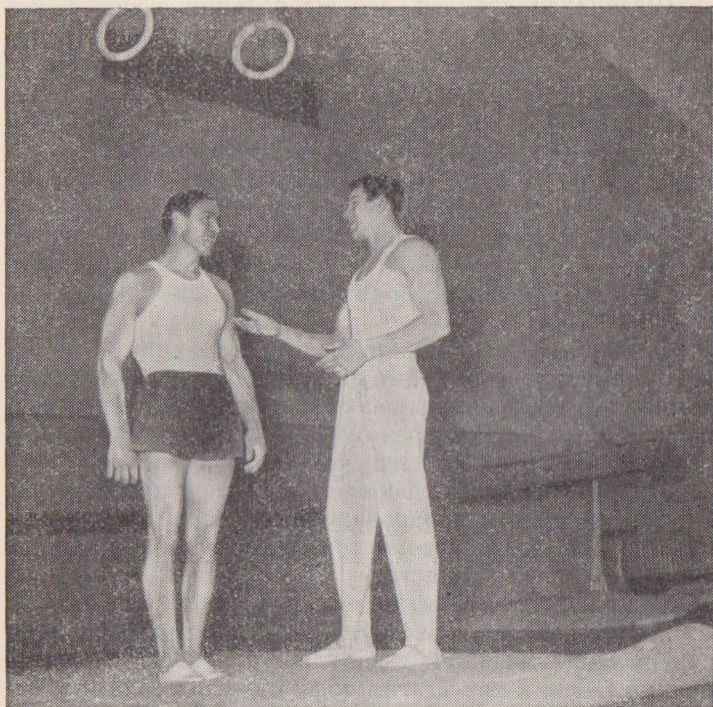
И вот Муратову предстоит вступить в борьбу, быть может труднейшую из всех на его пути.

За внешней сдержанностью тех, с кем он встречается, ощущается холодок и даже скрытая враждебность: авось русский гимнаст сорвется. Муратов здесь один! Знаю по себе, насколько легче вступать в борьбу, когда ты видишь у снаряда строй молодцов с гербом родной Советской державы на груди. Когда ощущаешь на себе их взгляды, знаешь, что твою ошибку, неудачу — бывали же срывы у каждого из нас! — исправят общие усилия всего коллектива.

«Пусть я один, — говорит себе Муратов, — единственный вывод — выступать так, как выступала бы вся команда. Выигрывать с таким перевесом, как если бы боролся весь коллектив сборной СССР».

Мы знаем, что махи на коне наиболее уязвимое место Муратова, и на этом снаряде многоопытному Штальдеру удалось было опередить москвича. Но первый успех швейцарца был и последним.

На кольцах Штальдер не сумел дотянуть стойки на кистях, и это стоило ему целого балла, в то время как Муратов сумел уйти далеко вперед. Дистанция в один балл, разделявшая теперь соперников, на таком большом соревновании почти что непреодолима. Не столько сила отставшего, сколько надежда на случайный срыв

Перед соревнованием неплохо посоветоваться с более опытным мастером. На снимке (слева направо): В. Чукарин и В. Муратов. Оба они стали в 1954 году абсолютными чемпионами мира по гимнастике.

ушедшего вперед — вот что только могло бы помочь Шгальдеру ликвидировать образовавшийся просвет.

Обозреватель западногерманской газеты «Франкфуртер альгемайне Цейтунг», наблюдавший эту борьбу, не мог скрыть своего восхищения перед молодым представителем советской гимнастики, который не показал, по его мнению, каких-либо слабых сторон в соревновании и с каждым новым упражнением только повышал свое мастерство, выступая с «необъяснимой уверенностью».

Швейцарец добился все же больших успехов, получил хорошие оценки за вольные упражнения, опорные прыжки, выступление на перекладине. Но он не мог превзойти Муратова, набравшего за день наибольшую сумму баллов.

Хотя одна из западногерманских вечерних газет и утверждала, что своим неудачным выступлением на кольцах Штальдер «открыл путь к победе представителю СССР Муратову», французская «Экип» и другие органы печати указывали, что, даже не допустив этой ошибки, Штальдер не мог бы надеяться на победу над Муратовым.

В одной из газет можно было видеть снимок Муратова и американского гимнаста Джона Беккера. «Спорт ломает все разъединяющие стены, — читаем мы в подписи. — Джонни Беккер и русский гимнаст Муратов за беседой. Они беседуют при помощи рук и ног».

Муратов не только победил всех своих соперников, но и весь бурно аплодировавший ему зал и даже расчувствовавшегося бургомистра, который обнял в конце турнира нашего гимнаста.

Так закончилась эта проба сил!

...«Который это час, хотел бы я знать?» — спрашиваю я себя, уловив гулкий удар колокола Спасской башни. Один, и перед этим тоже один. Как поздно, однако! Час, если не половина второго. Давно уже прошли под окнами гостиницы последние зрители из филиала Большого театра. Я долго лежу, закрыв глаза, но сон не приходит, а в голову лезет всякая чушь. Вот лезет же, и никак не выставишь ее. «Полно тебе, Виктор! Засыпай. Пора!» — уговариваю я себя. Тщетно... Словно какая-то неподвластная мне сила извлекает из кладовых памяти события, мелькающие, словно кадры кино, которые привычка к самоанализу останавливает, обсуждает, продумывает.

Похоже, что, разделившись на наблюдателя и исполнителя, я со стороны, с балкончика динамовского зала, наблюдаю за самим собою. Вспоминаю шаг за шагом весь тот злосчастный день, когда мне пришлось оборвать незаконченное упражнение, чувствуя, что нет сил заставить себя снова подойти к коврику. Что это

было?.. Не ладилось новое упражнение? Побаливала рука? Не то! Совсем не то!

Нынешний, 1954 год для нас, гимнастов, — год нашего первого выхода на арену розыгрыша первенства мира. Мы в Москве. Мы разучиваем здесь новую для нас программу. И вот сейчас в темном номере гостиницы мне представляется знакомая по динамовскому залу дорожка: серая с зеленоватыми полосками. Фарватер, по которому курсирует гимнаст. Я начинаю разбег. Ведь сегодня, подготавливая новые прыжки, я сбросил лонжу, которая охраняет спортсмена, как спасательный пояс пускающегося в бурное плавание. Я бегу, набираю скорость для прыжка и следующей за ним серии фигур «высшего пилотажа», где тело ввинчивается в воздух и выполняет мертвые петли, словно оно обрело крылья. И в этот миг, собранный, целиком ушедший в себя, я не то чтобы увидел, нет, только ощутил тень, перебегающую дорожку. Не успевая даже подумать, что это, мгновенно выключаюсь из полета, чтобы, извернувшись, как изворачивается кошка, опуститься на колени.

«Удачно приземлился», — бросили мне товарищи, пробирая того, кто прервал меня. Удачно ли? Ведь с этого именно момента я и впрямь «приземлился». Не мог глядеть на снаряды. Не испытывал больше той мышечной радости, которая охватывает всего тебя, когда, вдоволь наработавшись, покидаешь зал.

«Раскоординация», — сказал один из тренеров. «Перетренированность», — предположил другой. «Острое нервное истощение», — ставит диагноз врач. «Освободить от тренировок», — написал после раздумья руководящий товарищ.

И я вернулся домой во Львов. «Багажик поднести?» — «Спасибо, не надо». И почти вслух подумал: ведь тот груз, что тяготит меня сейчас, никому, кроме меня самого, и не поднять! И я ехал по весеннему Львову, подавленный, озабоченный, и, бросив рассеянный взгляд на монумент Адама Мицкевича, где крылатая муза венчает поэта, с невольной грустью подумал: «А мне? Кто же вернет мне потерянные крылья?»

Время ответило на мой вопрос. Если начало нового,

1954 года, о котором идет речь, было столь минорно, то конец его прозвучал для меня торжественными фанфарами. За один год я получил шесть званий чемпиона на первенствах: республики, Союза, мира, не говоря уже о тех четырех титулах олимпийского чемпиона, которые сохраняются за мной вплоть до 1956 года.

«Есть еще порох в пороховницах! Не иссякла еще силушка казацкая, не оскудело и мастерство мое, хлопцы!» — мог бы сказать я и всем тем, кто съехался на встречу гимнастов в новом белоколонном зале в Сухуми, где разыгрывалось весеннее первенство страны; и тем, кто был на олимпийском стадионе в Риме, где состоялся мировой чемпионат; и тем, кто выстраивался на невиданном, размером с Красную площадь, войлочном ковре, которым накрыли в день парада физкультурников все футбольное поле динамовского стадиона.

А в начале этого года я целые две недели и близко не подходил к гимнастическим снарядам, пока тоска, проснувшаяся во всем теле, не погнала меня обратно в зал. Это был голод спортсмена по тому впитавшемуся в каждую клеточку его организма укладу жизни с упорными буднями тренировок, волнением соревнований, радостями побед. Нервное истощение — результат перетренированности, утомления — прошло. А ведь без силы в нервах нет и силы в мышцах.

Где-то внутри, в глубинах, на дне сознания, все эти дни, когда я в фартуке красил батареи, или вел проводку в новой квартире, или бродил по улочкам старого Львова, день за днем обрывались листки календаря, и все меньше оставалось до листка, на котором стояло: «Июнь 27». Я помнил, что в этот день откроется первенство мира, знал, что к этой дате должен закрыть свой больничный бюллетень и, опустив руки по швам, занять место участника, капитана и парторга сборной СССР.

Вот и Сухуми, где в этом году разыгрывается весеннее первенство Союза. Белые домики, взбегающие по склонам гор, и море, катящее вал за валом совсем рядом с тем залом, который спешно докрашивают к нашему приезду. Кто-то, увидев списки и не зная, что судьей на соревнования едет не Чукарин, а Чукарина,

успел сказать всем: «Чукарин в соревнованиях не участвует. Будет только судить». Но соболезующие взоры сменяются удивленными, когда я подхожу к брусьям, чтобы из стойки на кистях взметнуться в сальто и прийти в это же положение стойки на руках.

Мы собираемся в приморском городке не только разыграть первенство страны, но и провести смотр своим силам перед приближающейся поездкой в Рим. В «вечном городе» мы увидим не только памятники великой империи античного мира, но и лучших гимнастов всех стран. Все те, кто проиграл нам в Хельсинки, приложат все силы, чтобы отыграться в Риме. Значит, и мне нельзя больше оставаться во втором эшелоне. Мое место на переднем крае нашего спортивного фронта.

Оценки убеждают, что я вправе встать в строй, ведь строгость и спортивная честность наших судей общепризнана и деятели Международной федерации, наблюдая соревнования в Ленинграде в 1953 году, публично заявили: судейство и организация заслуживают высшей оценки — «10».

В Сухуми по сумме баллов я обгоняю Шагиняна и Шахлина: у меня два первых места, одно второе и одно третье — пять призовых мест.

Можно укладывать чемоданы для поездки в Рим. Счастливо оставаться, Петр Тимофеевич, Клабочка и ты, дочурка Вика! Пожелайте папке: «Ни пуха ни пера!»

Большой советский самолет, на борту которого находилась наша команда, пронесся над зелеными холмами и оживленными улицами родного мне Львова, где, волнуясь, будут ждать вестей от меня. В Вене пересаживаемся на итальянский экспресс и за пограничной станцией альпийского перевала Тарвизио после спуска по склонам, поросшим елью и сосной, едем к равнинам Италии. Недолгая стоянка в Венеции, высокие шпили храмов области Венето, холмы Тосканы. Возделан каждый клочок земли. Бегут виноградники, огороженные низкорослыми деревцами, между которыми вьются на проволоке виноградные лозы. Поезд, обдавая нас дымом, то и дело ныряет в многочислен-

ные тоннели. В Рим приезжаем в вечерних сумерках и размещаемся в большом «Резиденц паласе».

Утром по дороге в спортивный зал Технического училища оглядываем окрашенные в яркие цвета фасады домов. Много зелени. Ставни всех окон приспущены. Сейчас самое жаркое время года, и их открывают только на ночь.

Нам оставалось провести шесть тренировок. Поэтому не тратим много времени на раскачку, а после разминки занимаемся во всю силу.

За день до начала соревнований на одной из площадей Рима происходит церемония открытия. Кто-то из наших соперников, оглядев терпеливо стоящие под палящим солнцем команды, удивленно восклицает: «Сегодня русские уже выиграли!» Почему так? Ведь наша команда вступит в соревнования только послезавтра, на второй день первенства. Ах, вот в чем дело! Ни один из наших гимнастов основного состава не присутствует на церемонии. В форме советской команды стоят на раскаленной площади наши тренеры, судьи, слушая речь президента Международной федерации графа Гобле д'Альвиэлла, завершившуюся тем, что уважаемый президент упал, сраженный солнечным ударом. Этот тактический маневр наших тренеров помог нашим гимнастам сохранить силы, нужные для борьбы.

С площади главного в итальянской столице вокзала Термини мы еще не увидели того Рима, каким он представлялся нам. Здесь перед нами были провинциального облика здания, небольшой сквер, изрядно потрепанные трамвайчики.

Но мы пользуемся каждым «окном» в расписании, каждым свободным часом, чтобы побродить по городу, давшему свое имя одной из величайших империй античной древности. Ведь уже три тысячелетия назад люди поселились на Палатинском холме над водами Тибра. А тысячу лет назад в Риме жило более двух миллионов человек.

Неподалеку от современных спортивных сооружений можно видеть и «стадион» эпохи Рима. Это расположенный в котловине Колизей (от латинского слова

«колоссео» — колоссальный), воздвигнутый около двух тысяч лет назад. До пятидесяти тысяч зрителей вмещал этот амфитеатр, в который ведет восемьдесят входных арок. Подходя к Колизею, видишь вначале лишь хаотические нагромождения обломков мрамора и туфа, но достаточно подняться на высоту третьего яруса, чтобы перед тобой открылось гармоничное, несмотря на свои размеры, строение.

Отсюда, из отделенных один от другого ярусов, из-под огромного полога наблюдали за спортивными зрелищами император, его сенаторы, жрецы, полководцы. Известно, например, что в день тысячелетия Рима на арену вышла для борьбы тысяча пар гладиаторов, здесь было убито в этот день 32 слона, 10 тигров, 60 львов.

Мы видели развалины знаменитых терм, которые были для Рима не только банями, но и спортивными клубами. В известных по литературе термах Каракаллы расположен теперь театр под открытым небом.

Поэтичное название одной из площадей старого города — Кампо деи Фьори, что значит «Поле цветов» — не гармонирует с тем, что долгие годы она была местом казней. Здесь, где теперь шумит овощной базар, был сожжен на костре великий мыслитель Джордано Бруно, чья бронзовая статуя высится на площади.

На высоком правом берегу Тибра темнеет огромная округлая башня замка святого Ангела — сооруженный в первом столетии нашей эры мавзолей императора Адриана, украшенный статуей ангела с мечом.

Нас, выросших в трудовой атмосфере Советской страны, поражает в Риме обилие монахов. Их здесь полно. Стоячие чепцы монахинь. Разноцветные рясы монахов и их похожие на дамские шляпы с широкими полями. Позвякивающие опереточными алебардами солдаты в средневековых панталонах. Неприметные, с наглухо занавешенными окнами и зоркими привратниками здания духовных колледжей. Все это лишь внешние проявления того государства, которое расположилось на правом берегу Тибра. Его территория — это сорок четыре гектара. Численность населения — тысяча человек. Состав вооруженных сил — триста полицейских и солдат. Имя ему Ватикан.

Вот и олимпийский стадион, на котором, кстати сказать, из-за войны так и не состоялось еще ни одних Олимпийских игр.

27 июня 1954 года. Семь часов вечера. Серебристые голоса фанфар и прозвучавший за ними «Ломбардский гимн» Джузеппе Верди возвещают об открытии XIII первенства мира по спортивной гимнастике. В порядке латинского алфавита проходят по стадиону вслед за колонной итальянского института физического воспитания команды наций. Весьма «скромно» представлены в параде спортсмены США, их колонна состоит всего из двух гимнастов, ни одна спортсменка этой страны не рискнула приехать в Рим.

В дышащее нестерпимым жаром безоблачное небо унеслись бенгальские огни цвета пяти олимпийских кругов.

Особенно много биноклей и лорнетов устремлено на группу спортсменов, которая в соответствии с порядком латинских букв идет одной из последних — «URSS» — «СССР». Вслед за стройными гибкими гимнастками шагают восемь спортсменов, все как на подбор. Кое-кого зрители помнят по XV Олимпийским играм — Гранта Шагиняна, Евгения Королькова, Валентина Муратова. Остальные еще неизвестны. Это новое пополнение, представленное гимнастами Украины и Армении, Урала и Грузии — Борисом Шахлиным и Альбертом Азаряном, Иваном Востриковым и Сергеем Джаиани.

Турнир лучших гимнастов мира открыт, и хотя, как уже говорилось, в этом виде спорта не регистрируют рекордов, обозреватели уже отметили «рекордное число команд, оспаривающих первенство». Они представляют двадцать четыре страны (на прошлом чемпионате их было только шесть!).

На этот раз жеребьевка в нашу пользу. Мы вступим в соревнование лишь на второй день после главных своих конкурентов — гимнастов Западной Германии, Швейцарии, Японии. Будем, следовательно, иметь ориентир для борьбы.

За день до нас начали соревнования наши гимнастки. Утром они лидировали. Но наступившие сумерки не

дали команде Венгрии закончить свое выступление. Поэтому результаты остаются неясными до утра.

Два дня — церемония открытия и первые соревнования — миновали. Сегодня наш старт!..

Было ровно семь утра, когда плечистый свердловчанин Иван Востриков вынес на помост алое знамя и мужская команда Советского Союза, как всегда, соблюдая безупречное равнение, выстроилась у перекладины. Гимнасты в кремовых костюмах и тренер сборной Александр Семенович Мишаков, занявший положенное ему место у снаряда, сдержанны, внешне спокойны, и только устремленные на турнир глаза да тени, словно легкая зыбь, пробегающие по лицам, выдают волнение. Оно и понятно! Вспомним Хельсинки: мы не взяли тогда на этом снаряде ни одной медали, проиграли не только швейцарцам, но и финнам и западным немцам. В зачетную шестерку вошел тогда лишь один советский гимнаст, автор этих строк. Остальным пришлось довольствоваться десятками, двадцатыми местами и даже тридцать восьмым.

Что же помешало нам выступить более удачно? Заставило ограничиться двумя очками, хотя на других снарядах мы брали по восемнадцать и двадцать?

По установившейся у нас традиции мы выполняли большие обороты («солнце») медленно, в идеальном прогибе. Такую манеру выполнения больших оборотов культивировали наши тренеры. Иной стиль, стремительный и динамичный, предстал перед нами на арене олимпиады, где было поздно перестраиваться.

Что же показали нам новый олимпийский чемпион Гюнтхард (Швейцария) или поделившие второе-третье места Шварцман и Штальдер? Быстрый темп оборотов. Резко сгибаемая и так же резко разгибаемая туловище с одновременным рывком грудью, гимнасты набирали ту инерцию, то поступательное движение, которое позволяло им заканчивать свои упражнения эффектными соскоками, высоко взлетая над перекладиной или выполняя сальто в прогибе. Без скорости таких движений не выполнишь. А после стремительно раскручивающихся оборотов гимнаст взлетал, будто выброшенный катапульты. Эта истина, давно известная масте-

рам советского цирка, была воспринята нами с запозданием.

Неудивительно, что в Риме и зрители, и особенно судьи, и соперники, хорошо помнившие не только наши успехи, но еще лучше наши неудачи на олимпиаде, с нетерпением поджидали нашего дебюта на перекладине. Иные уже предсказывали победу в этом виде швейцарцам, которые в Хельсинки заняли три призовых места из шести.

Первый подход Вострикова. Его сильная, массивная на вид фигура обретает неожиданную легкость и стремительность, когда он точно, хоть выверяя циркулем, подняв под углом в 45° выпрямленные ноги, взлетает над перекладиной и кружит и кружит вокруг рук, а потом описывает еще и еще обороты над вздрагивающей стальной осью. По единому для всех параграфу обязательной части программы выступление завершает «соскок согнувшись». Можно, конечно, выполнить его, соблюдая букву параграфа, и только. Востриков — молодой гимнаст, его не было в нашей команде в Хельсинки. Но и он, не нарушая правил, в тот миг, когда его тело взлетает над снарядом, добавляет к замирающей на мертвой точке инерции полета почти неуловимый рывок и снова взмывает ввысь.

То, что в других командах под силу только лидерам, у нас выполняет любой, тот же Востриков, которого репортеры уже успели окрестить «русским богатырем».

«Ваня — молодцом! Сразу тон задал», — мелькает у меня, недвижно стоящего в шеренге и тихонько, но непрерывно пошевеливающего пальцами. Надо же было случиться такому!.. К тому же на первом опробовании, когда, по сути дела, и соревнования не начались. Как же все это произошло? Я уже заносил ноги над перекладиной. Готовился перехватить руку... И тут выпрямленным пальцем резко ткнулся в металл. Вот и все! Быстро вправил сустав. Пошевелил пальцем. Больно, конечно. Но в общем, кажется, терпимо. Обиднее всего то, что это именно средний палец. Еще с детской поры, по тому «снаряду», ржавому лому, ко-

торый мы с братишкой Павликом укрепляли между старым вязом и стеной сарая в Мариуполе, помню, что можно отпустить почти все пальцы и держаться только на среднем и большом.

На других соревнованиях я имел бы право сойти с конкурса. Но здесь... Нет, здесь не позволю себе даже думать об этом. Можно ли уходить в тыл с направления главного удара?

В Риме нам предстоит борьба по строгим законам первенства мира. Не наберешь 96 очков из 120 возможных в многоборье, тебя не примут во внимание даже в перечне результатов по отдельным снарядам. Оставивший без разрешения судьи команду не может вернуться обратно.

Востриков получил «9,6»! Плохо ли для первого международного, можно сказать, мирового дебюта молодого гимнаста? На десятую больше у Бориса Шахлина, на две десятых у Валентина Муратова.

В том же подчеркнуто строгом равнении команда СССР покидает помост. В первый день, когда мы еще не включались в борьбу, лучше всех выступал на перекладине Банц — 9,75 балла. Кое-кто, помня наши неудачи на этом снаряде, поспешил объявить Банца и всю команду Западной Германии возможной победительницей в этом виде. Но оценка Муратова — «9,8» — сразу же показала, что мы и здесь укрепили свои позиции.

Вслед за первым нашим успехом на перекладине (впереди были не только лучшие, но и, так сказать, рядовые участники команды) шли вольные упражнения и затем кольца. В упражнениях на кольцах Муратов, Корольков, Чукарин получают по 9,8 балла. После трех снарядов ведет советская команда — «58,4». Ближайшие к нам — японцы — набрали только «55,9».

Хороши, нет слов, швейцарцы, особенно, как и в Хельсинки, их лидер Иозеф Штальдер. Но, пожалуй, дальше всех продвинулись после XV олимпиады западные немцы и еще больше японцы. Недаром они долгое время тренировались в Хельсинки при закрытых дверях. Недаром на тренировках советских гимнастов в Финляндии перед Олимпийскими играми от

скамей, где рассаживались не пропускавшие ни одного нашего занятия японцы, словно от роившихся пчел, неслось непрерывное жужжание. Это работали портативные кинокамеры. И гимнасты Страны Восходящего Солнца извлекли урок. Помнится, тогда, делая классическое для колец упражнение «крест», ни один из них не мог удержаться на выпрямленных руках. А теперь?.. Держатся по четыре, по пять секунд, хоть выверяй по хронометру. К тому же в Рим японцы прислали больше гимнастов, чем в Хельсинки.

Методично, со скрупулезной точностью повторяют японцы движения наших гимнастов, старательно скопированные по кинокадрам. Но Такемото, Оно и их соотечественникам невдомек, что соревнуются-то они со вчерашним днем. Он ушел. Канул в небытие. Перед ними на помосте мастера советской школы гимнастики вовсе не 1952, но 1954 года.

Удивительно ли, что на больших международных соревнованиях, где перевес исчисляется обычно десятками долями, наши гимнасты на целых два с половиной балла обходят японскую команду и репортеры спешат уже сообщить о «пропасти, которая отделила русских от всех остальных».

Так, уверенный в своих силах стайер делает неожиданный для соперника рывок, и вот уже идущий по соседней дорожке бегун видит перед собой удаляющуюся спину соперника, и нет уже силы, которая позволила бы сократить просвет.

На брусьях никому не только из иностранцев, но и из наших гимнастов не удается догнать меня — «9,85». Грант Шагинян бесспорно первенствует в махах на коне — 9,6 балла. И так почти по всем снарядам. Но только второй день определяет, кто же будет победителем на каждом снаряде. Бывает так, что гимнаст, оказавшийся вторым и в обязательной и в произвольной программе, выходит на первое место, если кто-то из его соперников, лидирующий в первый день, неудачно выступит во второй. Таковы причуды гимнастической фортуны.

Первый день соревнований по обязательной программе подходит к концу. Мы перевыполнили то, что

намечали. Каждый из восьми участников команды вошел в десятку сильнейших всего турнира гимнастов.

Итак, старт взяли неплохо. Остается удержать набранный разбег до финиша: ведь после одного дня мужская команда СССР только по обязательной программе на десять с лишним баллов (!) обошла коллектив Западной Германии, чьи гимнасты лидировали до той поры, пока мы не вступили в борьбу.

Второй день борьбы. Начинаем с произвольных упражнений на кольцах.

Возбужденный гул пробегает по трибунам, когда на помост выходит рослый гимнаст с вздувающимися при каждом движении выпуклыми мышцами атлета, темной шапкой непокорных волос и белозубой улыбкой, которая играет на его лице даже в тот момент, когда спокойно, кажется вовсе не торопясь, не напрягаясь, выполняет он считавшиеся невыполнимыми движения и, словно не удовлетворяясь сделанным, добавляет новые и новые, еще более трудные переходы и равновесия. А улыбка, по-детски простодушная и радостная, говорит: «Видите, каких молодцов растит наш советский спорт! Гляньте, кем стал у нас бывший молотобоец Альберт Азарян из Ленинакана!»

И действительно, азаряновский «крест» на кольцах с отведенными — одна вперед, другая назад — руками не смог бы воспроизвести никто другой, кроме него самого.

«9,95» — выводят оценку судьи. Без малого триста гимнастов и гимнасток съехалось в эти дни в Рим с разных концов света, и не нашлось среди них ни одного и ни одной, кто бы не только превзошел, но хотя бы повторил отметку, которую выставили Азаряну строгие экзаминаторы. Впрочем, стадион ответил на это недовольным гулом: «Мало!» Лишь один из судей, не будем называть его фамилии, нашел возможным оценить выступление Альберта в 9,7 балла.

За все дни этого гимнастического турнира наций ни одному из его участников не посчастливилось получить «десятки». Судьи были предельно строги, но эта строгость распространялась в равной мере на всех участников.

Итак, после соревнований на кольцах три гимнаста с гербом великой Советской державы займут все три места на постаменте почета. Оценка по сумме обязательных и произвольных у Альберта Азаряна — «19,70», Евгения Королькова — «19,55», Валентина Муратова — «19,50». Мы можем принести наши поздравления силачу Альберту, пожать его поскрипывающие от магнезии руки. На его смуглых щеках играет возбужденный румянец. Глаза горят. Привет новому чемпиону мира!

С отличающей его элегантностью выступает Грант Шагинян на «упрямом коне». Недаром стиль Гранта называли «классическим». В руках Гранта конь подчиняется каждому порыву гимнаста, и среди многих тысяч присутствующих только представитель швейцарской команды неожиданно апеллирует к судьям: не ошиблись ли они и не слишком ли высоко — в 9,7 балла — оценили Шагиняна? Не довольно ли с него «9,5»? (В этом случае вперед вышел бы швейцарец Штальдер.) «Нет!» У судей, а в их числе представители Югославии, Австрии, Швеции, дипломатическая акция швейцарцев не встречает поддержки. Швейцарский представитель пытается тогда кассировать решение, используя свой авторитет главы судейской коллегии. Не помогло! Члены технической комиссии также единодушно отклоняют протест. Золотую медаль по праву получит Шагинян, земляк силача Азаряна.

Наступление продолжалось.

Обозреватель миланской «Гадзетта делло спорт» так писал о выступлении советских гимнастов на коне: «Русские преградили путь своим противникам и заняли командные посты... Когда судьи оценивали выполнение ими упражнений на коне, публика свистела потому, что решения судей в отношении русских показались ей слишком суровыми. Этот факт может свидетельствовать о том, насколько превосходит стиль и как сильны гимнасты, которые играли ведущую роль в Хельсинки».

«Унита» сообщала: «Победа советских спортсменов не вызвала особого удивления. Это можно было предвидеть в самом начале, так как превосходство совет-

ских гимнастов во всем мире совершенно очевидно. На всех снарядах советские гимнасты проявили свои способности и неоднократно вызывали аплодисменты зрителей. Но они особенно потрясли зрителей своими упражнениями на коне и кольцах, где были показаны первоклассная точность и изумительная ловкость. Трудно установить, кто из советских гимнастов самый лучший, ибо все они работают на снарядах с большой свободой, ловкостью и самообладанием, которые, безусловно, являются результатом деятельной, внимательной и с любовью проведенной подготовки».

Прошли опорные прыжки.

Под зорким, настороженным взглядом тренера подхожу к брусьям последним из участников советской команды. Привычным движением кладу белые от магнезии ладони на жерди и молча, одними глазами отвечаю тренеру, заботливо глянувшему на мою руку: «Порядок, Александр Семенович! Неужели же я, Чукарин, могу отстать от товарищей по команде?»

Мишаков начеку, он готов подстраховать меня, спасая травмированную руку. Скопив глаза, я вижу безобразно раздувшийся палец. Врач команды Янина Карловна Гринкевич уже ввела порцию хлорэтила. Я побаиваюсь: что, если переохладится сустав? Потеряет чувствительность. Не замечу, что не держусь более за снаряд? Мишаков, конечно, поддержит меня в случае чего, но и только! Правила Стокгольмского конгресса 1949 года гласят: тренер может быть рядом со снарядом, «чтобы предотвратить могущий произойти несчастный случай, но не имеет права оказывать помощь при исполнении упражнения».

Впрочем, она и не понадобилась. Мне удастся точно, без единого отклонения выполнить весь комплекс задуманных комбинаций. Из упора стремительно ныряю, как бы проваливаюсь, под брусья, чтобы взлететь над ними опять, отпустив руки, очертить упругое сальто высоко над снарядом и точно опуститься руками на жерди, кувыркнуться, будто под тобой расстеленный коврик, а не узкая, в обхват, жердина, и новым сильным сальто, где натянутой тетивой от затылка до пяток прогнуто все тело, завершить выступление.

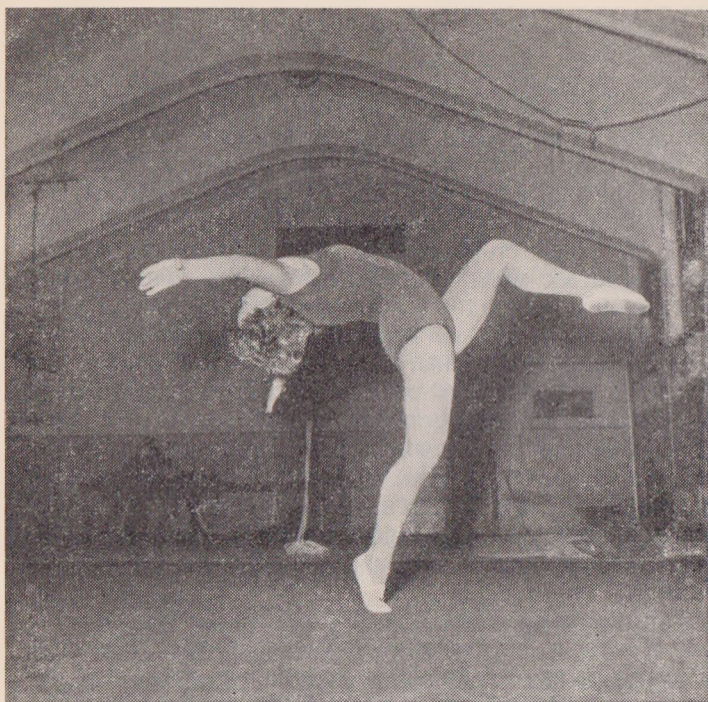
Когда, подтянутый, чеканным шагом гимнаста советской выучки прохожу вдоль шеренги, Востриков молча поднимает палец: «Выполнил, дескать, Виктор, на большой!» Также молча показываю на другой, выбывший из строя средний палец. Но нет, оказывается, куда выше среднего! Оценка на брусьях, которые считаются моим коронным снарядом («19,6»); оказалась «потолком», которого так и не достиг ни один из гимнастов. И под одобрительные возгласы зрителей еще один чемпион мира — автор этих строк — встает в строй.

Пусть трибуны заполнили специально съехавшиеся из Западной Германии или Швейцарии болельщики (чуть ли не две тысячи немцев и восемьсот швейцарцев), звоном колокольчиков, скандированием фамилий встречающие «своих». Итальянский зритель, сам того не подозревая, подтвердил известную русскую поговорку о том, что встречают по одежке, а провожают, как знает наш народ, по иному признаку.

Уход молодого, но зрелого мастерством Муратова, полного жизни Азаряна, изящного и вместе с тем сильного Шагиняна сопровождают возгласы: «Фантастика!», «Прима!» — и такие овации, что какая-то из итальянских газет ставит на вид своим соотечественникам недостаток патриотизма. Они, видите ли, приветствуют русских куда более восторженно, чем свою национальную команду.

Впрочем, сама же итальянская печать отмечает по ходу соревнований, что своим успехом гимнасты СССР и стран народной демократии обязаны тому, что у них «имеется определенный метод работы и воля к победе» («Коррьере делло спорт»). Газета «Унита» указывает: «Итальянцы не пошли далее обычной подготовки, которая, однако, не может удовлетворять наших спортсменов. За период, прошедший со времени соревнований в Хельсинки, мы не можем отметить улучшений ни в области техники, ни в тренировке».

Турнир лучших гимнастов мира был отмечен одной неожиданностью... По прогнозам обозревателей, на титул абсолютного чемпиона мира, кроме меня, могли бы претендовать Штальдер (Швейцария), Такемо-

Абсолютный чемпион мира Г. Рудько.

то (Япония) и, пожалуй, Банц (Западная Германия). Но за два месяца до встречи в Риме наиболее проницательные спортивные журналисты занесли в свои блокноты еще одну фамилию: «Муратов».

В июле 1954 года на олимпийском стадионе в Риме сидевшие на источавших жар бетонных трибунах (+55°!) зрители, и гимнасты, руки которых опалил накалившийся металл снарядов, и «люди с отточенными карандашами» — судьи — стали свидетелями того, как два мастера, представлявших одну страну, разыгрывали между собой звание первого гимнаста мира. Это я и Муратов, под стать которым были, впрочем, и наши товарищи по команде.

Расскажу о том, как развернулось наше личное единоборство.

Уже пахнуло вечерней свежестью, и звезды зажглись над замком Ангела, когда судьи захлопнули заполненные цифрами папки. В первый день нашего выступления по обязательной программе я был впереди Муратова на пятнадцать сотых балла. Что-то покажет второй день, завершающий, решающий наш спор? На моей стороне опыт, его подтверждали тридцать золотых медалей, полученных не только дома, но и на международных встречах. Муратов много моложе, что, впрочем, не помешало ему стать абсолютным чемпионом страны. Теперь здесь, в Риме, два гимнаста в борьбе, в совместных дружных усилиях завоевывали первое место своей команде и вели вместе с тем мирное соревнование за каждую десятую, каждую сотую балла. Так на беговой дорожке равным по силам атлетам удается по временам оторваться одному от другого, но на рывок одного неизменно следует ответ второго, и вот уже снова идут они плечом к плечу.

Так и здесь: чаша весов колеблется весь второй день. То после двух снарядов уходит вперед Муратов, то в другом виде я набираю упущенные десятые и сотые доли балла. Если можно было заранее безошибочно назвать команду-победительницу, то судьба личного первенства оставалась неизвестной вплоть до самого конца турнира гимнастов. Кто? Чукарин или Муратов?..

Легкий подскок, сильный мах — и Муратов взлетает над перекладной. Не только зрители, но и все свободные участники соревнования спешат увидеть, что же покажет русский мастер. Знатоки одобрительно покачивают головами, обращая внимание на широкую амплитуду его движений, на те «связки», которые помогают гимнасту нанизать одну на другую сложнейшие комбинации. Под стать всему и соскок, когда после больших кругов, отпустив руки под турником, гимнаст как бы подкидывает самого себя и, расставив широким циркулем ноги, стремительно проносится над снарядом.

Муратов ведет. Он показал себя первым на том снаряде, по которому еще в Хельсинки был всего лишь девятым. Трудолюбие, упорство и воля — вот что прокладывало ему путь к только что полученному званию чемпиона мира по упражнениям на перекладине. Неудивительно, что западногерманская «Гамбургер анцейгер» под заголовком «Русские завоевали Рим» сообщила: «Весь стадион сидел, затаив дыхание, когда Азарян выполнял упражнения на кольцах. Стадион рукоплескал, когда Муратов проделывал смелый соскок с перекладины».

Каков же теперь, после пяти снарядов, счет нашего личного единоборства? Вплоть до перекладины я был впереди, набрав больше баллов и на брусьях и в махах. Но не таков Муратов, чтобы сложить оружие. Он получает больше меня на кольцах и особенно в прыжках. Перед его подходом к перекладине у меня перевес лишь в две десятых. После нее?.. Как и следовало ожидать, Муратов получает отличную для международного турнира оценку — 9,9 балла. Теперь мы идем вровень.

Быстро, почти без сумерек опускается густая южная ночь. Остался лишь один вид — вольные упражнения, выполняя которые гимнасты то щурятся под лучом прожектора, то, сделав стремительный прыжок, упираются в стену теней. Но это не беда! Настроение самое боевое! Ведь в нашем строю уже четыре чемпиона мира!

Но кто же будет впереди?

«Не придется ли судейской коллегии срочно чеканить к утру еще одну медаль абсолютного чемпиона?» — гадают на трибунах.

В вольных упражнениях Муратов, блеснув серией сложнейших фигур, делит звание чемпиона с японцем Такемото. Реванш взят: золотые медали по всем видам, проигранным нами в Хельсинки (перекладина, брусья, вольные), наши! Соревнования закончены, но зрители не расходятся, напряжение не спадает. Сейчас судьбы подведут итоги, определят сильнейшего среди сильных.

И вот арбитры сводят баланс и скрепляют его своими подписями. «Экс экво!» — торжественно раздается из-за стола судейского ареопага («Равные результаты!»). Небывалый в истории гимнастики случай: два спортсмена одной страны — Валентин Муратов и Виктор Чукарин — набрали в многоборье одинаковое количество баллов. Мы оба объявлены абсолютными чемпионами мира. Родину, которую по мере сил представляли мы за рубежом, и нас самих венчают лавры двойной победы. Чемпионом мира стал и каждый из товарищей по команде.

А наши спортивные трофеи?.. Гимнасты и гимнастки Советской страны завоевали тридцать (!) золотых медалей и только четыре пришлось на долю остальных двадцати трех стран! Таких внушительных побед добивались до сих пор за рубежами, кажется, только наши шахматисты. Если в Хельсинки мы оторвались от ближайшей команды на 6,8 балла, то в Риме довели свой перевес до 16,6. Такого счета не знало ни одно первенство мира. Вся восьмерка наших гимнастов вошла в десятку лучших. На Олимпийских играх только Шагинян и я сумели завоевать золотые медали по отдельным снарядам, в Риме мы стали чемпионами мира по пяти видам из шести.

Простое сопоставление полученных нами оценок в Риме и Хельсинки показывает, что как ни сильно двинулись вперед наши соперники, мы сумели противопоставить им еще более мощный наступательный порыв. В гимнастике решает, как известно, не абсолютная сложность избранных упражнений, но абсолютная точность их выполнения. Мы избрали правильный путь: только овладев классическими элементами, пошли дальше по пути самостоятельного творчества. Не показательны ли, что самые высокие оценки советским гимнастам выводили зарубежные судьи? Представители Западной Германии и Венгрии оценили работу Азаряна на кольцах десятью баллами, датчанин — «9,9», а наш судья — «9,8».

Если в Хельсинки по вольным упражнениям мы не были в числе лучших, то на первенстве мира мы обошли наиболее сильную из всех — японскую команду.

Четыре наших гимнаста — Валентин Муратов, Виктор Чукарин, Грант Шагинян, Сергей Джаиани вошли здесь в десятку сильнейших.

Японец Такемото, которого называли в числе главных претендентов на звание абсолютного чемпиона мира, оказался всего лишь пятнадцатым. Напомним, что и швейцарцы, бывшие на последнем мировом первенстве первыми и всей командой и в пяти видах многоборья, на сей раз не получили ни одной золотой медали.

Весьма красноречиво цифровое выражение борьбы сильнейших команд за первенство мира. Посмотрим хотя бы результаты соревнований по обязательной программе: 1. Советский Союз — 344,50; 2. Западная Германия — 334,40; 3. Швейцария — 333,65; 4. Япония — 333,60.

О чем говорят цифры? О том, что если мы обогнали ближайшую к нам команду больше чем на десять баллов, то просвет между командами, идущими следом за нами, измерялся десятками и даже сотыми долями балла. Недаром зрители, знающие наши возможности в произвольной программе, после первого дня утверждали, что русские уже недостижимы для всех остальных.

Так и оказался! Подведены итоги второго, решающего дня и всего турнира. Наша команда окончательно закрепилась на завоеванных высотах, и только среди тех, кто идет за нами, поменялись местами японцы и западные немцы: 1) — Советский Союз (сумма баллов по двум дням) — 689,90; 2) Япония — 673,30; 3) Швейцария — 671,55; 4) Западная Германия — 670,25. Если в обязательных упражнениях мы выиграли у следующей команды 10,1 балла, то в произвольных — 5,7, а всего 16,6¹. Напомню для сравнения, что на Олимпийских играх мы имели перевес в 6,8 балла — вдвое меньше!

¹ Советская команда выиграла по обязательной программе у гимнастов Западной Германии 10,1 балла, по произвольной 5,7 балла у японцев. Вышедшая на общее второе место команда Японии имела 673,3 балла, и, таким образом, советские гимнасты завоевали первенство с перевесом в 16,6 балла.

Не таилась ли причина столь убедительной победы в слабости наших противников? Ход напряженной борьбы опровергает это. Перед нами были, бесспорно, сильнейшие из гимнастов мира. Достойными соперниками показали себя, например, японцы, с которыми мы встречались только на XV олимпиаде, но после этого потеряли их из виду. В Хельсинки их было только пять, в Риме к знакомым нам Такемото, Кесака, Оно прибавились Коно и Ояма.

Очень хорошо был подготовлен их лидер Такемото, гимнаст очень гибкий, с хорошей прыгучестью, выразительностью движений. Такемото хорошо выступал на перекладине и особенно в вольных движениях, его ахиллесова пята — махи на коне, где он не достиг еще нужной ритмичности и уверенности.

Победу в упражнениях на каждом снаряде мы завоевывали упорным штурмом, набирая десятые и сотые доли балла, словно альпинист, метр за метром подвигающийся к заветной вершине. Швейцарцы преграждали нам путь к победе на брусьях и на коне. И нашего старого соперника Штальдера всего лишь на пять сотых опередили я и Шагинян. В вольных упражнениях (напомним, в Хельсинки три первых места заняли зарубежные мастера) нам противостояли японцы, и, в конечном счете, звание чемпиона Муратов разделил с Такемото. На перекладине Валентин Муратов выиграл первенство в трудном единоборстве с немцами (на XV олимпиаде мы были не ближе пятого места). В опорных прыжках чемпионом мира стал чех Соторник, а нам пришлось довольствоваться бронзовой медалью, которую получил Сергей Джаиани.

Трудно пришлось в Риме нашим гимнасткам. Жара. Под непривычным ярким, слепящим глаза солнцем оступается и падает с бревна Тамара Манина, которая не знала себе равных и в вольных движениях и в прыжках. Падают со снарядов Мария Гороховская, Полина Данилова. На третьем снаряде вывихнула руку Софья Муратова. И, таким образом, в первый же день команда лишилась вернейшей претендентки на абсолютное первенство.

Против фамилий наших гимнасток в судейских протоколах появляются зловещие нули. Казалось, победа уходит. Но кто же не знает, что победа не приходит сама, что за нее борются?

В борьбу вступает Галина Рудько (Шамрай). Давно ли мы в первый раз увидели ее, школьницу из Ташкента, на розыгрыше первенства страны. Мягкость и изящность движений, пластичность и какая-то особая жизнерадостность отличали ее. Иной раз всем кажется, хорош гимнаст — и силы вдоволь и техника отшлифована, а зритель остается неудовлетворенным. Скучно смотреть, если выступление спортсмена лишено жизнерадостности. А каждое движение Галины пронизано солнцем, улыбкой, радостью жить и творить. За это прощал ей зритель и технические ошибки и то, что блеснет она, словно легкий мотылек, в вольных упражнениях, а потом где-нибудь на прыжках теряет баллы.

Беда, которая угрожала команде, преобразила Рудько. Она нашла в себе силы, и волю, и то упорство, которое было необходимо в борьбе. Только 9,23 балла нужно было набрать на последнем снаряде венгерке Келети, и золотая медаль абсолютного первенства была бы в ее руках. Сильный разбег. Наскок на снаряд — и... Келети грудью падает на коня. Ноль! Новая попытка — и снова ноль!

Но счет еще не был завершен. Золотые медали в упражнениях на бревне и на брусьях достались гимнасткам Японии и Венгрии. Новая чемпионка мира японка Танака поразила весьма искушенных зрителей своими пируэтами на бревне, где она кружилась на носке не только на 360, но даже на 720°. В упражнениях с предметом коллектив венгерских гимнасток на полбалла опередил советских спортсменок. И мы, наблюдавшие за ходом борьбы, мысленно шептали: «А ну, девчата, не сдаваться! Нажми, Галина!»

И Галина, не так давно выступавшая среди второразрядниц, а в Хельсинки даже не попавшая в призовую шестерку (была на восьмом месте), «нажимала» изо всех сил. Она билась за каждую десятую, набирая те баллы, которые в других условиях уступи-

ла бы своим подругам по команде. Общий счет выводит молодую гимнастку на первое место.

Чемпионом мира стала и вся команда советских гимнасток.

«В соревнованиях между женскими командами большинство тренеров делало упор на внешний эффект движений, — читали мы в «Коррьере делло спорт». — Исключением были советские тренеры, которые прекрасно поняли всю ценность технически сложных упражнений. Даже в произвольных упражнениях русские явно отличаются от других гимнасток, и это хорошо, ибо иначе гимнастика слилась бы с танцами. Русские были лучше всех».

С первого же дня соревнований широко распространенная газета «Мессаджеро» отметила: «В соревнованиях женщин советская команда оправдала всеобщие предположения и идет впереди всех по обязательной программе. Как совсем молоденькие гимнастки, так и более старшие подруги оказались на одном техническом уровне и прекрасно владеют своим телом. Они выполняли свои упражнения с необычайной простотой, пластичностью и точностью».

На бесспорное превосходство советской женской команды указывает и миланская «Гадзетта делло спорт»:

«Советская команда привлекает большой интерес и вызывает восхищение зрителей. Советские гимнастки спокойны, хладнокровны, обладают прекрасным стилем и явно превосходят соперниц в выполнении упражнений обязательной программы».

Использовали ли мы все свои силы? Все возможности? Думается, что Альберт Азарян с его непревзойденной мощью мог бы получить еще более высокую оценку в упражнениях на кольцах. Сергей Джаниани и Борис Шахлин имели все шансы выиграть первенство мира по прыжкам. Валентин Муратов с его силой и изяществом в выполнении вольных упражнений мог бы обогнать Такемото.

В одном из своих выступлений государственный тренер по гимнастике Николай Кириллович Попов правильно заметил, что международные встречи не

только помогли нам освоить незнакомые правила и выправить недочеты в технике. Эти же встречи позволили зарубежным гимнастам самым внимательным образом присмотреться к арсеналу советской гимнастики, перенять наиболее ценное. Можно не сомневаться в том, что японские тренеры давно уже держат перед собой заснятые в Риме пленки, на которых запечатлены выступления советских мастеров и кадр за кадром расшифровывают и разучивают каждое движение. За три дня японцы засняли мешок пленки! Сказал же американский гимнаст Беккер, прощаясь в Риме с Валентином Муратовым, похлопывая по своей фотокамере: «Ты у меня весь тут!» Но ведь живой Муратов у нас, и трудно угадать, в какой мере помогут американцам его изображения.

И судей и тренеров зарубежных команд поражала не только совершенная техника, но и поистине марафонская выносливость наших гимнастов. Поучительный эпизод произошел на судейском семинаре в Риме, где уточнялось толкование правил турнира. Для демонстрации упражнений, которые оказывались предметом дискуссии, были выделены два итальянских гимнаста, швейцарец и от нашей команды Иосиф Бердиев и Борис Гайда.

Вернувшись с семинара, наш представитель в судейской коллегии первенства мира Николай Никифорович Миронов рассказывал: «Судьи уже признали, что наши спортсмены подготовлены лучше других. Ведь каждое спорное упражнение по нескольку раз повторяют перед нами гимнасты. Кого же вызывают чаще всех? Бердиева и Гайду. Трудно подсчитать, сколько раз пришлось им повторять упражнения. Судьи в один голос говорят: «Дьявольская выносливость!»

А ведь перед ними выступали те, кто был у нас в резерве.

Было с чем поздравить мне и моего тренера. Альпинист Собенко тоже достиг летом 1954 года новых вершин, но не символических, а вполне реальных. Это значительный успех сорокавосемилетнего спортсмена, победа, которая никак не становится меньше от того, что никто не видит добывающегося ее спортсмена. Ведь

в горах нет болеющих за тебя зрителей, и только холодный глаз парящего над вершинами орла взирает на подвиг восходителя.

Высшая оценка выступления гимнаста — «десятка». В альпинизме эта мера — «пятерка», маршрут пятой категории. Недавно и Собенко заработал первую свою «пятерку».

— Больше того, — отшучивался он в ответ на мое поздравление, — начал перенимать твой опыт, скрутил сальто — и где бы ты думал? — на гребне Западного Светгара, высота четыре тысячи сто пятьдесят метров над уровнем моря. Повыше твоего турника, пожалуй!

Их было трое участников этого восхождения, инструкторов альпинистского лагеря «Накра» в Сванетии, — волгарь Алферьев, генерал-директор речного флота и доктор наук; Романенко, судья международной категории, завкафедрой бокса в Киеве, и Собенко.

Остались позади пихтовые леса и нарзанные родники долин Сванетии. Мир холодных скал и вздыбившихся ледопадов встречает трех людей, кажущихся песчинками перед этими уходящими в небо великанами. Но у смельчаков, кроме острых, как штык, кошек, врубающихся в фирн ледорубов, и связывающей их легкой капроновой веревки, есть та сила, перед которой склоняют голову вершины — сила дружбы.

Из долин все выше поднимается липкий густой туман, и вот уже весь видимый мир утонул, растворился в колыхающемся мареве. Даже привычный зоркий глаз альпиниста не может различить знакомые гребни и отроги. И, продолжая свой траверс, сквозной переход по горному массиву, восходители проходят шесть с лишним вершин, пока, наконец, перед ними не возникает разрушенный ветрами и водами, опаленный молниями Светгар.

— Ты понимаешь, Виктор, — откладывает в сторону учебные планы Собенко. — С тридцать третьего года хожу в горах, не меньше сорока восхождений имею, а как поднимаешься на вершину, положишь на камень рюкзак да оглянешься кругом, всегда слова одного альпиниста старого времени вспоминаются: «Нет никакой возможности описать то величие, кото-

рое открывается отсюда. Хочется упасть на снег и целовать его от восторга, охватывающего тебя при виде этого грандиозного многообразия природы и беспредельного величия ее... Увидев раз эту картину, нельзя забыть ее во всю жизнь... Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Им овладевает такое чувство восторга, описать которое — сверх человеческих сил...»

— Кто это писал, Петр Тимофеевич?

— Это из очерка. Был он напечатан еще в 1910 году в кавказской газете «Терек» и подписан «С. Мионов». Знаешь, кто это?

— Честно говоря, нет.

— Сергей Миронович Киров!

А про сальто Собенко рассказывает с явной неохотой:

— Есть о чем говорить. Сорвался с гребня камень, обломок гранита, с твой гардероб будет. Удар. Меня подбросило. Ну, и скрутил сальто. И в этот момент надо мною еще два здоровенных камня просвистали. Вот когда гимнастика мне крепко пригодилась. Ведь от веревки, на которой меня удерживали, только ниточка осталась, да, спасибо, надежно за камни уцепился, пока товарищи подоспели, удержался.

Собенко прохаживается по комнате, нет-нет останется подле горки, возьмет в руки какой-нибудь из моих призов, и я невольно вспоминаю историю каждого из них: из этих пятнадцати кубков (спортсменам почему-то больше всего подносят именно эту соблазнительную посуду из «Ювелирторга», а ведь не станешь же пить из нее ацидофилин?) и этих пятидесяти медалей в их сафьяновых колыбельках. Шумный и жизнерадостный, окутанный флером тумана Париж! О тебе напоминает простая деревянная чаша с корабликом — гербом прекрасного города. А этот оцетинивший свою пасть черный как уголь лев! Он из Мукдена, искусная рука китайского друга выточила его из темного минерала и установила на шаре. Эта покрытая чернью шкатулка с великолепной гравюрой по металлу напоминает о Будапеште, о прогулках вдоль Дуная, о первом месте, которое я завоевал здесь в соревнованиях, проведенных в канун XV Олимпий-

ских игр! А этот медведь, тяжелый и сильный, на точечном деревянном блюде! Откуда ты, мишка, приехал во Львов? Из Большого Берлина, где ты был наградой мне за мои «118,75», и, принимая тебя, я слышал о том, что с древних времен был ты символическим покровителем города. Готические шпили средневековых домов, узкие улочки с упирающимися один в другой балконами в медальоне, укрепленном на мраморном основании! Вид города на фоне Дуная! Это подарок гимнастов краевого «Сокола» Братиславы. И, наконец, огромная массивная медаль в специально изготовленной шкатулке: силуэт Бранденбургских ворот и толпы ликующих людей. Память об XI летних играх молодежи, состоявшихся в Берлине.

Трофеи одержанных нами побед.

Но эти победы не одержаны нами одними. В борьбе за их достижения нам помогали и те, кто на площадке детского сада, играя, вводит в мир организованных движений наших малолеток, и те, кто прививает гимнастическую культуру остриженным под нулевку третьеклассникам, и те, кто на армейском плацу далекого гарнизона выводит на утренний холодок выстроившихся по ранжиру румяных, крепко сбитых бойцов. Мы делим свою победу с каждым из вас, товарищи! Она принадлежит всем нам вместе.

МАРШ МОЛОДОСТИ

Теперь в Москву.

Сквозь узкий квадрат окошка видно покачивающееся на лету крыло нашего самолета. Где-то внизу мелькнули белые палатки и ряды спортсменов на лужайке. Со всех концов страны съезжаются они на парад в Москву, и вот уже наш воздушный корабль, словно идущая под крутым ветром яхта, мягко кренится на крыло.

Москва! Встречай еще одну команду чемпионов мира, родная! Они готовы занять свое место в строю торжественного марш-парада, которым откроется наш праздник — День физкультурника.

Минуло почти десять лет с того дня, когда на разбитой бомбами станции услышал я голос диктора, рассказывавшего о параде 1945 года, и я слушал его, радуясь тому, что живет советский спорт, и мечтая о том, чтобы мне самому встать в его ряды, пусть в самой последней из шеренг.

Многие наши хлопцы побывали уже на парадах, и не раз слушали мы их рассказ о том, как не тысяча, а многие десятки тысяч спортсменов сходились на площади в Москве. В эти дни как бы раздвигались границы Красной площади, и перед зрителями предстала армия физкультурников великой Советской державы, широко раскинувшейся от Балтики до Тихого океана, от ледяных морей Заполярья до субтропиков Туркмении. В одном строю с лучшими мастерами

спортивной гимнастики Москвы или Ленинграда Николаем Серым, Владимиром Беляковым, Галиной Урбанович шли седой охотник из далекого киргизского аула с гордым орлом на воздетой руке или туркмены, демонстрировавшие древнюю воинскую пляску белуджей с саблями.

И мне довелось в 1949 году быть в Москве. Велоколебен в этот праздничный день стадион «Динамо», похожий на огромный цветущий сад. Реют на верхней кромке трибун пестрые стяги с эмблемами всех спортивных обществ. На южной трибуне огромный государственный Герб Советского Союза, рядом с ним гербы всех шестнадцати союзных республик, посланцев которых увидит ныне Москва.

По всему полю замерли многоцветные прямоугольники спортивных делегаций. В одной из них недвижно стоит вихрастый загорелый хлопец, глаза которого то устремляются к центральной ложе, где он видит руководителей партии и правительства, то к соперничающим в убранных и выправке колоннам, то, наконец, к оркестру, такому невиданно многолюдному, многотрубному, что каждое движение дирижера повторяют чуть ли не десять его ассистентов, управляющих группами инструментов. То я, Чукарин.

Наше выступление начинается с возникшей над полем многоэтажной пирамиды. Потом, словно воды седого Днепра, вольно и мощно текущего вдоль освобожденных сел и городов, заструились голубые волны шарфов, с которыми выступают украинские гимнастки. Девушек сменяют гимнасты с блестящими под солнцем палками, которые неожиданно для зрителя нажимом на рычаг превращаются в колосья — символ тех урожаев, которыми так богаты наши степи и нивы. Над полем возникает, словно видение возрожденной страны, уходящая ввысь плотина Днепрогэса, сквозь устои которой бежит нескончаемый живой поток из множества тел.

Я не только участвую в массовых выступлениях, мне доверена партия солиста на перекладине и на брусках, которые подняли высоко над головами выступившие в круг участники.

Наутро разворачиваем свежий, пахивающий керосином номер «Правды», и наш гимнаст Вася Шматко, быстро пробежав глазами по столбцам отчета, находит и несколько раз с выражением читает, торжественно поглядывая на сидящих на койках ребят: «С большим интересом наблюдали зрители за упражнениями на перекладинах и сложной акробатикой отличных украинских гимнастов — ярким свидетельством зрелости и высокого уровня их спортивного мастерства».

И вот прямо с чемпионата в Риме я опять попадаю в Москву на парад. В это воскресное июльское утро вся Москва проснулась особенно рано. Теплый грозовой дождик окропил листву бульваров, омыл улицы и площади, над которыми реют стяги спортивных обществ. С утра со всех концов великого города движутся к Ленинградскому шоссе нескончаемые потоки машин и пешеходов. Здесь, на стадионе «Динамо», справляет страна Всесоюзный день физкультурника, праздник молодости, силы, здоровья и красоты.

Вот и стадион... В обрамлении огромных стягов шестнадцати союзных республик высится барельеф Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина. Горят на фоне зелени золотые буквы призыва: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — великая вдохновляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!»

В занявших все пространство покрытого огромным светлозеленым ковром поля делегациях физкультурников всех союзных республик, всех спортивных обществ я вижу живое воплощение слов огромного транспаранта, поднятого над западной трибуной: «За массовость физкультурного движения, за высокое мастерство!»

Стоя плечом к плечу с товарищами, я с гордостью слушаю слова обращенной к физкультурникам речи, где говорится о больших успехах, которых добились советские спортсмены. В числе тех, кто завоевал почетные звания чемпионов мира и Европы, названы и мы, гимнасты.

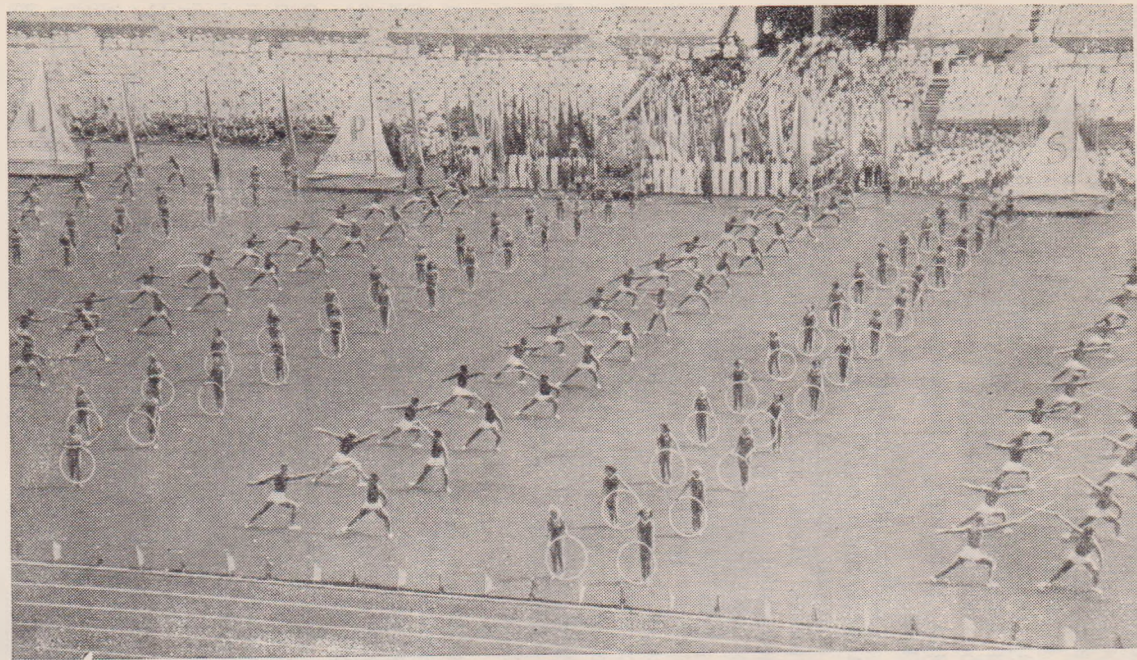
Короткая команда. Марш-парад начался! Вслед за знаменосцами вступает на дорожку колонна спортсменов. Во главе ее — ведущие тренеры, ветераны спорта, его создатели, чей опыт и труд помогают нам завоевывать звания чемпионов и рекордсменов. Среди них, бок о бок с Яковом Куценко, Николаем Денисовым, Константином Кудрявцевым, Виктором Алексеевым, Дмитрием Марковым, идут и тренеры сборной команды советских гимнастов Александр Семенович Мишаков, Константин Сергеевич Каракашьянц, Таисия Антоновна Каменская (Демиденко).

В изящных пепельного цвета костюмах, сверкая золотом медалей, печатают шаг чемпионы и рекордсмены страны, Европы и мира, победители XV Олимпийских игр. Не будет преувеличением назвать эту колонну цветом советского спорта. Вот идет Александра Чудина, более пятидесяти золотых и серебряных медалей завоевала замечательная легкоатлетка и волейболистка на чемпионатах страны, Олимпийских играх и в трех первенствах Европы. Под стать ей мастера меткого выстрела Петр Авилов и Григорий Лузин — у первого пятьдесят одна золотая и серебряная медали, у второго — сорок.

В рядах колонны мастеров можно видеть Галину Зыбинчу и Марию Исакову, Михаила Ботвинника и Артема Теряна, Юрия Литвева и Константина Реву, сильнейших не только в СССР, но и за рубежами баскетболистов, хоккеистов, гребцов, штангистов, конькобежцев, лыжников. Здесь и все мои товарищи по недавним боям на спортивной арене в Риме и мы — три обладателя почетного звания абсолютных чемпионов мира.

Все мы знаем, как богата талантами наша великая страна, но парад 1954 года превзошел ожидания любого из нас своей красочностью, мощью, мастерством. Торжественное шествие вдоль трибун превратилось в демонстрацию несокрушимой силы и сплоченности народов многонациональной Советской державы.

Торжественный марш окончен. Раздается протяжный гудок. Из ворот восточной трибуны появляется

Гости назвали парад советских физкультурников «фантастическим зрелищем».

железнодорожный состав. Из бутафорских вагончиков выскакивают, заполняя все поле, участники школьных физкультурных коллективов. Давно ли занимались в этих кружках ташкентская школьница Галина Шамрай (ныне Рудько) или чемпион Ленинградского дворца пионеров Тамара Манина. Теперь одна из них — абсолютная чемпионка мира, другая — победительница мирового чемпионата по двум видам гимнастики.

Зеленое поле стадиона превратилось в возникший за несколько секунд пионерский лагерь, один из тех, в которых проводят каникулы миллионы ребят нашей страны. День лагеря начинается утренняя зарядка. Мальчики упражняются с гимнастическими палками, девочки берутся за разноцветные скакалки.

Выступление самых юных участников парада похоже на веселую игру. Вот неожиданно забили из-под земли фонтаны, и мы видим, как группы школьников искусно изображают стремительно несущиеся лодки. Теперь стадион превратился в лесную поляну, по которой, словно мотыльки, порхают девочки в изящных и пластичных композициях художественной гимнастики.

Видное место заняли в детской физкультуре гимнастика и акробатика, и чем больше внимания будет отдано этой «азбуке спорта» в школе и пионерском лагере, в детских спортивных школах и дворцах пионеров, тем богаче будет урожай наших спортивных побед.

Каждая из выступающих на огромном ковре спортивных делегаций сумела окрасить своим национальным колоритом общеизвестные элементы спортивной гимнастики. «Зеленым золотом» своих лесов славится Карелия. Выступление ее гимнастов завершает аллея из запущенных снегом елей, которую образовали зеленые костюмы карело-финских физкультурниц. Живая просека возникает неожиданно из-за раздвинувшихся, словно театральный занавес, спортивных стягов. Налетевший порыв ветра заставляет раскачиваться могучий лес, которому дружно аплодируют зрители.

Мотивы родного им моря удачно использовали в своем выступлении спортсмены Эстонии. Недвижно стоят шеренги эстонских гимнастов с металлическими шестами. Быстрое перестроение — и, подняв на плечи шесты, юноши демонстрируют на них стойки, переходы и соскоки, которые обычно выполняются на гимнастических снарядах.

Новое перестроение — и мы видим на зеленом фоне поля пятиконечную звезду с серпом и молотом. А там на голубой глади вод возникли идущие под попутным ветром яхты. А сколько живости и легкости в народных танцах, где движение голубых шарфов передает бегущие волны морского прибоя!

Под звуки национальной мелодии демонстрируют свои успехи в гимнастике спортсмены Туркмении. Их сменяет делегация Армянской ССР, открывающая свой показ здравицей Коммунистической партии. Немалых успехов добились гимнасты Армении! Двести спортсменов в едином синхронном движении взлетают и переворачиваются в воздухе, демонстрируя сальто. За ними выходят на поле триста семьдесят гимнастов. Девушки, плывущие в своеобразном хороводе, образуют движущиеся навстречу друг другу круги: синий и красный.

Пока по дорожке промчались велосипедисты, на закрытом развернутыми знаменами поле уже установили снаряды. Вот и наши товарищи по сборной команде страны: изящный и вместе с тем сильный в каждом своем движении Грант Шагинян, отлично выступает чемпионом мира по кольцам Альберт Азарян. Взлетают над перекладиной тела гимнастов, слаженно, с машинной точностью выполняющих большие обороты. Вознесенная над полем шестиярусная пирамида завершает яркое, отлично подготовленное выступление армянских спортсменов.

Четыре раза видели москвичи в строю армянской делегации заслуженного мастера спорта Гранта Шагиняна.

— И раньше, конечно, на празднике демонстрировали свои достижения мастера, — рассказывает он. — Но теперь их неизмеримо больше! Я, например,

помню, что в делегации Армении около десяти лет назад с более или менее сложным гимнастическим упражнением выступал один я, молодой мастер спорта... За эти годы мне удалось повысить свой класс спортсмена. Я стал чемпионом мира. Но сейчас мое выступление, причем более сложное, чем тогда, ничем не выделяется. Еще бы! Рядом демонстрирует упражнения на кольцах чемпион мира Альберт Азарян, а десять наших молодых гимнастов легко и свободно выполняют комбинации, которые входили в программу первенства мира 1954 года.

Глядя на весело, задорно, как-то особенно бравурно шагающих молодцов из Армении, — а среди них немало тех, кто обрел свою родину, вернувшись к нам из Сирии или Египта, — вспоминаю недавно читанные строки из книги Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Мариэтта Сергеевна рассказывает о «красивейшем из наших праздников» — Всесоюзном физкультурном параде, на котором красота и молодость, сила и гибкость, ловкость и грация в строгой дисциплине ритма показывают зрителям, как похорошел наш народ, как он полнокровно счастлив, как властен над своим гибким и здоровым телом. И армяне, с чувством законной гордости добавляет автор, на этом параде отнюдь не последние.

Писательница повествует, как ныне физкультура вошла и в города и в села Армении, где и не мечтали о ней до революции. Если молодые крестьяне собирались помериться силой в борьбе или для игры в лахт, то горожане представления не имели о лечебных свойствах ритма и движения.

Не могу удержаться от соблазна, чтобы не рассказать об одном событии, свидетелем которого была писательница. Это было в маленьком горняцком клубе поселка Кафан, на пятом году жизни Советской Армении.

Смолкли аплодисменты, которыми зрители наградили актеров самодеятельного спектакля, хотя показанным им миниатюрам было по полсотне лет. Занавес упал, но организаторы вечера, приняв таинственный вид, просили зрителей не расходиться: готовилось

еще что-то необычайное, что-то не отмеченное в программе.

На сцену вышли четыре человека в трусах. Они шли красные как раки, с намокшими от пота затылками, смертельно сконфуженные, не глядя в зал, но шли храбро, словно исполняя серьезную задачу. Это были четыре горняка Кафана, первые физкультурники, которые старательно, хотя и не очень складно, показывали гимнастические упражнения.

«Вот они, — подумал я, когда прочел эти строки, — те, кто закладывал семена в благодатную почву советской гимнастики, массового спорта, спорта миллионов».

Ярким выражением массовости нашего спорта было выступление гимнастов «Трудовых резервов». Без малого четыре тысячи юношей и девушек выстраиваются на поле. В слитном движении множества тел, неожиданных сменах красок молодые гимнасты показывают, что в их рядах растут не только резервы труда, но и спортивного мастерства. То взвились над полем управляемые искусными руками стальные ленты, то возникли сотни меняющих свою окраску тюльпанов, то взметнулись в стремительном сальто сотни акробатов.

Весь стадион дружной овацией наградил мастерство постановщиков и отличную выучку ремесленников.

Отрадно видеть на московском стадионе и гимнастов далекой горной республики — Таджикистана и спортсменов Киргизии, сумевших в упражнениях на неподвижном гимнастическом коне передать ту стремительность, которая присуща джигиту, смело мчащемуся на своем скакуне по бескрайным просторам.

На поле выносят знамена с изображением орденов Ленина и боевого Красного Знамени. Этим наград удостоен коллектив Ленинградского института физической культуры имени Лесгафта за подготовку специалистов и за образцовое выполнение заданий командования в годы Великой Отечественной войны.

Гимнасты-лесгафтовцы выступают на поднятых на высоту шести метров перекладинах, а заслуженный

мастер спорта Олег Бормоткин, в прошлом студент, а ныне преподаватель института, совершает перелет с одной перекладины на другую, проделав в воздухе сальто.

Вслед за покидающей поле делегацией Азербайджана выходит самая малочисленная «колонна». Это мы, вернувшиеся из Рима гимнасты сборной команды Советского Союза. Колонну возглавляют тренеры Таисия Антоновна Каменская и Александр Семенович Мишаков. В строю нет ни одного, кто бы не завоевал в Риме звания чемпиона мира: Галина Рудько, Мария Гороховская, Тамара Манина, Нина Бочарова, Галина Шарабидзе, Лариса Дирий, Полина Данилова, Тамиме Жалеева, Валентин Муратов, Грант Шагинян, Альберт Азарян, Борис Шахлин, Иван Востриков, Евгений Корольков, Сергей Джаиани, Виктор Чукарин.

Сильнейшие в мире! Гордо это звучит. Но это звание завоевано многолетним упорным трудом, кропотливой работой всех тех, кто создавал советскую школу гимнастики. Ныне она признана всем миром.

Диктор торжественно представляет каждого из нас, и трое из шестнадцати — Галина Рудько, Валентин Муратов и я — выходят с коротким выступлением: оно длится не больше трех минут. Москвичи и гости видят мою произвольную, чуть усиленную комбинацию, с которой выходил я на стадион в Риме. После двух резких акробатических прыжков переворот назад — сальто. За ним следуют круги, которые обычно выполняют на коне с ручками. Не беда, что здесь нет ни ручек, ни коня, а только огромный, во все поле войлочный ковер. Это не мешает мне скрутить пять кругов. Выступление завершает новое, более высокое сальто.

Вслед за нами в рядах грузинской делегации выступают и другие участники сборной команды. Высоко взлетает на кольцах Медея Джугели, на брусках безупречно выполняет сложную комбинацию Галина Шарабидзе, оборот за оборотом крутит вокруг перекладины Сергей Джаиани.

Гимнасты казахских степей, выйдя на стадион,

рассказали о той битве, которую ведут посланцы всей страны на целинных землях далеких степей. Об этом напоминают и возникшая на поле живая нива золотящейся пшеницы, и несущие вести о добром урожае наездники, и окруженный заботливыми руками огромный сноп — пирамида. «Казахстан — Родине! Поднять 6 миллионов га целины!» — гласит призыв, завершающий выход физкультурников Казахстана.

Вновь подтвердил свою славу коллектив Центрального ордена Ленина института физкультуры имени Сталина. С 1920 года существует институт, с 1931 года выступает на всесоюзных физкультурных парадах.

Поле стадиона превращается в огромную гимнастическую арену, где возникает множество поднятых на большую высоту брусьев, которые в какое-то неуловимое мгновение превращаются в гимнастические бревна, затем снова в брусья с застывшими в стойке на руках пятьюдесятью одновременно выполняющими упражнения гимнастами.

Студенты института имени Сталина поставили перед собой серьезную цель — показать в выступлении рост мастерства большой массы гимнастов. Для этого предстояло не только за два месяца обучить сто двадцать гимнасток произвольным упражнениям на бревне по программе мастеров, а двести сорок юношей — упражнениям первого разряда и мастеров, но и создать портативный гимнастический снаряд, очень легкий, удобный для переноски и вместе с тем достаточно устойчивый. И мы и тысячи зрителей увидели на параде такую конструкцию, созданную Виталием Михайловичем Абалаковым. На поле устанавливается перекладина, она перевортывается — и перед нами возникают брусья. Смена снарядов идет поистине молниеносно, вызывая единодушное одобрение зрителей.

Вижу с трибун, как течет и течет на поле стадиона нескончаемый людской поток, словно волны в море, сменяют одна другую делегации.

* * *

В том-то и наша сила, что растет наш спорт вширь и вглубь. И если вчера взошел на постамент почета хлопец с Мариупольщины, то завтра на его место встанет паренек из Ишима либо похожий на сказочного Давида Сасунского здоровяк из Ленинакана. А сколько еще новых Шахлиных, Азарянов, Муратовых растет в рядах юных, что покидают сейчас поле, напутствуемые дружными, вторящими каждому шагу аплодисментами. Привет тебе, молодой, неизвестный спортсмен!

СОДЕРЖАНИЕ

Хлопец с Мариупольской слободки . . .	3
Первые шаги	28
Узник вернулся домой	47
Майка чемпиона	84
«Под золотым дождем»	118
Москва — Пекин — Париж	148
На первенство мира в Риме	159
Марш молодости	195

Чукарин Виктор Иванович

ПУТЬ К ВЕРШИНАМ

Редактор *М. Данилова*

Худож. редактор *Н. Коробейников*

Техн. редактор *Н. Михайловская*

*

Ш105591 Подп. к печ. 7/ХII 1955 г.

Бумага $84 \times 108^{1/32}$ = 3,25 бум. л. =

= 10,6 печ. л. 10 уч.-изд. л.

Тираж 50 000 экз. Заказ 2235.

Цена 4 р. 50 к.

*

Типография „Красное знамя“

изд-ва „Молодая гвардия“.

Москва, А-55, Сушеvская, 21.

(22)